

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ
КАЗАХСТАН**

ИННОВАЦИОННЫЙ ЕВРАЗИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

А.Н. Алинов

**ЛЕКСИКОН АНГЛИЙСКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ
(ЭТНОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ)**

Магистерская диссертация на соискание
академической степени магистра гуманитарных наук
по специальности 6М020500 – Филология

ПАВЛОДАР – 2014

Министерство образования и науки Республики Казахстан

Инновационный Евразийский университет

Допущен (а) к защите:
зав. кафедрой «ЖиРФ»,
доктор филологических наук,
профессор _____ А.Р.Бейсембаев
(подпись)

« ____ » _____ 20__
г

Магистерская диссертация

**ЛЕКСИКОН АНГЛИЙСКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ
(ЭТНОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ)**

специальность: 6М020500 – Филология

Магистрант

(подпись)

А.Н. Алинов
(инициалы, фамилия)

Научный руководитель,
кандидат филологических наук,
доцент

(подпись)

Т.К. Маняпова
(инициалы, фамилия)

ПАВЛОДАР – 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
1 Научно-теоретические основы исследования сказки как жанра устного народного творчества.....	7
1.1 Понятие «фольклор» и его жанровая парадигма.....	8
1.2 Жанровое своеобразие народной сказки, ее дифференциальные признаки.....	11
1.3 Лексический классификатор народной сказки.....	14
2 Репрезентация действительности в лексиконе английской народной сказки.....	31
2.1 Стратегия и критерии номинаций человека, животных и мифологических персонажей в английской языковой картине мира.....	31
2.1.1 Биологические свойства и качества как маркер номинации.....	40
2.1.2 Социокультурный признак как основа номинации сказочных героев в языковой картине мира (особенности уклада жизни, хозяйственная деятельность человека и др.).....	46
2.2 Номинация как способ этнической идентификации сказочного героя (отражение естественной среды обитания человека, основные этнические признаки, языковая репрезентация абстрактных понятий), запечатленной в языке английской народной сказки.....	60
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	80
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	84
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	94

ВВЕДЕНИЕ

Лингвистические и этнокультурологические исследования последних двух десятилетий [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10] посвящены как воссозданию религиозно-мифологических представлений и отдельных фрагментов картины мира конкретного народа, так и реконструкции духовной культуры этноса в целом.

Исключительная роль фольклорных источников как материала, в наиболее полной форме сохранившего архаическое народное мировоззрение, обусловила их использование в целях изучения собственно языка фольклора [11; 12; 13; 14; 15; 16; 17], отдельных элементов фольклорной картины мира [18; 19], специфических черт языковой картины мира в синхроническом и диахроническом аспектах [20; 21; 22].

Актуальность настоящей работы мотивирована глобализацией и динамическим расширением культурных, научных, экономических контактов стран и народов; коммуникацией языковых личностей в расширенном социуме, принадлежащих разным лингвокультурам, при условии знания «сценарных ходов» /Леонтьев А.А./ и речеповеденческих стереотипов инокультурных коммуникантов.

Цель исследования заключается в лингвистическом описании лексикона английской народной сказки, отражающей особенности мировидения, элементы материальной и духовной культуры английского народа.

Для достижения заявленной цели были определены и решены следующие **задачи**:

- 1) провести каталогизацию основных понятий, используемых в данном исследовании;
- 2) выявить жанровые особенности народной сказки;
- 3) провести классификацию лексикона английской сказки, охарактеризовать тематические группы языковых единиц, репрезентирующих элементы материальной и духовной культуры английского народа, и символическую образность лексических единиц фольклорного произведения.

Объектом исследования в данной работе является языковое пространство английской народной сказки.

Предмет исследования составляет совокупность лексических единиц фольклорного произведения – сказки, обладающих символической образностью и репрезентирующих элементы материальной и духовной культуры английского народа.

Научная новизна исследования определяется использованием комплексного подхода к изучению произведений народного творчества [23. с. 31]: тексты сказок содержат «вкрапления» произведений малых фольклорных жанров (пословицы, поговорки, загадки, приметы, заклинания) или отрывки из произведений более крупных жанров фольклора (песен, баллад). Комплексный подход в исследовании обусловлен тем, что сказочные тексты являются

контаминированными образованиями (ср. прозаические жанры – легенды, были).

Положения, выносимые на защиту:

1) жанровое своеобразие английской народной сказки проявляется в контаминации собственно сказочных и несказочных элементов, представленных отдельными лексическими единицами, лексико-семантическими полям, тематическими группами;

2) в классификационной карте лексикона английской сказки доминантными являются лексико-семантические поля, содержащие номинации человека, характеризующие природно-географическую среду, образ жизни и деятельности человека в разные эпохи, а также тематические группы как разновидности лексико-семантического поля (по содержательным характеристикам сказочных текстов и символической образности лексических единиц фольклорного произведения);

3) в вертикальном контексте английской народной сказки бытуют архетипические представления, синхроническое и диахроническое исследование языковой объективации которых позволяет выявить национально-специфические компоненты языковой картины мира английского народа.

Материалом исследования являются языковые единицы, извлеченные методом сплошной выборки из следующих источников: English Fairy Tales by Joseph Jacobs. – London: David Nutt, 1890; More English Fairy Tales by Joseph Jacobs. – London: David Nutt, 1894; English Fairy Tales / Retold by Flora Annie Steel. – London; Macmillan and Co. Ltd, 1927; Народные сказки Британских островов. Сборник / Сост. Дж. Риордан. - М.: Радуга, 1987; а также теоретические исследования по этнолингвистике, этнопсихологии, лингвокультурологии, фольклористике и т.д.

Методы исследования: компонентный анализ, дефиниционный анализ, контекстуально-ситуативный анализ, этимологический анализ, сопоставительный анализ, статистический метод.

Теоретическая значимость. Результаты диссертационного исследования вносят определенный вклад в решение актуальных проблем моделирования этнической языковой картины мира через лингвистическое описание лексикона английской народной сказки, отражающей особенности мировидения и элементы материальной и духовной культуры английского народа. Кроме того, в работе проведена детализация содержания понятия «сказка» («folk-tale») применительно к английским сказочным текстам с учетом их исторически обусловленного жанрового своеобразия и классификация лексических единиц, номинирующих человека, животных и мифологических персонажей в английской языковой картине мира.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования результатов диссертационного исследования при разработке практических курсов и семинаров по лексикологии, стилистике, межкультурной коммуникации и истории английского языка, а также при разработке спецкурсов

по английскому фольклору, лингвофольклористике, этнокультурологии и культурологии.

Апробация работы. Содержание диссертации отражено в двух публикациях (статьях) в сборнике работ магистрантов и студентов «Голоса молодых» - научная статья «Репрезентация национального менталитета в корпусе языковых единиц английской народной сказки», а также в журнале «Вестник ИнЕУ» 1-й выпуск 2014 – научная статья «Гендерный аспект языковой картины мира».

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и приложения.

В первой главе уточняются понятия «культура», «фольклор», «сказка», «картина мира»; рассматриваются существующие жанровые классификации произведений устного народного творчества; определяются основные тенденции в развитии сказки, влияющие на ее жанровое своеобразие; характеризуется специфика фольклорной картины мира; описываются особенности структуры языковой картины мира и принципы классификации лексикона английской народной сказки.

Во второй главе формируются лексико-семантические поля из отобранных лексических единиц разных частей речи, которые организованы в группы в соответствии с принадлежностью их референтов к одной из областей внеязыковой действительности; изучаются содержательные и количественные характеристики образованных тематических групп; исследуется мифологическое значение номинаций природных объектов, живых организмов, элементов материальной и духовной культуры английского народа и особенности их функционирования в текстах сказок.

В заключении в обобщенной форме излагают результаты диссертационного исследования.

1 Научно-теоретические основы исследования сказки как жанра устного народного творчества

Культурологические, лингвистические и этнокультурологические исследования последних десятилетий (Н.И. Толстой, Вяч.Вс. Иванов, В.Н. Топоров, М.М. Маковский, С.М. Толстая, Т.А. Михайлова, Т.В. Цивьян, Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова, А.В. Гура, В.В. Усачева, Е.А. Карпова, Т.В. Топорова, А.Н. Павленко) имеют общую цель воссоздания народной культуры в ее полном виде и изучения ее особенностей на каждом этапе развития народа. Повышенный интерес к культуре как к явлению, свойственному исключительно человеческому обществу, требует уточнения самого понятия культуры.

В этнокультурологии [24; 25; 26] выделяют несколько подходов к определению культуры, среди которых наиболее распространенными являются описательный (Э. Тайлор), ценностный (М. Хайдеггер, М. Вебер), деятельностный (Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов), нормативный (Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, Э. Бенвенист), духовный (Л. Кертман) и типологический (М. Мамардашвили, С.С. Аверинцев).

Перечисленные подходы, как правило, вычлениют одну сторону многостороннего феномена, возводя ее в ранг единственно значимой характеристики, неоправданно сужая, таким образом, объем понятия. В настоящем исследовании вслед за С.Г. Тер-Минасовой [27, с. 12 – 13] культура будет рассматриваться, прежде всего, как совокупность результатов человеческой деятельности в производственной, общественной и духовной жизни. Данное определение позволит в ходе работы сконцентрировать внимание не только на проявлениях духовной жизни народа (обычаях, традициях, верованиях, нормах поведения, ценностях, запретах), но и на материальном воплощении культуры.

Выбранный материал исследования локально и темпорально ограничивает понятие культуры. В исследовании предполагается рассмотреть особенности отражения древней материальной и духовной культуры английского народа в лексиконе английской народной сказки.

Говоря об отношениях между культурой и фольклором, одним из жанров которого является сказка, необходимо отметить существование периодов в развитии человеческого общества, когда культура полностью отождествлялась с фольклором и рассматривалась исключительно как фольклорная культура. Характеризуя ранние стадии эволюции человека, Ю.И. Смирнов определяет фольклор как «знание о себе и окружающем мире, передаваемое от старших младшим и закрепленное, устойчивое по формам исполнения и усвоения», т.е. как духовную деятельность, отождествляя его, таким образом, с феноменом культуры [28, с. 99].

Развитие человеческого общества, освоение новых сфер деятельности обогатили понятие культуры новым содержанием, превратив фольклор в одну из ее форм. С целью уточнения составляющих элементов собственно народной культуры представляется необходимым интерпретировать понятие «фольклор».

1.1 Понятие «фольклор» и его жанровая парадигма

В настоящее время в постсоветской и зарубежной фольклористике существует как широкое, так и узкое понимание фольклора. Широкая трактовка понятия «фольклор» в большей степени свойственна зарубежным авторам, которые относят к фольклору произведения устного народного творчества, народную этимологию, традиционные стилистические средства, народную поэзию, жанры народной инструментальной музыки, народные песни, народную медицину, поверья и суеверия [29, с. 3; 30, с. 11; 31, с. 435; 32, с. 92; 33, с. 379]. Сходное толкование фольклора как народного творчества, объединяющего произведения народной словесности с совокупностью обрядовых действий, отмечено в толковом словаре русского языка [34, с. 843].

Отдельными исследователями (W. Bascom, M. Jacobs) предпринимались попытки сузить данное понятие [30, с. 9], что привело к появлению термина «народная литература» (folk literature) [35, с. 346], по сути соответствующего утвердившемуся определению фольклора в постсоветской фольклористике, где термин «фольклор», по данным толковых и литературоведческих словарей, используется для обозначения исключительно устного народного творчества [36, с. 912]; народной словесности, устной словесности, народной поэзии [37, с. 476].

При определении отличительных черт фольклора зарубежные авторы (Voigt, Hultkrantz, Pentikäinen, Ben-Amos, Bauman, Oring) проявляют некоторую непоследовательность, рассматривая лишь словесное народное творчество, а не все народное творчество в многообразии его форм и проявлений. В качестве ведущих отличительных признаков, характеризующих фольклорное произведение, выступают процесс его устной передачи от рассказчика к слушателям [38, с. 7; 39, с. 188; 40, с. 199; 33, с. 379], спонтанность и непроизвольное, непреднамеренное (unconscious) создание произведения [38, с. 22; 30, с. 8; 41, с. 4]. Выделенные признаки, однако, не могут быть в равной степени отнесены ко всем многообразным формам народного творчества по причине невербального характера некоторых из его жанров.

В настоящем исследовании фольклор рассматривается в общепринятом для постсоветской фольклористики понимании как словесное, устно-поэтическое художественное творчество. Все остальные формы, не относящиеся непосредственно к произведениям устного народного творчества, входят в качестве составляющих элементов в понятие народной культуры.

Произведения устного народного творчества обладают определенными структурно-композиционными, сюжетными и поэтическими характеристиками, позволяющими говорить о принадлежности произведений к одному из фольклорных жанров. В качестве критериев жанровой классификации традиционно выделялись общность поэтической системы, бытового назначения, форм исполнения, музыкального строя [42, с. 33; 43, с. 13; 44]. В.Я. Пропп отмечал возможность применения комбинированных сочетаний

перечисленных критериев в отношении произведений разных жанров и отдавал предпочтение критерию поэтики, т.е. изучению признаков формы.

Несмотря на существование нескольких обуславливающих жанр критериев, при определении места фольклорного произведения в жанровой классификации предпочтение, как правило, отдавалось критерию бытового назначения или функциональному критерию, поскольку изменение намерений рассказчика и, следовательно, функции произведения приводит к изменению жанровой принадлежности этого произведения [43, с. 14].

В целом можно выделить три основные сферы функционального назначения фольклорных произведений: сферы эстетического, социально-педагогического и магического воздействия на человека [45; 43; 46; 47; 48]. Характер отношений первых двух сфер, проявляющийся во взаимных отношениях эстетической и информативной функций, определяет характер мировосприятия и дает основания разграничить сказочную и несказочную устную прозу (В.Я. Пропп, Э.В. Померанцева).

Отдельные исследователи фольклора (Э.В. Померанцева, L. Dégh) подчеркивают наличие эстетической функции во всех без исключения произведениях устного народного творчества независимо от их жанровой специфики [43, с. 13 – 15; 49, с. 15, 21]. В фольклорном тексте коллективное сознание народа создает «абсолютную эстетическую действительность» (термин А.Ф. Лосева) со свойственными ей эстетическими параметрами [50].

В последние десятилетия в постсоветской и зарубежной фольклористике (Е.М. Мелетинский, Э.В. Померанцева, Б.Н. Путилов, В.Е. Гусев, С.Н. Азбелев, М.А. Венгранович, W. Bascom) все чаще говорится о полифункциональности фольклорных текстов, поскольку в отдельных случаях в них наблюдается отсутствие четкой взаимной дифференциации отдельных функций. Данное явление расценивается как остаточный признак синкретизма, приводящий к характерной для фольклорного произведения контаминации функций.

В этой связи в науке о фольклоре отмечена стойкая тенденция к рассмотрению жанра фольклорного произведения как «типа внутренней образно-структурной и композиционно-поэтической организации» [51, с. 97], которая предполагает учет не только формальных, но и содержательных признаков. Тем не менее, В.П. Аникин подчеркивает условный характер понятия «жанр» и недостаточную степень разработанности данной проблемы, что затрудняет определение жанровой принадлежности отдельных текстов [51, с. 107 – 108].

Таким образом, определяя жанровую принадлежность фольклорного произведения, необходимо руководствоваться целым рядом критериев, описывающих его структурные и содержательные признаки и функциональное назначение. Ни один из критериев не может быть выделен в качестве самостоятельного или ведущего, так как в текстах разных жанров возможно существование разнообразных комбинаций критериев. Более того, даже в рамках отдельного взятого текста некоторые критерии не получают четкого,

однозначного выражения, что происходит, например, в случае контаминации функций внутри критерия функционального назначения.

Несмотря на отсутствие единообразия в подходах к определению жанровой принадлежности фольклорных текстов, представляется необходимым рассмотреть существующие в фольклористике жанровые классификации произведений народного творчества. Н.И. Кравцов рекомендует использовать литературоведческую классификацию в качестве основы, производя деление на роды, жанры и жанровые разновидности [42, с. 33].

В соответствии с основными жанровыми признаками Э.В. Померанцева выделяет в фольклоре песенные, прозаические и драматические жанры. К группе песенных жанров относятся былины, исторические песни, баллады, лирические песни, которые могут подразделяться далее по признаку обрядовости. Прозаические жанры представлены сказками, преданиями, легендами, быличками, бывальщинами. Драматические жанры включают в себя народные пьесы, игры, хороводы [43, с. 13].

Жанровые классификации фольклорных произведений в британской универсальной энциклопедии [53] и словарях литературоведческих терминов [39, с. 189; 40, с. 199; 35, с. 346] в общих чертах совпадают с классификацией Э.В. Померанцевой. В них наиболее детально представлены прозаические жанры (мифы, легенды, сказки, басни, пословицы, загадки, заклинания, заговоры). Песенным (баллады, народные песни) и драматическим (народная драма) жанрам дана схематичная характеристика.

В американской универсальной энциклопедии при определении основных фольклорных жанров учитываются особенности формы, функции, цели произведений и характер их восприятия слушателями, что, в целом соответствует основным критериям, принятым в постсоветской науке о фольклоре. Ведущие жанры фольклорных текстов представлены мифами, легендами и сказками (*fairy tale* или *Märchen*) [53, с. 498t]. Каждый из перечисленных жанров характеризуется пестротой и неоднородностью состава и включает в себя многочисленные жанровые разновидности.

Все перечисленные жанровые классификации созданы на основе нескольких сходных критериев, что и объясняет их содержательную близость. В отличие от постсоветских классификаций фольклорных жанров зарубежным классификациям в меньшей степени свойственна системность. При перечислении входящих в состав так называемой народной литературы (*folk literature*) отдельных жанров отсутствует какая-либо попытка сгруппировать их на основе объединяющих их признаков.

Задачам настоящего исследования в наибольшей степени отвечает жанровая классификация произведений народного творчества Э.В. Померанцевой, при создании которой учитывались основные критерии (общность поэтической системы, бытового назначения и характера исполнения). Уточнение жанрового своеобразия, сказок, легенд и былей в данной работе необходимо с целью изучения межжанровых связей и отношений

произведений устного народного творчества, обуславливающих существование промежуточных форм фольклорных текстов.

1.2 Жанровое своеобразие народной сказки, ее дифференциальные признаки

Взятая за основу классификация прозаических жанров требует уточнения содержания понятия «сказка». Фольклорные тексты разных народов, относящиеся к жанру сказки, несмотря на многочисленные черты сходства, обладают рядом специфических национальных черт. Данные черты, обусловленные культурно-историческим развитием отдельной нации, не могут не отразиться на содержании формулируемого понятия.

В постсоветской и зарубежной фольклористике разнятся подходы к определению понятия сказки. В постсоветской науке о фольклоре одно из наиболее исчерпывающих определений сказки было дано А.И. Никифоровым. В качестве отличительных характеристик жанра выступали бытовое назначение и особенности композиционно-стилистического построения [54, с. 24 – 26]. Современное определение сказки сохраняет основные перечисленные А.И. Никифоровым черты. Сказка есть «преимущественно прозаический художественный устный рассказ фантастического, авантюрного или бытового характера с установкой на вымысел» [55, с. 356]. Принадлежность сказки к группе прозаических жанров рассматривается как значимый, хотя и не универсальный жанровый признак.

В зарубежной фольклористике отсутствует понятие, полностью идентичное по своему содержанию постсоветскому пониманию сказки. Существующие термины (*folk tale*, *fairy tale*, *Märchen*) характеризуются либо более широким, либо более узким значением [39, с. 189 – 190; 40, с. 190 – 200; 35, с. 346 – 347; 32, с. 85 – 93; 33, с. 356]. В первом случае в один жанр (*folk tales*) объединяются легенды, басни, сатирические анекдоты, истории о призраках, великанах, святых на основе устной сферы бытования. Во втором случае в сказочный жанр (*fairy tales*, *Märchen*) включены лишь волшебные сказки как прозаические повествования о вымышленных событиях и героях.

В зарубежных словарях фольклора последних лет можно отметить тенденцию к сужению объема понятия *folk tale*. Из жанра сказки фольклористы начинают исключать легенду, повествующую о событиях, происходивших в действительности или выдаваемых за действительные, рассматривая ее как самостоятельный прозаический жанр [56, с. 132]. Обуславливающим жанровую принадлежность критерием, таким образом, выступает функциональное назначение фольклорного произведения, которое реализуется в сказке в виде ее развлекательного характера и настроения слушателей на вымышленные события.

Следовательно, трактовки понятия сказки, существующие в рамках постсоветской и зарубежной фольклористических школ, постепенно сближаются, и элиминирование различия обусловлено, прежде всего, особым вниманием исследователей к функциональной стороне фольклорных текстов.

Анализ существующих определений сказки убеждает в целесообразности при отборе материала исследования руководствоваться более широким по сравнению с принятым в постсоветской фольклористике толкованием понятия сказки. Сказка будет рассматриваться в работе как устный художественный рассказ прозаического или поэтического характера с преимущественной установкой на вымысел. Это позволит включить в корпус исследуемых текстов сказочные произведения, подвергшиеся влиянию произведений близких прозаических жанров (легенды и были), в результате которого сказочный текст характеризуется определенными отклонениями от разработанного структурно-композиционного стандарта и необходимого соотношения функций, что проявляется в усилении роли информативной функции по сравнению с эстетической.

Определение жанрового своеобразия сказки осложнено наличием тесных межжанровых связей ее с мифами, легендами, былями. Связь мифа со сказкой объясняют мифологическим характером происхождения последней [57; 58, с. 16 – 17; 59, с. 99 – 100; 60, с. 321; 61, с. 262]. Мифы присутствуют в животной и волшебной сказке и в виде архаических представлений о мире и человеке [64], и в качестве существенных элементов поэтического языка и стиля [57; 63].

Черты сходства и различия сказки и легенды как двух наиболее родственных жанров рассматриваются в зарубежной фольклористике как с позиций юнговского психоанализа, так и точки зрения традиционного литературоведческого подхода [63]. В постсоветской науке о фольклоре легендой традиционно называют «прозаический художественный рассказ, обращающийся в народе», содержание которого пронизано христианскими мотивами [64, с. 270 – 271]. Тесная взаимосвязь сказки и легенды объясняется общностью композиционного строения, нравоучительным характером, устной формой бытования и генезисом многих легенд, представляющих собой переосмысленные формы сказок [64, с. 283; 54, с. 39].

Английские сказочные тексты неоднократно были в фокусе внимания постсоветских лингвистов (В.С. Аппатова, Ю.В. Мамонова, С.А. Скороходько), в том числе и с целью определения их жанрового своеобразия. С.А. Скороходько отмечает, что для английских народных сказок характерна более свободная, неканоничная структурно-композиционная организация, сближающая их до некоторой степени с легендой [65, с. 10].

Были и былички, выделяемые в постсоветской фольклористике как отдельный жанр, являются рассказами, в которых находят отражение пережитки ранних языческих воззрений о домовых, леших, водяных, русалках [64, с. 271; 54, с. 35 – 37].

В настоящее время продолжается переосмысление традиционных сюжетов сказочного репертуара, приводящее к сдвигам в художественной и жанровой системе. Стремление сказочников к обоснованию и мотивировке событий и поступков героев, к усилению ощущения достоверности излагаемого приводит к превращению сказок в «авантюрно-фантастические и авантюрно-бытовые устные повести» [66, с. 116 – 117].

Итак, межжанровые связи могут быть обусловлены характером происхождения произведений отдельных жанров; сходством сюжетов, системы образов, композиционного строения и выполняемых функций; устной сферой бытования, вследствие чего произведения одного жанра могут приобретать особенности, характерные для текстов других художественных форм. Так, для многих английских народных сказок характерна четкая локализация происходящих событий, что в определенной степени лишает произведение фантастичности, сверхъестественности, делая сказку похожей на легенду.

a) More than a hundred years since, there lived somewhere near Lizard Point a man called Lutey, who farmed a few acres of ground in the parish of Cury, or Corantyn, as it was then called [67, № 3].

b) On the slopes of Sharp Tor stands the solitary farmhouse of Rowbrook, watching the valley below [67, № 4].

В концовках отдельных сказок намеренно подчеркивается реальность описанных в тексте событий и их связь с настоящим, что также нивелирует их развлекательный характер, сближая сказки с легендами и былями.

a) All the same, the Lutey family is still well known in Cornwall for their remarkable powers of healing; one still keeps the mermaid's comb (which some people are unbelieving enough to say is only part of a shark's jaw; but unbelieving people have no imagination) [67, № 3].

b) So beware you idle traveller on the Yorkshire moors; keep a wary eye out for the Boggart of Hellen Pot [67, № 33].

Кроме того, собрание сказок Дж. Риордана демонстрирует тенденцию к преобладанию антропонимов реальных лиц над антропонимами вымышленными. Одним из определяющих факторов такого отношения является четко обозначенная в тексте позиция рассказчика, индивидуализация его образа посредством установления определенных личностных, родственных и иных отношений с героями сказок и введения в повествования второстепенных, не оказывающих влияние на ход событий лиц. Проиллюстрируем данное положение несколькими примерами.

a) When I was a liddle boy and lived with my gurt uncle, old Jan Druly, dere was an old place dey used to call Burlow Castle, near Arlington...

One dee as Chols Packham, uncle's grandfather (I've heerd uncle tell de story a dunna-many times) was at plough up dere... [67, № 9].

b) Samuel Sutcliffe lived at Hebden Hay, or Haeden Hole, about a quarter of a mile west of Newbridge... It is from Samuel, commonly called Sammy o' Kattie's, that I heard this tale.

My brother Tom were a rare bird to drink. He'd been to t' Horse and Jockey one day ... and when he came out about half after ten, he warn't ower clear as to t' direction he sud go [67, № 32].

Таким образом, в данном исследовании признается возможность существования промежуточных форм сказочных произведений, совмещающих собственно сказочные черты с чертами, свойственными мифам, легендам, былям. Явление подобного рода рассматривается как одна из специфических

национальных черт английской народной сказки и принимается во внимание при отборе материала. Данное положение в известной степени обусловило позицию автора при определении содержания понятия сказки.

1.3 Лексический классификатор народной сказки

Благодаря своему жанровому своеобразию, народная сказка вызывает неизменный интерес у исследователей устного народного творчества. Изучение сказочных текстов проводится в нескольких направлениях.

На самых ранних этапах становления науки о фольклоре изучение сказочных текстов шло в двух направлениях – *мифологическом* (Я. Гримм, В. Гримм, М. Мюллер, Ф.И. Буслаев, А.Н. Афанасьев, А.А. Потебня) и *историческом* (А.Н. Веселовский) – и предполагало обращение к другим формам устного народного творчества и народной культуры [68; 69; 70; 71; 72; 73]. В рамках первого направления на основе содержательных характеристик произведений сказочного жанра происходило восстановление более древних народных представлений, проявляющихся в синтезе акциональных, ментальных и словесных художественных форм. В рамках второго направления изучение элементов и семантики сохранившихся обрядов и верований способствовало интерпретации структурных и содержательных компонентов сказочных текстов и установлению последовательности появления в сказке тех или иных сюжетов.

Представителями *историко-географического направления* (К. Крон, К. Сидов, А. Аарне) создана своеобразная методика интерпретации и систематизации вариантов сказочных текстов. Разработанное на этой основе понятие гипотетического архетипа (Ur-type) позволяет возвести все многообразие сказочных произведений к небольшому количеству праформ. Под влиянием исторических и культурных факторов гипотетически реконструированные архетипы распадаются на подтипы или экотипы (oikotypes), которые представляют собой местные формы народной сказки и могут функционировать на разных уровнях [74, с. 219 – 220; 69, с. 57; 75, с. 9]. Несомненной заслугой фольклористов данного направления является то, что они одни из первых создали классификацию сказочных текстов на основе общности мотивов и сюжетов. В последующие годы идея классификации сказок на основе сюжетных характеристик была перенесена на другие фольклорные жанры.

В соответствии с основными положениями *психоаналитического направления* (З. Фрейд, К. Юнг) содержание и образы сказок объясняются подавленными или сублимированными сексуальными влечениями [76; 77; 78] или присутствующими в них архетипами и особенностями «отражения процесса индивидуализации» [79, с. 23; 80]. Исследования последнего рода имеют целью воссоздание древнего мифологического сознания как определенного способа отражения действительности, проявляющегося в фольклорном сознании. Понимание их специфики делает возможным уточнение функциональных, структурных, стилистических характеристик текстов сказок.

Основная цель исследовательской работы в рамках *структурного направления* (К. Леви-Строс) состоит в изучении форм мышления носителей традиционной культуры и способов их объективирования в явлениях культуры [81, с. 10 – 11]. В постсоветской фольклористике структурализм (В.Я. Пропп) проявляется в новых подходах к определению значимых составных частей (функций) в тексте и характера их взаимоотношений [82]. Дальнейшее уточнение понятия функции стало возможным благодаря работам, посвященным изучению причин неоднородной значимости функций и их номенклатурного минимума, необходимого для построения структурных схем сказочных текстов [83; 84].

Чрезмерное внимание к формальным характеристикам фольклорного произведения приводит к недооценке роли их содержательных характеристик [85]. Структура, система образов и последовательность событий сказки не могут рассматриваться в отрыве от языковых и стилистических средств, создающих сказочный текст, от функционального назначения сказки, ее национального колорита, обусловленного совокупностью экстралингвистических факторов.

В последние два десятилетия активно проводятся исследования [86; 65; 87; 88; 89], посвященные изучению системы образов и объектов сказок разных народов. Все предпринятые исследования имеют целью уточнить типологию и содержание понятий «атрибутика», «реалия», «вещь» применительно к жанру сказки. Определение ведущих приемов передачи сказочных реалий с одного языка на другой вносит важный вклад в разработку вопросов своеобразия национальных культур и межкультурной коммуникации.

Английская бытовая сказка рассматривается и с позиций когнитивной лингвистики, что позволяет выявить ее ведущие концепты («глупость» и «мудрость») и описать лексические средства реализации последних [90]. Характеристика когнитивно-дискурсивных особенностей лексики дает возможность иной организации лексического материала, которую можно представить в виде лексических фреймов.

Отдельные исследования последних десяти лет [91; 92; 93] посвящены изучению лексико-стилистических средств, необходимых для создания образов персонажей народной сказки, волшебных помощников и волшебных предметов. Особое внимание исследователи уделяют особенностям проявления национального колорита в лексической подсистеме языка сказки и соединения универсального и национального в сказочном тексте.

В перечисленных выше исследованиях сказка, представляя собой часть народной культуры, изучается, однако, в отрыве от нее. В ходе проведения лингвостилистического анализа текстов сказок и при описании структуры и семантики функций, типов сюжетов, системы персонажей и объектов исследователями не принимаются во внимание древнее народное мировосприятие, религиозные воззрения, бытовавшие обряды, ритуалы, системы правил и запретов. Между тем, элементы материальной и духовной культуры народа – создателя сказочных текстов находят непосредственное, хотя

и в разной степени выраженное отражение в языке сказки. Это приводит к мысли о том, что соотнесение языковой картины мира народных сказок с разными формами народной культуры и реконструкция на этой основе недостающих элементов духовной культуры (мифопоэтических и религиозных верований) возможны в полной мере лишь в рамках лингвистического и этнокультурологического изучения произведений данного жанра.

В последние годы появляются исследования [20; 21; 19; 22; 17], посвященные изучению и сопоставлению отдельных фрагментов фольклорной картины мира в текстах различных фольклорных жанров. На материале сказочных текстов проводится системный анализ лексических и художественно-изобразительных средств, языковых способов реализации сказочной фантастики и пространственно-временных представлений.

Итак, исследования, посвященные изучению и описанию языковой картины мира народной сказки, немногочисленны и проводятся, как показывает анализ, на материале русских, немецких и польских сказок в синхроническом и диахроническом аспектах. Они не являются этнокультурологическими исследованиями в полном смысле слова, поскольку либо предполагают сопоставительный анализ структурных элементов, тропов, и фигур в сказках разных народов, либо анализ лексических характеристик и принципов текстообразования в непосредственной связи с развитием мышления и сознания в жанровых разновидностях сказок одного народа. Обращение к другим видам народной культуры (преимущественно духовной) не всегда регулярно, хотя в отдельных случаях во внимание принимается система мировосприятия, нашедшая отражение в произведениях сказочного жанра.

Слабая разработка вопроса языковой картины мира на материале английской народной сказки во многом объясняется жанровым своеобразием сказки, обусловленным совокупностью внутренних и внешних факторов (ранним исчезновением патриархального крестьянства, появлением фермерства), свойственных исключительно историческому развитию Англии. Изучение особенностей отражения форм материальной и духовной народной культуры в языке сказочных текстов представляется возможным лишь при обращении к сказочным текстам в их естественном, присущем изначально виде независимо от степени их контаминации с произведениями других жанров фольклора. Описание целостной, структурированной сказочной картины мира может быть достигнуто при условии рассмотрения сказки как однородного, неделимого на жанровые разновидности вида словесно-художественного творчества.

Изучение языковой картины мира английской народной сказки невозможно без обращения к иным жанрам фольклора и иным формам культуры, что предполагает использование в ходе работы результатов исследований по фольклористике, лингвофольклористике, этнографии и этимологии и применение методов компонентного, дефиниционного, контекстуально-ситуативного, этимологического, сопоставительного анализа и статистического метода.

Представляется целесообразным дать пояснения по поводу использования некоторых методов настоящего исследования.

1. *Метод контекстуально-ситуативного анализа.* Использование данного метода необходимо для уточнения значения лексической единицы (ЛЕ), реализующегося в конкретном контексте, и ее принадлежности к одной из тематических групп. Например, анализ окружения лексики *t' other place*, являющейся одним из средств номинации чужого мира, позволяет рассматривать ее как синоним существительного *hell*, образующий в ближайшем контексте оппозицию с ЛЕ *heaven*:

Weel, now, Tommas weren't that sort o' chap exackly as might flatter hissen angels 'ud come after him out o' heaven; so the thowt came on him it were t' owd chap come to fetch his soul to t' other place [67, № 27].

2. *Метод дефиниционного анализа* способствует выявлению ведущих признаков, лежащих в основе номинации героев или объектов сказочного континуума и определяющих образность ЛЕ в тексте. Так, антропоним *Nix Nought (Naught) Nothing* представляет собой составное имя собственное (ИС), общая семантика которого усилена повторением значения первого элемента в каждом последующем: *nix* – «сленг. ничего, ничто; нуль» [94, с. 521], *naught / pought* – «книжн. ничто» [94, с. 500, 537]. Особенность имени персонажа обусловлена тем, что отец ничего не знал о рождении собственного сына. Отсутствие узуального имени героя компенсировано в языке сказки ЛЕ, передающими идею несуществования, небытия. Увеличение стилистического воздействия на слушателя достигается также комбинированием ЛЕ, относящихся к различным подъязыкам.

3. *Метод сопоставительного анализа* предполагает обращение к универсальным и специальным энциклопедическим словарям с целью уточнения происхождения, семантики и области распространения анализируемых ЛЕ (номинаций мифологических персонажей, географических названий, предметов быта, объектов живой и неживой природы). Например, личное имя *Skillywidden*, которое носит великан из одноименной сказки сборника Дж. Риордана [67, № 1], согласно словарной статье мифологического словаря, традиционно считается личным именем эльфа, жившего в Корнуолле [95, с. 369]. Очевидно, составитель сборника намеренно выбрал его для того, чтобы подчеркнуть корнуоллские корни гиганта, поскольку в предшествующем собрании сказок этот же герой носит имя *The Giant of Grabbist* [96, с. 68 – 73].

4. *Метод этимологического анализа* используется в работе с целью определения внутренней формы слова, детерминирующей мифологическое значение ЛЕ в сказочном контексте, специфики развития отдельных форм и значений слова и установления генетического родства отдельных ЛЕ. Так, этимологический анализ существительного *charm*, возводимого к лат. *carmen* со значением «песня» [97, с. 108], подтверждает сохранившуюся до настоящего времени в сказочных текстах архаическую связь музыки и текстов магического содержания:

She knew a charm to make de fairisees come. ... and she sang a little song over and over in a low drawlin' husky voice – just as thiugh she was coaxin' 'em [67, № 9].

Из вышесказанного логически вытекает, что использование перечисленных методов, предполагающих обращение к фольклорным произведениям других жанров и иным формам народной культуры (суевериям, обычаям, народным праздникам, играм), позволит выявить особенности отражения в лексической подсистеме сказки мифопоэтических и религиозных представлений английского народа, которые детерминировали организацию всех сфер жизни и деятельности человека, характер межличностных взаимоотношений, отношение к миру природы.

Одним из ведущих направлений в изучении фольклорных произведений является этнокультурология. В настоящее время существует широкое и узкое понимание целей и задач, стоящих перед ней. В широком понимании данная наука изучает «взаимодействие культурологических и этнических факторов в функционировании и развитии языка» [98, с. 529]; занимается изучением места языка в современном обществе в зависимости от национальной и социальной структуры последнего [99, с. 6]. Узкое понимание связано с уже ставшей классической формулировкой дисциплины, предложенной Н.И. Толстым, согласно которому этнокультурология представляет собой «направление в языкознании, ориентирующее исследователя на рассмотрение связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества» [100, с. 40 – 41] и имеющее своей целью реконструкцию духовной культуры [101; 102; 5].

В настоящем исследовании разделяются взгляды Н.И. Толстого на содержание и задачи этнокультурологии, поскольку цель данной работы и жанровая специфичность материала исследования в наибольшей степени соотносимы с соответствующими компонентами методологической базы этнокультурологии как науки в ее традиционном понимании.

Одним из объектов изучения этнокультурологии считается сложившаяся в том или ином этносе «картина мира», которая находит свое отражение в вербальных (лексике, фразеологии, фольклорных текстах), акциональных (обрядов) и ментальных (верованиях) формах [103]. Определяя картину мира, исследователи (В.И. Постовалова, М.М. Маковский, А.Т. Хроленко, С.А. Питина, Ю.А. Инчина) упоминают панорамность, глобальность, антропоморфичность, объективность и субъективность образа мира; его способность существовать в «нечетком, неоформленном и неотрефлексированном состоянии» [104, с. 15] и репрезентировать «сущностные свойства мира» в понимании его носителей [105, с. 21].

Все перечисленные признаки понятия фактически формируют идею существования в сознании человека сложной целостной упорядоченной структуры, сформировавшейся в результате познавательной и преобразующей деятельности человека, его активной позиции по отношению к окружающей действительности. Таким образом, под картиной мира далее будет пониматься

глобальный образ действительности, содержащий важнейшие свойства окружающего мира, определяющий характер восприятия этого мира человеком и проявляющийся в синтезе вербальных, акциональных и ментальных форм.

В настоящее время не подлежит сомнению факт существования множества и многообразия образов мира, смоделированных как на материале разных языков, так и одного языка [105; 106; 107; 108; 109; 110; 111; 112; 113; 114]. Существуют классификации моделей мира в зависимости от количества наблюдателей, контактирующих с миром, и аспектов, находящих свое отражение в картине мира.

В современной лингвистике неоднозначно решается вопросе о месте и значении языка и мышления в формировании картины мира. Роль промежуточного звена в триаде «человек – язык – окружающий мир» может играть язык. В. фон Гумбольдт неоднократно высказывал мысль о том, что язык, обладая активным началом, занимает промежуточную позицию между человеком и внешним миром и формирует особый национальный тип мышления [115]. Картина мира (в том числе и языковая), таким образом, развивается вместе с языком, благодаря которому представления и понятия получают материальное воплощение. Кроме того, результаты проведенных исследований подтверждают факт бессознательного усвоения в раннем возрасте названий отдельных предметов и системы их отношений, составляющих фундаментальные основы картины мира [116, с. 59], что, в конечном итоге, приводит к смещению мышления на вспомогательные по отношению к языку позиции в определенные возрастные периоды в жизни человека.

С другой стороны, С.Г. Тер-Минасова [27] помещает между языком и реальным миром индивида, а, значит, и его мышление, так как человек обладает способностью осмысливать получаемую при помощи органов чувств информацию о мире и предавать ее с помощью языка. Ряд экспериментов, проводимых на базе Европейской лаборатории прикладных наук, свидетельствуют о существовании у людей врожденной, внутренней модели физического мира, необходимой для адекватного восприятия окружающих предметов и предсказания особенностей их «поведения» [116, с. 59].

В рамках данного исследования в соответствии с традиционными в лингвистике взглядами представляется целесообразным рассматривать язык как важнейшее средство формирования картины мира в сознании говорящего. Несомненно, роль языка особенно велика в период начального постижения окружающей действительности на самом раннем этапе развития человека. Более того, будучи продуктом и важной составной частью культуры [117; 118; 119; 25], язык отражает национальное самосознание и накапливает национальные культурные ценности в лексико-фразеологических средствах и грамматике, конструируя картины мира, различающиеся у разных народов.

Известно, что наряду с термином «языковая картина мира» в современных этнокультурологических и лингвокультурологических концепциях для обозначения данного понятия используются синонимичные названия: «языковой промежуточный мир», «языковая организация мира», «языковая

репрезентация мира», «языковая модель мира». В данном исследовании вслед за Ю.А. Инчиной под языковой картиной мира понимается «социально значимая модель языков, выраженная с помощью различных языковых средств и содержащая информацию об окружающем мире» [112, с. 8].

Следует отметить, что окружающий человека мир находит свое отражение не только в денотативном и сигнификативном компонентах семантической структуры слова как наиболее типичного языкового знака, но и в сопутствующих предметно-понятийному содержанию коннотациях, формирующих наряду с единицами других уровней образность языка. Экспрессивно-эмоциональная и оценочная окраска языковых единиц позволяет судить о разной степени значимости для народа предметов, явлений, процессов, обусловленной своеобразием видов деятельности, самобытностью образа жизни и национальной культуры данного народа.

Любой носитель национального языка обладает несколькими языковыми картинками мира, дифференцирующимися по формам языка (литературной, диалектной, наддиалектной). В связи с этим есть все основания говорить о существовании фольклорной картины мира, под которой подразумевается «особая фольклорная реальность, выраженная с помощью языка традиционного народного творчества» [119, с. 15].

Фольклорную картину мира называют абсолютной эстетической действительностью (А.Ф. Лосев); трансформированным миром действительности (Б.Н. Путилов); творческим искажением жизни (А.П. Скафтымов); совершенным миром, в котором хранится этический эталон народа (О.А. Петренко); идеализированной действительностью, призванной гармонизировать отношения человека с окружающим миром, удовлетворяя его эстетические и эмоциональные потребности [119, с. 14; 120, с. 83; 49, с. 174 – 175].

Перечисленные характеристики свидетельствуют о том, что фольклорная картина мира, как и любая целостная картина мира, есть глобальный образ действительности, отображаемый системой языковых единиц. Однако данный образ не идентичен реальному миру, он идеализирован, так как в нем сосредоточены народные ожидания, чаяния, надежды, духовные ценности и нравственные эталоны. Созданная эстетическая действительность не может, тем не менее, рассматриваться вне связи с истинным образом жизни народа, так как, являясь частью народного творчества, народной культуры, фольклор служил каждодневным практическим целям, сопровождал все стороны жизни народа и передавал социальный опыт и накопленные знания об окружающем мире, необходимые для выживания, из поколения в поколение.

Фольклорная картина мира является одной из важнейших форм репрезентации древней культурной картины мира. Она представляет собой коллективное бессознательное, хранилище прежнего архаического мироощущения, вытесненного в ходе культурно-исторического развития этноса [121; 122].

Соблюдая логику изложения, сказочную картину мира следует рассматривать как целостный образ мира, отраженный в языке сказке. Она является частью фольклорной картины мира и обладает, с одной стороны, чертами, специфическими для сказочного жанра. С другой стороны, сказочная картина мира имеет много общего с образами действительности, воплотившимися в произведениях других фольклорных жанров.

Отдельные элементы картины мира народной сказки обладают особой семантикой и глубоким смыслом, не понятным современному человеку. Осознание их символичности отчасти возможно благодаря использованию данных, полученных в результате изучения символического значения образов и элементов других фольклорных жанров и других форм народного творчества. Следовательно, описание и интерпретация картины мира, отраженной в языке сказки, невозможны без обращения к этнографическим, фольклористическим, диалектологическим материалам.

Можно предположить, что сказочная картина мира подобно фольклорной отражает окружающую действительность, включая культурное своеобразие народа. В сказочной картине мира аккумулированы особенности образа жизни, трудовой деятельности; правила и запреты, регламентирующие ежедневную жизнь древнего человека; архаические представления; фундаментальные представления о времени и пространстве; способы воздействия на мир. Оценочные характеристики картины мира позволяют судить об отношении народа к объектам окружающей действительности, лицам и событиям; о существовавших ценностях; о системах поощрения и наказания.

Одной из причин отражения в сказочной картине мира особенностей народной культуры является то, что культура, по определению Ю.М. Лотмана, представляет собой ненаследственную память коллектива [105, с. 15] и требует своего усвоения каждым последующим поколением. Сказка, несмотря на свой развлекательный характер и установку на вымысел, является важным средством воспитания и обучения. Накопленные в языке сказки нравственные ценности, нормы поведения, опыт, знания усваиваются неосознанно в раннем возрасте во время многократного восприятия сказочных текстов.

Таким образом, сказочная картина мира детерминирует особенности еще более масштабной и несоизмеримой ни с чем по глубине фольклорной картины мира, в состав которой входит. Она в той или иной степени присуща каждому индивиду данного этноса, обуславливая наряду с другими картинами мира способ восприятия, познания и отношения к действительности.

Являясь глобальным образом мира, картина мира несет в себе общечеловеческую составляющую, так как для внеязыковой действительности характерны действующие в ней универсальные физические, биологические, социальные и другие законы. С другой стороны, огромное значение в картине мира имеет национальный компонент. Вследствие разных условий, в которых протекают мыслительные процессы, особенностей культурной жизни, у каждой этнической общности формируется собственное мировосприятие. Это

проявляется в отличной от других этнических групп категоризации окружающей действительности, находящей свое выражение в языке.

Национальная специфика в языковой картине мира обнаруживается на всех языковых уровнях, хотя наиболее полное ее воплощение наблюдается на лексическом уровне в силу того, что слова обладают свойствами номинации предметов и явлений окружающей человека действительности. Тесную связь словаря и картины мира подчеркивает О.Н. Тройская, отмечая, что «если в картине мира что-либо отсутствует, то оно, естественно, не будет зафиксировано в словаре. Слова, отсутствующие в словаре, позволяют установить отсутствие обозначаемых ими предметов, явлений и понятий в мире» [21, с. 32]. По словам Г.Д. Томахина, «более существенные для данного народа явления имеют более подробную номенклатуру» [123, с. 50].

Таким образом, номенклатурные особенности словаря свидетельствуют о том, с какими предметами и явлениями действительности был знаком народ на определенном этапе его развития; какие понятия входили в состав его понятийной картины мира. Количественные характеристики отдельных лексических групп являются ярким показателем степени значимости их референтов в жизни этнической группы. Самые важные для человека области окружающего мира и сферы деятельности имеют более полную лексическую репрезентацию и существуют в словарном составе в виде наиболее многочисленных групп. Факт количественного преобладания и разнообразия данных групп дает право говорить о входящих в их состав лексических единицах как о центральных элементах, формирующих основу языковой картины мира.

В механизме накопления словом культурной информации выделяют два уровня проявления культурного фона в лексике [124]. На первом уровне происходит отражение в слове или совокупности слов специфики материальной культуры. На втором уровне культурное своеобразие народа аккумулировано в «культурной памяти» слова, проявляющейся в семантической эволюции, в потере значением слова своей первоначальной конкретности.

В связи со способностью слова хранить в своем значении культурную информацию отдельные исследователи (Г.Д. Томахин, Л.Г. Веденина, В.П. Конецкая) выделяют в структуре лексического значения культурный компонент. Лексические единицы, обладающие подобным компонентом значения, получают названия «лексика с культурным компонентом значения», «слова с культураносным значением», «фоновая лексика», «национальные словесные образы», «культураносы», «лингвокультураносы», «языковые реалии» [123; 125; 126; 127; 128; 129]. В данной работе для обозначения лексических единиц с культурным компонентом значения используется термин «лингвокультуранос».

Лингвокультураносы не составляют в лексической системе изолированного множества. По мнению Л.Г. Ведениной, культураносный компонент, являясь переменной величиной, может быть выражен в словах в разной степени, варьируясь от нуля до 100 %. Лишь незначительное количество

слов относится к полюсам, бóльшая их часть располагается между ними [126, с. 76].

В рамках данного исследования предполагается рассматривать все элементы лексической системы языка как обладающие в той или иной степени выраженными культурообусловленными характеристиками. И слова-универсалии, и лингвокультураны в своих значениях несут описание общечеловеческого и национально-специфического элементов культурного развития этноса. Культурная информация может непосредственно извлекаться из значения слов, характеризуя отдельные стороны жизни и быта людей. В ряде случаев она может быть скрыта, «затемнена», и ее извлечение и правильная интерпретация требуют обращения к специализированным словарям, этнографическим и диалектологическим записям, записям произведений разных фольклорных жанров.

Фольклорная картина мира, представляя собой устойчивую систему, обладает специфическими для нее характеристиками или параметрами (статическими, процессуально-динамическими, качественными, количественными), соотносимыми с традиционной классификацией лексического состава по частям речи, поскольку содержание перечисленных параметров идентично общему значению имен существительных, прилагательных, числительных и глаголов. Исследователи фольклора (Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик, Д.М. Сегал) отмечают, что «списки существительных (и субстантивных слов) задают статическую модель мира данного текста, глаголы характеризуют обобщенные отношения между «частями» этого мира, а прилагательные могут выступать в виде постоянных ... эпитетов ... или могут служить для «размножения» объектов внутри сказочного мира» [120, с. 84 – 85].

С другой стороны, характеристики фольклорной картины мира частично соотносимы с выделяемыми по характеру семантики семиологическими классами: характеризующими (существительными, глаголами, прилагательными и наречиями), индивидуализирующими (именами собственными), квантитативными (числительными), дейктическими (группами местоимений) и другими классами слов [130, с. 98]. Выделение среди существительных индивидуализирующего класса делает возможным исследовать характер и структуру ономастического пространства английской народной сказки, являющегося конституентом общей сказочной картины мира.

Для описания системных отношений лексики помимо семиологических классов выделяются семантические категориальные разряды, лексико-семантические поля, разновидностями которых являются тематические группы, лексико-семантические группы, синонимы и антонимы, фреймы [131; 132; 133; 134; 135].

Традиционно понятие «поле» рассматривается как «совокупность языковых (гл. обр. лексических) единиц, объединенных общностью содержания» и «отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [136, с. 380]. Поскольку для нас представляет

интерес, какие элементы окружающей действительности и каким образом отражаются в лексиконе сказочной картины мира, то нам наиболее близка точка зрения О.С. Ахмановой, согласно которой под лексико-семантическим полем понимается «совокупность слов и выражений, составляющих тематический ряд» [98, с. 334].

Лексико-семантические поля в настоящем исследовании имеют вид совокупности тематических групп. Количество, структура и содержание тематических групп зависят от обозначаемых входящими в их состав лексическими единицами предметов, явлений, процессов внешнего мира и их характеристик, сгруппированных на основе интегральных признаков. Крупные тематические группы неоднородны; они распадаются на более мелкие совокупности слов, существующие в лексической системе в качестве равноправных конституентов. Лексические единицы внутри тематических групп объединены синонимическими, антонимическими и гиперогипонимическими отношениями, образуя в совокупности парадигматический тип лексико-семантического поля. Слова, входящие в каждую из тематических групп, отличаются по характеру соотнесенности денотативного (предметного) и сигнификативного (понятийного) компонентов лексического значения, что приводит к сосуществованию внутри группы лексических единиц с конкретным и абстрактным значениям.

С целью создания лингвистического описания образа мира, аккумулированного в лексическом составе английской народной сказки, из корпуса сказочных текстов, включающего в свой состав 162 сказки, методом сплошной выборки были отобраны 4200 существительных (нарицательных и собственных), 1806 глаголов, 1229 прилагательных, 492 наречия, 71 числительное.

На первом этапе исследования ЛЕ, относящиеся к каждой из частей речи, были объединены в группы на основании принципа тематической отнесенности. Тематические группы (ТГ), совпадающие по стержневому семантическому содержанию, организованы в лексико-семантические поля (ЛСП), количественные и содержательные характеристики которых позволяют охарактеризовать наиболее важные для английского народа области действительности.

Определение количественного состава ТГ осуществлялось следующим образом: одну ЛЕ составляли

- нормативные формы слова и формы с уменьшительным суффиксом -y/-ie (bird / birdie; frog / froggie);
- графические варианты слова, характеризующиеся идентичным значением (ratcatcher – rat-catcher; countryfolk – country folk);
- диалектные и кодифицированные словарями варианты слова, функционирующие в одном или разных фольклорных источниках, приводимые в тексте работы через косую черту (boan / bone; pace / pease; shooother / shuwther /

shouter / shoulder). В случае отсутствия нормативного варианта слова в тексте исследования воспроизводится приводимое в рассматриваемых сборниках написание.

Отнесение ЛЕ в ту или иную ТГ в ряде случаев детерминировалось контекстом. Например, такие ЛЕ, как lady, missus, boy, использовались в тексте сказки для обозначения членов семьи и, следовательно, выступали в качестве синонимов существительных wife и son. В случае актуализации нескольких значений многозначного слова, каждое из них рассматривалось в соответствующей ТГ и получило именование лексемы, которая трактовалась в работе как слово в одном из его значений [137, с. 14].

Описание последовательности проводимого исследования требует перечисления принципов отнесения ЛЕ к каждой из перечисленных частей речи.

В ряде случаев принадлежность ЛЕ к именам существительным была обусловлена действием принципа аналогии. Так, графически оформленные через дефис ЛЕ bong-land, marsh-land позволяют трактовать как существительные, а не как свободные сочетания тождественные по семантике ЛЕ, характеризующиеся раздельным написанием элементов: meadow land, common land. В сходных отношениях находятся такие ЛЕ, как servant-maid / maid-servant – fellow servant; breast-bone, knee-bone – skull bone; half-a-dozen – half a score; women-folk – men folk; countryfolk – country people.

В единичных случаях второй элемент сложного слова, выполняет функции аналогические функциям полуаффикса [138, с. 159], несмотря на факт раздельнооформленности слова. Так, существительное beggar woman, идентичное по значению существительному beggar, имеет в своем составе элемент woman, значение которого достаточно широкое, приближенной к аффиксальному.

Помимо простых и производных глаголов в работе также подверглись обработке составные глаголы, представляющие собой сочетания глагола с наречием или предлогом, как «особый тип слова» [138, с. 171]. На стадии отбора фактологического материала предпочтение отдавалось единицам, лексическое значение которых не выводилось из значений входящих в ее состав компонентов (put out «тушить, гасить», set up «поднимать (крик, шум и т.д.)», come round «приходить в себя»). При наличии в сказочных текстах полнозначного простого глагола и составного эквивалента, значение которого частично модифицировано послеглагольным элементом, анализу подвергался простой по структуре глагол с более общим значением.

Принадлежность ЛЕ к именам прилагательным устанавливалась на основании помет словарных статей, определяющих часть речи, и на основании соотнесения отобранной ЛЕ с соответствующим ей лексикографически закрепленным обликом слова. Так, прилагательные black and blue и fed up имеют закрепленные в словарных статьях соответствия black-and-blue и fed-up. Сложные прилагательные, содержащие в своем составе суффикс like,

характеризуются в сказочных текстах графически раздельным (glad like, quarry like, doubtful like), дефисным (shivery-like, sorry-like, silly-like) и слитным написанием элементов (flutelike, suchlike).

Помимо ЛЕ, анализу подверглось небольшое число (121 единица) устойчивых словосочетаний фразеологического и нефразеологического характера, чей статус определялся посредством данных лексикографических источников [139]. Данные языковые единицы составляют 3,7 % (18 единиц) от общего количества наречий, 2,4 % (83 единицы) от общего количества существительных, 0,8 % (15 единиц) и 0,4 % (5 единиц) от общего числа глаголов и прилагательных соответственно.

Включение их в рассматриваемые ЛСП обусловлено тем, что они обозначают значимые для английской этнической группы объекты и понятия: понятия удачи – неудачи (good luck, good fortune, bad luck, evil fortune, ill success, ill chance), религиозные понятия (little people, owd chap, good place, bad place, t' other place), темпоральные понятия (the dead of night, every now and then). Объединение их с единицами лексического уровня объясняется их «семантической монолитностью», которая делает их «эквивалентами отдельного слова» [98, с. 215, 503 – 504].

Приведем примеры устойчивых словосочетаний фразеологического и нефразеологического характера, рассмотренных внутри каждой из следующих частей речи:

- существительного: little finger, black eye, old man, gurt uncle (great uncle), soup spoon, Lincoln green, etc.;
- глагола: take breath, play truant, take care, make up one's mind, cock one's eye, etc.;
- прилагательного: high and mighty, square and fair (fair and square), out-at elbows (out at the elbows), faint green, light blue;
- наречия: at length, far and near, inside out, over and over, now and again, once and again, etc.

Вследствие малой численности подобных сочетаний представляется допустимым для удобства описания здесь и далее именовать их вместе с единицами лексического уровня ЛЕ или лексемами.

На втором этапе исследования в ходе анализа сформированных ЛСП были отобраны ЛЕ, представляющие наибольший интерес с точки зрения мифологического значения. Вслед за Е.М. Мелетинским, к ЛЕ, обладающим мифологическим значением, были отнесены ЛЕ разных частей речи, которые называют конкретные предметы и явления, непосредственно воспринимаемые и переживаемые состояния, основные качества и отношения, свойственные им, и формируют базовые оппозиции, детерминирующие структуру картины мира. Данные оппозиции характеризуют пространственную и чувственную ориентацию человека (верх / низ, левый / правый, внутренний / внешний,

большой / маленький); пространственно-временной континуум (небо / земля, земля / море); социум (свой / чужой, мужской / женский); природу и культуру (дом / лес, селение / пустыня) [61, с. 230].

Объекты в совокупности их свойств и отношений, «не теряя своей конкретности, становятся знаками других объектов и элементов символических классификаций», позволяя посредством ЛЕ, представляющих «простейшую ориентацию человека в пространстве и восприятие контрастных ощущений», перейти к «космологическому осмыслению» [61, с. 231].

Анализ мифологической семантики отобранных ЛЕ, которые эксплицируют основополагающие оппозиции, организующие структуру сказочной картины мира, имел целью изучение характера архаических воззрений английского народа, запечатленных в словарном составе народной сказки. Представляется небезынтересным рассмотреть особенности символического содержания слов какой-либо ТГ.

Особое место среди ЛЕ, характеризующихся мифологической семантикой, занимают номинации сверхъестественных персонажей в силу иррациональной природы их референтов. Именно в их значении в наиболее полном виде сохранены древнейшие языческие представления. Например, встречающаяся в сказочных текстах ЛЕ *barghest*, значение которой определяется словарной статьей как «шотл. фольк. злой дух в образе собаки, предвещающий смерть или несчастье» и «фольк. баргест (дух в образе собаки, предвещающий смерть)» [140, с. 63] и имеющая графические варианты *bargaist*, *bargest*, *barguest*, обозначает одного из мифологических существ, дальнего родственника хобгоблинов¹. Этимология второго элемента названия традиционно соотносится с ЛЕ *ghost* (и.-е. **ghois-* или **gheis-*, скр. *heads anger*, гот. *usgaisjan terrify* [97, с. 254]), что вполне объясняет представление о баргесте как о существе, наводящем на человека панический ужас.

Этимология первого элемента сложного слова представляется спорной. Элемент *bar* идентифицируют как диалектизм *bar*, распространенный на территориях Йоркшира, со значением «ворота, перелаз», поскольку изгороди и заборы являются излюбленным местом появления баргеста (“a ghost all in white with large saucer eyes commonly appearing near gates and stiles” [141, с. 97]). Исследователи отмечают семантическую корреляцию первого компонента с существительным *burg* вследствие привычки этого существа появляться в городах. Кейтли называет его *barn-ghaist*, так как баргест никогда не появляется в доме и обычно принимает облик животного, чаще собаки [141, с. 97].

Английская сказка [67, № 30] сохранила представления о зооморфном облике мифологического существа (“there wor a girl thing like a sheep, but it war bigger, liggin’ across t’ threshold o’ t’ door, an’ it war woolly like” или “it luiked at me, an’ sich oies! They did glower! An’ war as big as saucers, an’ like a cruell’d ball”). Баргеста не всегда можно увидеть, чаще о его присутствии свидетельствуют определенные звуки (“an’ I heerd summut cum past me, brush, brush, brush, wi’ chains rattlin’ a’ t’ while; but I seed nowt”).

В сказке «Безголовая женщина» («The Headless Woman»), записанной в Ланкашире [67, № 25], описание призрака имеет много общего с баргестом: встреча с ним произошла недалеко от населенного пункта; его появление предварялось странными звуками (“a sharp shrill cry fell upon my ear”); невидимое присутствие призрака вызвало у героя и его собаки необъяснимое чувство ужаса (“he could not repress a slight shudder”, “his heart throbbing violently”, “the dog ... crept behind him in a suspicious and terrified manner”, “with a wild howl, away Trotty fled down the hillside”, “the trembling Trotty, whom he found, crouched in terror at the door of the cottage”). Разнообразные номинации эмоционального состояния страха, присутствующие в тексте сказки, в сочетании с ЛЕ boggart (“th’ yedless boggart”), которым баргест именуется в повествовании, подтверждают факт принадлежности лексемы barghest к группе существительных bogey, bugbear, bogle, boggart, обозначающих сходные по выполняемым функциям мифологические персонажи (привидение, призрак, страшилище), несмотря на отсутствие доказательств единого происхождения данных ЛЕ.

⁴ ~~Хобгоблины~~ — один из видов домашних духов, предпочитают выполнять работу на фермах и маслодельнях, не прочь полакомиться сливками. Они известны как духи — покровители домашнего очага, отличающиеся чрезмерной обидчивостью.

Используемая в сказке по отношению к баргесту номинация woman свидетельствует об отражении в сказочной картине мира представлений об изменчивости облика сверхъестественного существа и его двойственной (антропоморфной и зооморфной) природе.

Функциональная характеристика баргеста также реализуется косвенно, посредством введения в сказочный текст номинаций существ, вызывающих у носителей английской культуры сходные ассоциации. Обозначаемые ими персонажи не являются действующими героями сказки, и их имена исполняют роль культурного фона. К числу подобных номинаций относится ЛЕ Gabriel Ratchets со значением «Дикая Охота». Крики и шум крыльев перелетных птиц люди в древности принимали за лай своры огромных собак с человеческими головами. Первый компонент составного мифонима, по мнению Дж. Симпсон и С. Роуда, этимологически связан с существительным gabble, обозначающим издаваемые животными и птицами шум и крики [56, с. 139]. Второй компонент ratchet представляет собой архаическое именование охотничьей собаки [95, с. 183], что свидетельствует о глубокой древности поверий. Христианские представления оказали значительное влияние как на этимологию самого предания, так и на мотивировку его названия. Отдельные исследователи отмечают, что первый элемент мифонима Gabriel является именем архангела Гавриила, преследовавшего по небу нечистую силу. Удары его хлыста, которым

он гнал нечисть, были столь сильны, что их было слышно даже на земле [56, с. 139].

На всей территории Британских островов Дикая Охота всегда была знаменем несчастья и предсказанием смерти тому, кто ее услышит, поэтому нетрудно представить, какие чувства мог переживать герой сказки, возвращавшийся глухой ночью домой и услышавший резкие пронзительные крики.

Just then a sharp shrill cry fell upon his ear, and then another and another.

“Th’ Gabriel Ratchets,” he shouted, “what’s abaat (sic!)to happen?” [67, № 25].

Таким образом, ЛЕ – обозначения мифологических существ могут выступать в роли некоего фона, способствующего более полному раскрытию внутреннего состояния героя, усилению эмоционального воздействия на слушателя или воссоздающего специфические для английского народа мифопоэтического воззрения.

Вывод по первой главе

1. Сказка понимается как устный художественный рассказ прозаического или поэтического характера с преимущественной установкой на вымысел. Совокупность экстралингвистических факторов, обусловленных культурно-историческим развитием английского этноса, и внутренних законов развития жанра привели к ослаблению эстетической функции произведений сказочного жанра по сравнению с информативной, обусловив контаминированный характер английской народной сказки.

2. Изучение народной сказки в этнокультурологическом комментарии имеет целью восстановление системы архаических верований, представлений о мире, образа жизни и сфер человеческой деятельности, свойственных человеку предыдущих эпох. Описание основных элементов древней культуры, аккумулированных в лексическом составе английской сказки, возможно при сопоставительном анализе как структуры и содержания иных форм народной культуры, так и собственно фольклорных текстов разных жанров, т.е. при широком привлечении результатов лингвофольклористических, фольклористических, этнографических и этимологических исследований.

3. Сказочная картина мира представляет собой целостный образ мира, отраженный в языке сказки, и является частью фольклорной картины мира, детерминируя особенности последней. Реальность, существующая в языке сказочных текстов, выступает одновременно и идеализированным и истинным образом действительности, характеризуя как народные надежды и ожидания, так и имевшие место условия жизни и быта. Сказочная картина мира неосознанно усваивается в раннем возрасте и присуща в той или иной степени каждому индивиду определенной этнической общности, обуславливая его отношение к действительности.

4. Культурное своеобразие народа в наибольшей степени проявляется в словарном составе языка. Номенклатурные и количественные характеристики словарного состава репрезентируют самые важные для человека области окружающей действительности. Объединение лексических единиц в тематические группы на основании принципа тематической отнесенности и изучение состава лексико-семантических полей, представляющих собой совокупность сходных по семантическому содержанию тематических групп, позволяют описать своеобразие отражения в сказочной картине мира разных областей внеязыковой действительности.

5. Слова, характеризующиеся мифологической семантикой, принадлежат к разным частям речи и образуют базовые оппозиции, структурирующие сказочную картину мира. Мифологическое значение лексических единиц аккумулирует древнейшие народные представления о действительности.

2 Репрезентация действительности в лексиконе английской народной сказки

Классификация знаменательных частей речи (в частности, имен существительных), построенная на принципе тематической отнесенности, находит свое наиболее полное отражение, прежде всего, в разработанных лингвистами и специалистами в области теории перевода способах группировки слов с культурным компонентом значения (лингвокультурем) на основе предметного (предметно-языкового) принципа [142, с. 47 – 79; 65, с. 5 – 6; 125, с. 14 – 18; 143, с. 104 – 112].

Существование в структуре лексического значения культураносного компонента [126] дает право отнести слова-универсалии к тем же ТГ, что и лингвокультуремы, поскольку значение слова есть «не только то, что зафиксировано в словарях, но образ, включающий ряд ассоциаций, как национально кодифицированных, так и сугубо личных» [144, с. 24]. Отнесение имен прилагательных и глаголов к той или иной ТГ детерминировалось положением, согласно которому конкретизация их значений возможна лишь в составе минимальных лексических синтагм через соответствующие денотаты предметных имен (для прилагательных) и семантического субъекта или объекта (для глагола) [130, с. 156, 203].

Формулировки отдельных ТГ были заимствованы из уже существующих классификаций реалий [142; 143], глаголов [21; 130], прилагательных [145; 146; 147; 21] и наречий [148; 149]. Включение ТГ в состав ЛСП обусловлено

общностью предметно-понятийного содержания. Коннотативный компонент значения, представляющий собой совокупность эмоционально-оценочных, стилистических, культурно-исторических, национально-географических оттенков, не играет решающей роли при отнесении ЛЕ в ту или иную группу и выступает в виде второстепенной, дополняющей и детализирующей предметно-логическое содержание характеристики.

2.1 Стратегия и критерии номинаций человека, животных и мифологических персонажей в английской языковой картине мира

Образ человека, животных и мифологических персонажей, актуализированный в языке английской народной сказки, составлен из ЛЕ разных частей речи, относящихся к ЛСП «Биологическая и социальная характеристика сказочных героев». Данное ЛСП образуется ТГ, описывающими способы номинации отдельных лиц и групп, внешний вид героев, их физическое и эмоциональное состояние, интеллектуальные свойства и особенности межличностных отношений.

В основу номинации отдельных лиц (419 ЛЕ) в английской народной сказке положены разнообразные признаки биолого-физиологического, психологического и социального характера.

Наиболее многочисленны случаи номинации лиц на основе социально-трудовых отношений человека, составляющие отдельную ТГ (197 ЛЕ), в основе которой лежит признак принадлежности человека к определенной профессиональной группе. Так, лица, обладающие специальными профессиональными навыками, представлены в сказке, в основном, номинациями ремесленников и работников-профессионалов (baker, smithy, oarsman, butcher); слуг, выполняющих работу по дому и при дворе (butler, valet, washerwoman, coachman); лиц, занятых крестьянским трудом (farmer, herdboy, ploughman, cow-keeper); узких специалистов, прошедших специальную подготовку (judge, musician, teacher, sword-dancer). Для сказочной картины мира характерны разнообразные именованья колдунов и чародеев (witch, witch-body, witch-wife, sorceress, necromancer), что свидетельствует о значимости данного занятия в жизни древнего человека.

Номинация лиц на основе особенностей их поведения получила в сказке широкое распространение (68 ЛЕ). Человек получает в сказке именование в соответствии с тем, какой вид психической, эмоциональной, физической деятельности он в данный момент выполняет: listener, singer, bearer, watcher. В основе номинации могут лежать специфика его поведения и образа жизни (gossip, baby, vagrant); умственные способности (addle-pate, blockhead, foot); личностные качества (hero, sinner, innocent, cheat, liar).

В данной ТГ более разнообразно по сравнению с положительно окрашенными существительными (hero, innocent, darling) представлены лексемы, содержащие отрицательные коннотации. В отдельных случаях

наблюдается явление вторичной номинации, в основе которого лежит сходство поведения человека и характеристик, приписываемых животным (lamb, goose, toad). Вследствие отмеченного метафорического переноса, проявляющегося в создании зооморфических коллоквиальных наименований лиц (термин Т.В. Земсковой), имеет часто развитие пейоративной оценки на базе нейтрального значения ЛЕ.

Отдельные ТГ составляют обозначения лиц на основе родственных отношений, в частности, названия близких и дальних родственников, связанных кровными и некровными узами (cousin, wife, great-aunt, step-sister, bride); биолого-физиологических и антропологических свойств (babe, bairn, female, junior); социального статуса, включая номинации титулованных лиц и лиц, занимающих высокое общественное положение (king, cardinal, lord, earl), а также обозначения подданных и людей низкого звания (pauper, carl, knight). В последней ТГ следует отметить безусловное доминирование существительных, обозначающих лиц благородного происхождения (82,9 %) как мужского, так, реже, и женского пола (duchess, countess, queen, gentlewoman).

Таким образом, наиболее значимыми признаками, определяющими способ номинации человека, являются сфера его профессиональной активности, личностные качества, моральный облик и особенности поведения. Несколько реже характер именования лица основан на отношениях родства или соотносим с биологической природой человека и его социальным статусом.

Сходные свойства лежат в основе номинации групп и объединений людей (50 ЛЕ). Совокупные множества военных и гражданских лиц (20 ЛЕ) представлены обозначениями войска и войсковых единиц (army, regiment, troop); организованных объединений и неорганизованных скоплений людей (cavalcade, pair, procession). Относительно подробную номенклатуру получили в английской народной сказке названия социально-политических групп (12 ЛЕ), характеризующие совокупности лиц по признаку их классового происхождения (the well-to-do, nobility, gentry) и месту проживания (townsfolk, country people, countryfolk). В более редких случаях признаком номинации совокупности лиц являлись их биологическая характеристика (mankind, women-folk, men folk); национально-родственные отношения (tribe, family, generation); общий вид деятельности (team, crew, gang).

Наряду с человеком животные являются активными действующими героями сказки, получившими в сказочной картине мира детальную репрезентацию. Среди названий представителей фауны, зафиксированных в языке английской народной сказки (219 ЛЕ), количественно преобладают существительные – обозначения домашних животных – 25,1 % - colt, rabbit, cow, milker, etc. Именования диких животных, уступая по количественным характеристикам, имеют более разнообразные референты – 9,6 % - hare, fox, bear, wolf, deer, etc. Группа названий домашней птицы, наоборот, отличается в сказочной картине мира бóльшим схематизмом по сравнению с совокупностью номинаций птиц лесов и полей (4,6 % и 15,5 % соответственно). Остальные группы названий животных: рыб (roach, trout), червей, пауков и насекомых

(worm, bee, ladybird), ракообразных и моллюсков (shrimp, crogan, crab), пресмыкающихся и земноводных (adder, frog, toad) – немногочисленны по своему составу.

В основе обозначения птиц и животных, прирученных человеком, лежит явление синонимии (pussy, puss, kit / cat; chikin / chicken, chickabidy; cock, rooster, cock-a-doodle-do). Отличительными чертами, положенными в основу именования домашних животных и птиц, являются их возраст, целевое предназначение, физиологическое состояние, особенности поведения (sheep, ewe, mother (= ewe), lamb, orphan lamb, nuss lamb, twin, bacon-pig, swine, nestletripe (= young pig), milker, mouser). Названия неприрученных животных таких закономерностей не отражают. Кроме того, наряду с обозначениями животных, используемых человеком в хозяйстве или обитающих на территории проживания этноса, английская народная сказка содержит названия экзотических представителей фауны, не свойственных Британским островам и европейскому континенту (monkey, ape, lion, tiger, leopard, elephant).

Номинации животных отражают в сказке целый комплекс архаических верований, присущих человеческому обществу на ранних этапах его развития. Язык сказки сохранил древнейшие представления человека о тотемных животных – божествах и покровителях отдельных племен, которые выступают в тестах в качестве волшебных помощников. К числу таких помощников следует отнести, прежде всего, теленка (carf, bull-carf) [150, № 30, 36]. ЛЕ bull-carf представляет собой композит с неопределенным семантическим содержанием, характерным для слов фольклорных текстов [151, с. 123; 152, с. 143]. В состав лексемы bull-carf входят существительные – названия животных, отличающихся возвратными характеристиками (bull и carf), что и приводит к формированию у слова обобщенного значения.

Способность человека трансформироваться в животное и вновь возвращать себе человеческий облик, равно как и насильственное превращение героя в животное, проявляющиеся в языке сказки, в большинстве случаев, в замещении антропонимической номинации зоонимической, есть также остаточные формы тотемных представлений, связанных с приобретением древним человеком магических свойств и силы тотемного животного. Остаточные представления о тотемистическом институте архаического общества аккумулированы в лексеме bird-husband, компонентом которого является ЛЕ bird. Героиня сказки «Три перышка» («Three Feathers») не должна была видеть своего мужа, приходящего к ней по ночам, но нарушила запрет. При свете свечи ее муж превратился в птицу («But scarcely had she seen him when he began to change into a bird» [150, № 7]), покинув ее. В дальнейшем в тексте сказки для его именования (независимо от того, в каком облике – человеческом или животном – он находился) использовались ЛЕ husband и bird-husband, выступавшие в качестве контекстуальных синонимов.

В английской сказке широкое распространение получили примеры пребывания героя в облике змеев, змееподобных драконов с их

соответствующей номинацией worm [153, № 33; 154, № 12]; птицы – bird, dove, goshawk; быка – bull; медведя – bear [153, № 29; 150, № 5, 7, 28; 154, № 6, 15].

Превращение героя в животное может подразумеваться и реализовываться в тексте частично, например, в образе девушки с головой овцы («when Ann lifted the lid off the pot, off falls her own pretty head, and on jumps a sheep's head» [153, № 37]). К косвенным свидетельствам относятся отдельные слова и словосочетания, называющие те или иные свойства животных. Так, о том, что в сказке первоначально присутствовало превращение девушки в кошку, можно догадаться по сохранившейся фразе «she only briskly shook her ears, and said nothing» [150, № 40; 154, № 16], первая часть которой называет действие, типичное для всех представителей семейства кошачьих.

Ведьмы, меняя свой облик, традиционно превращаются в земноводных (toad, frog) или зайцев (rabbit, hare) и имеют домашнего духа (так называемый imp / impet – «бес, черт; демон» или familiar – «домашний дух») в разных животных обликах [153, № 33; 154, № 12; 67, № 26]. Одной из причин наделения зайца в английской фольклорной традиции магическими свойствами, очевидно, является признак, положенный в основу его номинации. Свое название в английском языке заяц получил за окрас шерсти, так как hare буквально означает grey animal (д.-а. hasu grey из герм. *khason) [97, с. 274]. Серый цвет есть цвет неопределенности, переходного состояния, сумерек; он знаменует приближение ночи – самого таинственного времени суток. Данные коннотации, вероятно, и определили символическое значение ЛЕ hare. Следует отметить, что, несмотря на то, что заяц и лягушка относятся к разным группам животных – зверям и гадам – их сближает символическое значение магии и превращения, что проявляется в назывании ведьмы, принявшей облик одного из этих животных, его именем.

Домашние духи ведьм и колдуний могут принимать в сказках зооморфный вид, получая одновременно со своим непосредственным именем и животные номинации («various familiars, in the shape of cats, bears, apes and others», «a little thing like a mole, that was to be her imp», her imp, who could ... turn himself into divers shapes» [67, № 26]). Крот является одним из животных воплощений духов, что объясняется его функциями в системе архаичных народных представлений. Совмещая в себе черты животного и сверхъестественного существа, он символизирует связь с потусторонним миром; магический характер материальных трансформаций, сближаясь с образами лягушки и зайца. Соответственно, в сказочной картине мира ЛЕ mole, hare, rabbit, frog и toad характеризуются тождественной мифологической символикой.

Кроме перечисленных ЛЕ, сходным мифологическим значением в лексиконе сказки обладают номинации змеи (snake, adder) [153, № 7; 150, № 28, 32; 154, № 18]. Этимология ЛЕ snake (д.-а. snaca, дск. snákr, snókr, дзн. snahhan crawl [155, с. 446]) подтверждает факт принадлежности обозначаемого животного к группе гадов, что и объясняет характер символического значения слова. Кроме того, в текстах сказок именованию земноводных и

пресмыкающихся могут встречаться в узком контексте, обозначая испытания, которым герой подвергается в потустороннем мире («There will come all manner of frogs and snakes, and some will try to get into your eyes and your mouth, but mind, don't stir the least bit or you will turn into one of those things yourself») [150, № 28]. В более редких случаях происходит перенос свойств змеи на жабу, которая издает в сказке шипящие звуки [153, № 33].

Наличие у существительного *adder* тождественного символического значения обусловлено его этимологическим значением «змея» (д.-а. *næddre*, лат. *natrix*, двн. *nātara*, нем. *natter* [155, с. 5; 97, с. 7]), что позволяет говорить о том, что данная ЛЕ сохранила в тексте сказки свое первоначальное значение, являясь абсолютным синонимом ЛЕ *snake*. Употребление данных существительных в тексте сказки в узком контексте, вероятно, имеет целью усилить идею многочисленности трансформаций, которым подвергался герой, и, следовательно, силу действовавших на него колдовских чар.

Then ...an adder was skipping through her arms, but still she held on; and then they turned him into a snake that reared up as if to bite her, and yet she held on. Then suddenly a dove was struggling in her arms, and almost flew away. Then they turned him into a swan, but all was in vain ... [150, № 32].

Из приведенного отрывка видно, что находящийся под властью эльфов человек, прежде чем обрести свой первоначальный человеческий облик, поочередно превращается то в змею, то в птицу, что дает основание предположить сходство символического значения ЛЕ, их обозначающих. Мифологическое значение потустороннего мира, мира мертвых у гиперонима *bird* и названий видов птиц, проявляется в том, что в сказках душа убитой героини принимает образ птицы [153, № 3; 154, № 41]; птицы являются принадлежностью мифологических существ или еще одним их обликом [153, № 13, 21; 150, № 13; 154, № 5, 14, 30; 67, № 10]. Все эти функции в сказке выполняют ворон, курица, утка, гусь, лебедь, ласточка, следовательно, в семантике их названий *raven*, *hen*, *duck*, *goose*, *swan*, *swallow* аккумулярованы сходные мифологические представления.

Номинации ряда домашних животных (*cow*, *horse*, *steed*, *sheep*) помимо прямого наименования реализуют в сказочной картине мира мифологическое значение. Корова, лошадь и овца, являясь домашним животным, тем не менее, в языческом сознании соотносились с «чужим миром». В текстах сказок на периферии потустороннего мира герой встречает стада коров и овец, табуны лошадей [153, № 21, 23; 154, № 30, 34]. В древности корова обладала свойствами оберега, в этой связи становится понятной ее функция не только кормилицы, но и помощницы в сказке. Кроме того, в сказочных текстах корова упоминается в непосредственной связи со сверхъестественными существами (например, эльфами) или является одним из животных воплощений сказочных существ [150, № 17; 67, № 33], что также подчеркивает символическую природу данного образа.

Лошадь, по мнению М.М. Маковского, символизировала для язычников «потусторонние магические силы, злое начало» [104, с. 169]. В сказке она

является неперменным атрибутом сверхъестественных существ [153, № 40; 150, № 32]. Однако становясь принадлежностью героя сказки, лошадь подчиняется ему, теряя, таким образом, свои первичные отрицательные свойства [154, № 1]. Наиболее значимыми характеристиками лошади в народном сознании выступают масть, внешние данные, рост и физическое состояние, что находит отражение в сочетательных закономерностях LE horse и steed с определенными прилагательными (a large coal-black horse; a milk-white / black / brown steed; beautiful steeds; the best, the swiftest and the most powerful in the world) в языковой картине мира английской сказки.

Репрезентированные в сказочной картине мира обозначения домашних животных делают возможным изучение роли каждого из животных в жизни английского крестьянства и их места в системе мифологических представлений, поскольку наиболее ярко выраженным символическим значением среди зверей обладают именно животные, прирученные человеком (корова, бык, лошадь, собака, домашняя птица). Кроме зверей и птиц в языческом сознании в качестве представителей потустороннего мира выступали также рыбы, земноводные и пресмыкающиеся (гады).

Среди номинаций сверхъестественных существ, составляющих отдельную ТГ (52 LE), следует отметить как обозначения существ низшего демонария, так и существ, вера в которых обусловлена развитием христианских воззрений. К первой, самой многочисленной, группе существ (71,7 %) относятся фейри (fairy, ferlie, elf); водяные и русалки (mermaid, water-wife); домовые и гоблины (swamp-bogle, bogie, boggart); драконы (worm, dragon, monster); великаны (ogre, giant); грифоны и блуждающие огоньки (griffin, will-o'-the-wisp). Вторая группа представлена названиями привидений (sperrit, ghost); бесплотных духов (angel, imp, familiar), среди которых самой подробной номенклатурой отличается группа слов – обозначений дьявола (deil, devil).

Для сказочной традиции свойственны многочисленные названия фейри. Лексикографические источники дают им следующие определения.

-Fairy – «a usually small imaginary figure with magic powers and shaped like a human» [162, с. 462] или «фея; волшебница; эльф».

-Elf – «a small fairy with pointed ears which is said to play tricks on people» [156, с. 423] или «(фольк.) эльф; фея». LE elf, будучи вытесненной из широкого употребления заимствованной из французского языка лексемой fairy, постепенно приобрела возвышенную, супернейтральную стилистическую окраску [56, с. 109].

-Pixy – «a small fairy believed to enjoy playing tricks on people» [156, с. 1021] или «эльф; фея» [94, с. 700]. Распространение данной LE, как правило, ограничено юго-западными областями Британских островов (графствами Корнуолл, Девоншир и Сомерсет).

-Sprite – «a fairy, especially a playful graceful one» [156, с. 1310] или «1) эльф; фея; 2) домовый, водяной, русалка, леший и т.п.». Поскольку данная LE использовалась для обозначения эльфов только в сказочном тексте, записанном

в Эссексе, можно предположить ограниченную территориальную распространенность данной лексемы.

Анализ приведенных дефиниций позволяет говорить о том, что в двуязычных лингвистических словарях семантика перечисленных лексем истолковывается однозначно, что придает существительным статус стилистических синонимов. Специализированные энциклопедические словари [157; 158] дают основание рассматривать значение лексемы *fairy* как наиболее обобщенное и стилистически нейтральное. Значения всех остальных лексем можно трактовать как производные от него.

В отдельных сказочных текстах ЛЕ, обозначающие данную группу мифологических существ, могут выступать в качестве абсолютных синонимов. В корнуоллской сказке «Тюльпанные эльфы» («The Tulip Pixies») в речи рассказчика в узком контексте более возвышенная форма *elves* сочетается с территориально ограниченными именованием *pixie* для номинации одной и той же группы существ, что свидетельствует о снижении стилистического статуса лексемы *elf* в фольклорном тексте (“Her cottage was near pixie field, where green rings stood in the grass. Now some folk say fairy rings are caused by the elves catching colts” [67, № 2]). В устах героев этой же сказки пикси получают альтернативное именование *piskie*, которое в данном контексте характеризуется более сниженными по сравнению с лексической единицей *pixie* коннотациями:

“The piskies can’t abide bein’ robbed of their own.”

“Piskies? Pah!” said the man [67, № 2].

Особый интерес среди обозначений фейри вызывает номинация *hyter sprite*, в которой ЛЕ *sprite* представляет собой сокращение от *spirit* [160, с. 456], что, в сущности, и позволяет отнести данное именование к эвфемизмам по аналогии с такими названиями, как *water spirit*, *forest spirit*, *tree spirit*, *house spirit* и *evil spirit*. В Норфолке ЛЕ *hytersprite*, употребляемая наряду с синонимическими именованиями *highy sprites* и *hikey sprites*, служит для обозначения существ, которыми пугали детей (“If you go out in the dark on your own, the hytersprites will get you”) [56, с. 191 – 192].

В одноименной сказке, записанной в Эссексе, данная группа существ предстает в менее пугающем и враждебном виде: неслучайно составитель сборника, в который включена эта сказка, в качестве общеанглийского варианта рассматривает описательное словосочетание *good spirit* [67, с. 338]. Сказка подчеркивает, во-первых, родство добрячков с пикси (“they was some kind of kin”) и, во-вторых, содержит достаточно подробную характеристику их внешнего облика (“They could appear man-size to play their tricks but most times they was about knee-high”) и отношения к людям, которых они могут как наказать за злобу, жалобу и обман, так и наградить [67, № 10].

Представления о данных существах, закрепленные в ЛЕ *hyter sprites*, таким образом, во многом отличаются даже в близлежащих графствах, хотя, безусловно, в них сохраняются отдельные общие свойственные им характеристики. Одной из таких характеристик является наделение их чертами и обликом птицы: добрячки могут принимать образ ласточек (“liddle, brown

sand-swallows”), а их близкое присутствие сопровождается щебетанием, похожим на птичье.

В основе номинации мифологических существ лежат такие признаки, как биологический пол (*sea-woman, merrymen*), внешний вид (*monster, manikin*), возраст (*fairy-child, baby*), физиологическое и психическое состояние (*fairy-mother, elf-mother*), функциональные характеристики (*will-o'-the-wisp*), социальный статус среди себе подобных (*queen*). Так, вместо кодифицированной ЛЕ *mermaid* в тексте корнуоллской сказки используется диалектное именование русалки *merrymaid*, первый компонент которого может характеризовать как внешние данные морских дев (*merry* – «(устар.) восхитительный, красивый, очаровательный» [159]), так и способность очаровывать, увлекать за собой путников. Последнее значение более вероятно, поскольку образ морского мужа (*merrymen*), в состав имени которого также входит компонент *merry*, реализуется в сказке посредством отрицательно маркированных ЛЕ *monster, gluttons of fathers, ugly jaws* [67, № 3].

Отдельную группу в английском низшем демонии составляют существа, наводящие на человека ужас, способы номинации которых достаточно разнообразны (*swamp-bogle, bogle, bogie, boogie*). Согласно дефинициям лексикографических источников, данные ЛЕ характеризуются сходным значением, обозначая страшилище, призрак, привидение [159]. Несмотря на сходство формы и значения данных ЛЕ, этимологическое родство их не доказано в полной мере. Традиционно при их характеристике упоминаются соответствия в вал. *bwg, bwgan ghost, hobgoblin; bwgwl fear, terror, threat; bwgwl threaten, terrify* [141, с. 84; 155, с. 53], что свидетельствует о возможной близости этих ЛЕ с существительным *bug* (ср.-а. *bugge*), исходное значение которого («пугало») было перенесено на внушающие ужас объекты, относящиеся к области иррационального [97, с. 70, 84]. Диалектными обозначениями сверхъестественных существ, обладающих сходными характеристиками, являются *bugaboo, bugleboo, bogil-bo* и *bogle*, характерные для Шотландии и северных территорий Англии, а также *boggart* и *boggard*, имеющие распространение в Ланкашире и Йоркшире.

В синтаксическом композите *will-o'-the-wisp* первый компонент представляет собой диалектное именование блуждающего огонька, а второй, с одной стороны, имеет значение «пучок, клочок (соломы, сена)» и, с другой, является стилистическим синонимом лексемы, в состав которой входит, характеризуясь пометой «поэт.». Каждый из компонентов, будучи вполне самостоятельной ЛЕ, наряду с существительным *will-o'-the-wisp* может быть использован для именования сверхъестественного персонажа, который видится в облике существа, держащего в руках пучок горящей соломы вместо факела.

Характеристика мифологического персонажа может также достигаться посредством словообразовательных средств: использование суффикса *-kin*, с помощью которого образуются диминутивы [155, с. 253], позволяет создать образ героя маленького роста (*manikin*).

Помимо прямых наименований в данной ТГ широкое распространение получили эвфемизмы (dickens, fiend, owd chap, little people, evil spirit), что объясняется существовавшим в народе запретом на прямую номинацию сверхъестественных существ, который сохранился в том числе и в тексте сказок (“Hyter sprites was the name they went by, but nobody talked about ‘en at all – ‘twadn’t considered lucky” [67, № 10]). Например, для именования русалки в тексте сказки кроме ЛЕ *merrymaid* используются перифрастические номинации (a fairer woman, the comely creature, the beautiful creature, the fair one, people of the ocean, women of the sea, this devil of a fish, the sea-woman). Русалка, говоря о людях, также предпочитает употреблять описательные конструкции (the strange and beautiful creatures, the noble sons and fair daughters of earth), не нарушая, таким образом, установленного табу [67, № 3].

Таким образом, в именах мифологических персонажей отражается целый ряд важнейших для архаического сознания признаков (внешний вид, возраст, функциональные характеристики и отношение к людям), в основе которых лежат как языческие, так и христианские верования.

2.1.1 Биологические свойства и качества как маркер номинации

В сказочной картине мира сказочные герои (люди, животные, мифологические персонажи) детально характеризуются, прежде всего, как биологический организм со всеми присущими им особенностями физического строения, физиологическими процессами и психическими свойствами.

Естество человека в сказке представлено двумя сторонами, в равной степени важными, телесной и душевной, выраженными в языке лексемами *body* и *soul*. В сказочных текстах подробно описано биологическое строение человека (68 ЛЕ) при помощи существительных, непосредственно соотносимых с гиперонимом *body*: обозначений основных частей туловища (*hid / head, neck, waist*); частей головы (*eye, face, ear, jaw, teeth*); конечностей и частей скелета (*arm, limb, leg, rib, skeleton*); кожного и волосяного покровов (*beard, whiskers, skin, lock, hair*); внутренних органов (*heart, insides, liver*). Помимо названий основных частей тела подробной номенклатурой в языке сказки характеризуются номинации кости (*bone, breast-bone, skull bone, knee-bone*) и пальца (*toe, toe-nail, finger, finger-nail, forefinger, thumb, finger-tip, little finger*).

Языковой образ животного (51 ЛЕ) складывается из обозначений туловища и его основных частей (*horseback, flesh, side, muzzle*); частей головы (*tongue, horn, beak*); конечностей и частей скелета (*wing, paw, leg-bone*); кожного и волосяного покровов, оперенья (*hide, skin, feather*); внутренних органов и субстанций (*bladder, gall, sweetbread*). В описании внешнего облика мифологических существ участвуют лексемы (68 ЛЕ), предающие как человеческие, так и животные черты (*snout, jaw, chops, horn, hide, skin, limb, conger-tail*), реализуя в сказочной картине мира антропоморфный образ существ иного мира.

Лексемы – обозначения частей тела – обладают в языке сказки особым символическим значением, реализуемым в определенных сходных контекстах.

Используясь при описании образов сказочных героев, они в собственной семантике содержат в скрытой форме древнейшие представления людей об устройстве и законах мира.

Глаз, репрезентируемый лексемой *eye*, является источником магической силы. Одержатъ победу над великаном герой может, лишь лишив его зрения [150, № 18]. Героини, нарушившие запрет эльфов на использование волшебной мази, в наказание теряли способность видеть, т.е. вместе с глазом утрачивали сверхъестественные способности, доставшиеся им обманным путем [153, № 40; 67, № 6, 34].

При описании внешности мифологического персонажа особое внимание уделяется его глазам [153, № 19; 154, № 8; 67, № 3, 10, 30]. Описание глаз персонажей сказки сопровождается указанием на их количество (*one-eyed*), форму (*goggle*), цвет (*lovely sea-green, green*), физические характеристики (*wall-eyed, squinny-eyed, squinny, fiery-eyed*) и на особенности взгляда (*piercing, glaring*). Можно предположить, что ЛЕ *wall-eyed, squinny-eyed, squinny* близки по своему символическому значению прилагательному *blind*, которое обозначает переживаемое состояние неспособности чувствовать, т.е. смерти, поскольку они детерминируют мифологическое происхождение персонажей, наделяя их сверхъестественными способностями [153, № 40; 67, № 32]. Кроме того, у существ, принадлежащих к потустороннему миру, могут гореть огнем глаза (*fiery-eyed, fiery eyes, his goggle eyes were like flames of fire*), что также свидетельствует о наличии у них магических свойств [153, № 21, 40; 154, № 30].

Голова и волосы, обозначаемые в сказочных текстах ЛЕ *head* и *hair*, в мифопоэтической традиции являются олицетворением жизненной силы, энергии и могущества, поэтому мощь сверхъестественных существ (чаще великанов) в английских сказках характеризуется посредством обозначений их многоголовости (*a monstrous giant with two heads, a very terrible beast with three heads, two-headed four-horned beasts*) [153, № 19, 23; 154, № 8, 34].

Реализация в тексте мифологического значения лексемы *hair* проявляется в том, что воздействие на героя через его волосы позволяет противнику обрести над ним власть. Власть над поработленным человеком можно рассматривать как следствие либо физического превосходства противника, либо его необычайной магической силы, поэтому любые манипуляции с волосами трактуются как попытки заколдовать [153, № 3; 154, № 41]. Символическое значение волос как вместилища магической силы усиливается в сказках благодаря использованию лексем *hair* и *comb* в узком контексте. Гребень является непрямым атрибутом русалок (*"I combed the broken sea-weed, shrimps, crabs and sea-fleas out of my hair"*; *"she took from her hair a golden comb in a handle of pearl"* [67, № 3]); и людей, находящихся во власти колдовских чар (*"there sate Burd Ellen, combing her golden hair with a silver comb"* [153, № 21]). ЛЕ *comb*, этимологически восходящая к и.-е. **gombhos* и скр. *jámbhas* «зуб» [97, с. 125], вероятно, сохранила в своем значении и мифологическую символику, свойственную данному объекту, который, как и любой другой орган тела,

обладает магической связью со своим владельцем и являетсяместилищем его жизненной энергии.

Важность для архаического сознания таких частей тела, как волосы и голова, находит отражение в детализированной лексической репрезентации их свойств. Обозначения густого волосяного покрова (*shaggy, hairy, stubbly, woolly like, bristling*) и спутанных волос (*matted, tangled, cotted*) характеризуют их владельца как существо, обладающее магическими свойствами потустороннего мира. Так, волосы великана сравниваются со змеями, символика которых была рассмотрена выше («*the locks ... were like curled snakes or hissing adders*» [153, № 19]). Описание волос русалки осуществляется при помощи таких слов и их словосочетаний, как «*golden-coloured hair ... shone like sunbeams on the sea*», «*golden ringlets*», «*her hair was so abundant that it fell around and covered her figure like an ample robe of glittering gold*» [67, № 3]. У стариков в потустороннем мире длинные седые волосы («*long grey hair*» [150, № 28]). Эти примеры свидетельствуют о том, что наиболее значимыми свойствами волос, закрепленными в сказочной картине мира лексическими средствами, являются цвет и длина (густота) как индикаторы колдовской силы.

Волосы выполняют функцию не толькоместилища магической силы, но и души, поэтому арфа, сделанная из костей и волос погибшей девушки, заключает в себе ее душу, обличающую убийц [153, № 9]. Тожественным символическим значением обладают лексемы *bone, finger, toe, nail*. С этими представлениями связан запрет ломать кости мертвого животного, который нашел выражение в словах короля эльфов «*let no bone be broken*» [150, № 17].

Then he saw the king stand on the table and say, "Gather the bones!"

Round and round flew the imps, picking up the bones. ...and they placed them all in their proper positions in the hide of the cow. Then they folded the skin over them, and the king struck the heap of bone and skin with his rod. Whist! up sprang the cow and lowed dismally. It was alive again ... [150, № 17].

Магические свойства зубов и ногтей, по народным представлениям, также зависели от их размера, что и обусловило появление в тексте сказки сочетаний обозначающих их существительных с ЛЕ других частей речи, указывающими на их величину («*his teeth were curling out of his mouth*», «*his finger- and toe-nails had not been cut for many thousand years*» [150, № 28]).

С точки зрения мифологической семантики интересна и лексема *blood*, поскольку кровь всегда обладала особым сакральным значением для древнего человека и была неременным атрибутом многих ритуальных действий и обрядов утилитарного назначения, одним из которых является обряд инициации, представлявший собой совокупность действий ритуального характера с целью приобретения иницируемым магических свойств животного-покровителя и, как следствие, нового социального статуса. Английская народная сказка сохранила архаические представления о нахождении иницируемого в состоянии временной смерти и содержит следующее описание кровавого обряда:

Why! a wide saloon lit with many candles, and all round it, some hanging by their necks, some seated on chairs, some lying on the floor, were the skeletons and bodies of number of beautiful young maidens in their wedding-dresses that were all stained with blood [154, № 23].

Символическое значение лексемы blood как вместилища души сближает ее с ЛЕ rust, этимологически связанной со словами red и redder [155, с. 411; 97, с. 451]. На основе сходства по цвету ржавчина ассоциируется с кровью, следовательно, в некоторых контекстах ЛЕ rust выступает в качестве синонима существительного blood, принимая на себя и его мифологическую семантику: ржавчина, выступившая на лезвии ножа, - знак того, что со старшим братом случилось несчастье [157, № 23; 154, № 34].

Таким образом, приведенный иллюстративный материал свидетельствует о том, что, называя разные части тела, существительные head, eye, hair, bone, finger, toe, nail, tooth, blood обладают сходным мифологическим значением. Мифологическая семантика перечисленных ЛЕ отражает особенность языческого сознания, при наделении отдельных органов способностью вмещать в себя энергию, силы и душу живого существа, приписывать отдельным частям (органам) свойства целого (организма).

Характеристика внешнего вида героев (99 ЛЕ) складывается из синтезированного описания внешности, роста, особенностей телосложения и индивидуализирующих героя черт. Существительные (91 %) и прилагательные (60 %), передающие обобщенную характеристику внешнего вида персонажей, как правило, содержат в своей семантике нейтральную или положительную оценку (figure, appearance, handsome, beautiful, comely, beauteous). В более редких случаях лексемы данной ТГ передают отрицательное отношение говорящего к внешности вследствие ее безобразности или необычности (deformity, ugly-looking, ugly, disfigured).

В сказочных текстах также содержится описание роста (great, full-grown, tiny) и особенностей телосложения героев (dry-boned, gaunt, slim) с помощью прилагательных. Однако наиболее подробную лексическую репрезентацию в языке сказки получает индивидуализированный образ персонажа, включающий в себя характеристику лица и его частей (blotched, wrinkled, white-faced); волосяного и кожного покровов (clear, scaly, woolly like); туловища и его частей (headless, club-footed, hump-backed).

Обозначения физиологических процессов, действий, состояний и физических свойств (240 ЛЕ), репрезентированных существительными, прилагательными и глаголами, организованы в ведущие оппозиции *жизнь vs смерть* (live, fare, living vs die, perish, dwine, death, doom); *здоровье vs болезнь* (thrive, prosper, healthy, safe vs faint, sicken, pine, sore), *бодрствование vs сон* (awake, rouse vs sleep, doze).

С мифологической точки зрения оппозиции *жизнь vs смерть* и *бодрствование vs сон* идентичны, поскольку одним из видов смерти для древнего человека являлся сон, во время которого душа оставляет тело. Сон героев в уединенном доме в лесу в некоторых сказках можно рассматривать как

проявление временной смерти, которую переживали иницируемые во время обряда [153, № 18; 150, № 3, 19]. Состояние сна, дремоты могло быть также вызвано воздействием на героя колдовских чар и заклинаний [150, № 32; 154, № 15; 67, № 10]. Способность героев оставаться бодрствующими, не заснуть помогла выживать [153, № 22; 154, № 8]. Таким образом, в архаическом сознании сон ассоциировался со смертью и мог быть вызван путем магического воздействия на человека.

Физиологическое состояние голода (жажды) и процесс насыщения получили неравнозначное отражение в сказочной картине мира, поскольку количественное отношение глаголов – их обозначений – может быть представлено пропорцией 1:18 (starve vs eat, stuff, drink, gobble). Многократное превалирование ЛЕ со значением насыщения, поглощения объясняется тем, что в мифопоэтической традиции проглатывание пищи приравнивалось к обряду жертвоприношения. Так, в сказке «Вершки или корешки?» («Tops or Butts?») описание одного из осенних аграрных праздников – окончания жатвы, генетически восходящего к языческому почитанию производительных сил земли, сопровождается указанием на обильное принятие пищи (“he drank a great deal, scoffed some hot bag-puddings”), что, вероятно, можно рассматривать как один из способов задабривания духа хлеба.

Номинации положительных и отрицательных эмоциональных переживаний сказочных героев (223 ЛЕ) организованы в оппозиции *радость* vs *горе*, *печаль* (joy, gladness, gay vs grief, woebegone, sorrowful); *счастье* vs *несчастье* (happiness, blithe vs unhappiness, unlucky); *любовь* vs *ненависть* (love, affections vs loathing, hate, detest); *спокойствие* vs *нервное возбуждение* (peace, quiet, quietnis, comfort, frozen vs fever, flutter, excited, prick up ears).

Остальные ЛЕ ярко выраженных оппозиций не образуют, характеризуя, однако, как положительный, так и отрицательный эмоциональный фон сказочных героев. К совокупности ЛЕ, описывающих позитивный эмоциональный настрой, относятся обозначения таких чувств и состояний, как удивление и восхищение (delight, admiration, dumbstruck); жалость, сострадание (pity, compassion). Комплекс негативных эмоциональных переживаний представлен номинациями гнева и ярости (rage, wrath, rave, fury, angry); страха (fright, fear, terror, startle, scared); тревоги (alarm, commotion); злобы (malice, spite); вины и стыда (fault, blame, ashamed); одиночества (loneliness, lonely, forlorn).

В целом при описании эмоционального состояния героев наблюдается значительное преобладание ЛЕ, описывающих негативный эмоциональный настрой (60,5 % всех существительных, 53,1 % всех глаголов и 78,4 % всех прилагательных данной ТГ), над позитивно характеризующими настроение героя лексемами.

Подробную номенклатуру получают в сказочной картине мира именованная физических действий (320 ЛЕ) и движений (202 ЛЕ). Первая ТГ представлена, в основном, обозначениями действий, предполагающими разного рода воздействие на предмет – 60,1 % - toss, drag, smite, tie, unhook, etc. и

изменение положения тела в пространстве – 22,5 % - *scat, bend, double, plunge, splash, etc.*

Из возможных способов передвижения наиболее детальную репрезентацию в языке сказки получили обозначения перемещения по суше – 94,1 % - *trudge, journey, escort, ride, creep, etc.*; обозначения перемещения по морю и по воздуху (*swim, row, fly, flutter*) менее разнообразны, что в целом воспроизводит в сказочной картине мира типичный для английского народа характер передвижения. Активное передвижение героев связано, по мнению А.И. Никифорова, с особенностями примитивного мышления, с помощью которого человек воспринимает и свою жизнь, и окружающий мир как воплощение движения [160, с. 316]. Разнообразные номинации физических действий и движений придают повествованию динамизм, обуславливая быструю смену событий.

Интеллектуальная сфера героев (114 ЛЕ) актуализирована в сказочной картине мира обозначениями способности мыслить и рассуждать (*senses, wisdom, ponder, cast about*); степени выраженности интеллектуальных качеств (*wise, clever vs sheepish, cock-eyed*); скорости протекания мыслительных процессов (*sharp, nimble, vitty*); убежденности в чем-либо (*sure, certain vs unbelievin', doubtful like*) и ошибочности суждений (*galushion (= ignorance), ignorance, mistaken*). Следует отметить, что среди существительных и глаголов данной ТГ превалируют нейтральные и положительно окрашенные ЛЕ, в то время как среди прилагательных более половины (52,5 %) являются показателями отсутствия или недостаточного развития умственных способностей у героев сказки.

Данный факт можно объяснить присутствием в корпусе анализируемых текстов бытовых сказок и сатирических анекдотов, главные герои которых вследствие своей глупости и чудаковатости подвергаются осмеянию. Так, в сказке «Умники из Готтема» («*The Wise Men of Gotham*») жители деревушки назывались *wise men*, хотя все их поступки свидетельствовали об обратном. Наряду с упомянутой ироничной номинацией в тексте присутствует и их прямое именование, отражающее особенности их поведения (*Gotham Fools*) [67, № 14]. Сходную характеристику, которая реализуется ЛЕ *poor / bigger fool, his foolishness*, получает герой сказки «Сколько стоит кружка ума?» («*A Pottle o' Brains*»), заветным желанием которого было купить себе немного ума (*a pottle o' brains, ord' nar / common-like brains*) [67, № 29].

В ряде случаев номинации интеллектуальных качеств и свойств используются в сказочных текстах как экспрессивное средство: нетрезвый крестьянин, принявший пугало за человека, намеревающегося его ограбить, в своей речи наряду с отрицательно маркированными словосочетаниями *dirty waggabone* и *stealing rascal* использует выражение *cock-eyed raggamuffin*, где *cock-eyed* имеет значение «тупой, безмозглый» (ср. «*foolish, especially based on false ideas or beliefs; stupid*» [156, с. 241]).

Таким образом, посредством существительных, глаголов и прилагательных в языковой картине мира английской народной сказки

наблюдается детальное воссоздание особенностей биологического строения, внешности, эмоциональной и интеллектуальной сфер сказочных персонажей, в роли которых выступают люди, животные и сверхъестественные существа. основополагающие номинации частей тела живых организмов характеризуются ярко выраженной тождественной мифологической символикой, обусловленной синкретизмом архаического мышления. Подробная номенклатура обозначений действий и движений как проявлений активности и мобильности героев детерминирует динамичное развитие событий в сказке.

2.1.2 Социокультурный признак как основа номинации сказочных героев в языковой картине мира (особенности уклада жизни, хозяйственная деятельность человека и др.)

Предлагаемая социальная характеристика, реализованная лексическими средствами народной сказки, относится к сказочным героям в разной степени. В наибольшей степени она характеризуется для человека, и лишь отчасти – для животных и мифологических персонажей вследствие приобретения ими в сказке антропоморфических качеств и свойственной человеку организации жизни.

Речь является одной из важнейших социальных характеристик индивида. Обозначения речи, текста и менталитета образуют отдельную ТГ (216 ЛЕ). В сказочной картине мира наиболее подробную актуализацию получили способы передачи сообщения и воздействия на собеседника – 69,4 % - *query, persuasion, thank, congratulate, inform, promise, coax, etc.*; виды устных и письменных текстов (включая официальные юридические, политические и религиозные документы; фольклорные и литературные произведения) – 12,5 % - *epitaph, legend, rhyme, tale, proclamation, preamble, etc.*

Материалы сказок свидетельствуют о том, что слово в древности обладало для людей сакральным значением и могло быть использовано во благо и во вред. Наибольшей волшебной силой отличались слова-заклинания и магические формулы, обозначаемые в сказке лексемами *charm* и *spell*; бранные слова, проклятия и благословения, получившие номинации *swearing, malison, curse, cursing, language, blessing*.

Этимология большинства существительных второй группы указывает на их исходный магический характер. Так, по мнению М.М. Маковского, первоначально лексемы *curse* и *cursing* имели значение «колдовство» [161, с. 58]. Этимологические словари соотносят данные ЛЕ с д.-ир. *cūrsagim chastise* [155, с. 109]; со ст.-фр. *curuz anger* либо предполагают, что их первоначальным значением было *anger, wrath* [97, с. 151]. Любое из данных предположений в той или иной степени объясняет мифологическую семантику слов, поскольку посылаемое, обычно в порыве гнева, проклятие имеет целью наказать, покарать виновное лицо посредством своего магического характера.

Первоначальное значение существительного *swear (swearing)* – «клятва», т.е. «торжественное утверждение, уверение, подкрепленное упоминанием чего-

нибудь священного, ценного» [159]; «take an oath» [97, с. 514], что также свидетельствует о магическом характере действия. Существительное *blessing* является производным от *bless*, этимологическое значение которого трактуется как «mark so as to hallow with blood» [155, с. 43] и происхождение которого непосредственно связано с и.-е. **blōtham blood* [97, с. 67]. Несмотря на развитие у ЛЕ новых значений, исходное сакральное значение сохранилось, трансформировавшись. Сказочные тексты сохранили весь комплекс древнейших верований: ругательства и богохульства порождали в сказке чудовищ [150, № 42]; проклятие или благословение матери определяли судьбу ее сына [153, № 17, 23; 154, № 4, 34].

Еще одним важнейшим магическим средством являются заклинания. Силой заклинания обладающий магическими знаниями человек (или существо иного мира) меняет внешний облик другого человека, трансформируя его в животное или мифологическое существо [153, № 29, 33, 43; 154, № 22]; переводит его из одного физиологического состояния в другое [159, № 18]; подчиняет своей воле окружающих людей и предметы [150, № 7; 154, № 6]. При помощи заклинаний героев наказывают или награждают [153, № 43; 67, № 10]. Интересно отметить, что заклинания, целью которых является вызов сверхъестественных существ, иногда поются [67, № 9], что лишь подчеркивает общую ритуальную природу музыки и заговоров.

Кроме обозначений речи, языковая картина мира характеризуется наличием именований звуков и криков, издаваемых человеком, животными и мифологическими существами (127 ЛЕ). Производимые человеком звуки могут быть идентифицированы в соответствии с их акустическими свойствами, что позволяет выделить в данной ТГ номинации произвольно издаваемых звуков (*sigh, cough, laugh*); звуков, сопровождающих негативные (*wail, weep, blubber*) и позитивные (*hurrah, huzza, hum*) эмоциональные переживания.

Сказочные животные производят как типичные для них звуки, так и звуки, им не свойственные, представленные в сказочной картине мира глаголами и существительными (*huff, puff, snigger, to-who (of an owl), cooing*). В словарном составе английской сказки репрезентированы звуковые сигналы домашних животных (*neigh, bleat, clatter*); грызунов (*squeak*); птиц (*twitter, cackle, crow*); пресмыкающихся и земноводных (*croak, hiss*); насекомых (*chirp*). Наиболее подробное языковое воплощение получили крики, производимые домашними животными (51,6 %). Интересным представляется факт наделения жабы в сказочных текстах не только присущим всем земноводным свойством квакать (*croak*), но и способностью издавать шипящие звуки (*hiss*), что, на наш взгляд, может служить одним из косвенных подтверждений сходства мифологической символики и функций змеи и жабы в сказочной картине мира.

No sooner had he touched her than she shrivelled up and shrivelled up, till she became a huge ugly toad, with bold staring eyes and a horrible hiss. She croaked and she hissed, and then hopped away down the castle steps... [153, № 33].

Спектр звуков, издаваемых мифологическими существами, который получил лексическое воплощение в корпусе анализируемых текстов, достаточно

широк, поскольку включает в себя звуки как тождественные крикам животных и человека (beller, moan), так и уникальные, специфические только для них звуки. К числу последних в сказке относятся номинации громких угрожающих звуков низкого тона (snarl, roar, rave), резких неприятных звуков (screech), звуков, напоминающих человеческую речь или крики животных (snort, blatter, whinny).

Все вышеизложенное позволяет говорить о том, что входящие в состав ТГ лексемы, обозначающие способность к речи и виды информационного воздействия, а также акустические сигналы живых существ, аккумулируют в своем значении элементы верований в сакральный характер слова, анимистических верований и уподобления объектов живой природы человеку.

Лексемы, репрезентирующие черты характера персонажей и особенности межличностных отношений (568 ЛЕ), органично распадаются на группы, иллюстрирующие их отношение к людям, жизни, обязанностям и установленным в обществе правилам. Личностные качества, проявляющиеся в отношении к людям, представлены ЛЕ, характеризующими доброжелательное или недоброжелательное отношение персонажей к окружающим (kind, loving, hyter vs fell, jealous, malicious); способность или неспособность пойти на уступки, договориться (stubborn, tough vs suet, meek like); способность или неспособность героев оценить поступки окружающих по отношению к ним самим (thankful, graceful vs ungraceful).

Личностные качества, значимые для народного сознания, получают в языке сказки косвенную характеристику посредством номинаций разных видов межличностных взаимодействий. Так, помимо обозначений информационного воздействия на лицо тексты сказок содержат названия физического, эмоционального, нравственного и магического воздействия. Именования видов физического воздействия, приводящих к смерти или причинению боли и увечий (cudgel, blind, kill, destroy, stone), характеризуются более подробной номенклатурой (56,4 %) по сравнению с номинациями действий иного характера (release, rescue, deliver, unclasp, lull).

К способам эмоционального воздействия, отраженным в сказочной картине мира, можно отнести действия, вызывающие положительные или отрицательные эмоциональные переживания у другого лица. Среди названий различных способов эмоционального воздействия наиболее разнообразной номенклатурой отличаются обозначения действий, разрушающих позитивный эмоциональный настрой (threaten, alarm, anger, vex, offend, mock), что, в целом, вполне соотносимо с общей тенденцией преобладания в лексиконе народной сказки номинаций негативных эмоциональных состояний и переживаний. Вероятно, это объясняется исторически обусловленными особенностями жизни древнего человека: настороженным, порой, враждебным отношением к иноплеменникам, агрессивным поведением, если того требовало спасение собственной жизни.

Виды воздействия на нравственную сферу закреплены в ЛЕ, обозначающих помощь (aid, succour), побуждение или принуждение (invite,

provoke, tempt vs compel, cause), разрешение или запрещение (let, allow, dismiss vs forbid, halter), делегирование полномочий и поручений (charge, entrust, recommend). Магическое воздействие, актуализированное в языке сказки лексемами bewitch, enchant, unspell, disenchant, etc., призвано как околдовать, так и разрушить чары.

Социальные характеристики сказочных героев отражаются в ЛЕ, обозначающих, преимущественно, установление личностных и деловых отношений (visit, wait on, gather, flock, court, woo). Рациональные отношения проявляются в языке сказки в номинациях совместной умственной деятельности (consult, put their heads together); единомыслия или разногласия (agree, accept, refuse); торговых, трудовых и иерархических отношениях (bargain, lead, employ, sack). Эмоциональные межличностные отношения представлены глаголами со значением положительного или отрицательного отношения к другому лицу (respect, trust, forgive, revenge) и со значением конфликта (quarrel, strive, stir up).

Качества, характеризующие отношение личности к жизни, ее жизненную позицию, проявляются в прилагательных со значением как позитивного, так и негативного отношения к происходящим событиям (gleeful, cheerful-like vs ill-tempered); активной или бездеятельной жизненной позиции (hot, pressing, bustling vs lackadaisical); степенью выраженности реакций личности на происходящее (unused, unconcerned, fiery vs accustomed, douce, serious). Отношение героев к обязанностям, долгу, чести репрезентировано в сказочных текстах лексемами, обозначающими трудолюбие, честность и справедливость, отвагу и доблесть и понятия, противоположные по значению (hardworking / hard-working, clean, valiant vs lazy, cowardly). Качества, раскрывающие отношение личности к законам, установленному в обществе порядку, нормам морали, выражаются в прилагательных, передающих значение воспитанности и невоспитанности (civil, decent, mincing); добродетельности и греховности (good, gey vs incorrigible, hardened), благородства и низости (grand, truthful vs sneaky).

Таким образом, жизнь человека в социуме репрезентирована в лексическом составе английской сказки посредством ЛЕ разных частей речи, называющих личностные качества, межличностные отношения и разнообразные способы взаимодействия, которые свойственны в сказке не только героям-людям, но и героям животного и мифического происхождения, обладающим многочисленными антропоморфическими характеристиками.

Уклад жизни английского народа, запечатленный в народной сказке, актуализирован лексемами, входящими в ЛСП «Дом. Быт», которое образуется ТГ, обозначающими жилые постройки, предметы домашнего обихода, одежду, продукты питания, лекарственные, магические и стимулирующие средства.

Особое место в текстах занимает описание внешнего вида дома и его внутреннего убранства (378 ЛЕ). Способы именования жилища варьируют в зависимости от выполняемой функции конкретных объектов (shelter, haunt, hiding-hole, hole, refuge); места их расположения (turret, hermitage, cottage, farmhouse); особенностей их внешнего вида и состояния (estate, castle, den, cell,

hovel, palace, ruins). Обозначения хозяйственных построек представлены, в основном, названиями разного рода производственных помещений и построек (brewhouse, millhouse, washhouse, scullery, bakehouse) и помещений для домашнего скота (sheep-hut, fold, lambing-shed, neat-house).

К именованию элементов, создающих целостный образ отдельного дома / хозяйства, относятся номинации разнообразных препятствий и ограждений (moat, battlement, drawbridge, hedgerow); двора (garth / yard, farmyard). Особенности устройства жилища отражаются в семантике ЛЕ – названий хозяйственных и других помещений в доме (cellar, armory, ballroom, pantry-room); жилых помещений (chamber, room, parlour, bedroom, bedchamber) и конструктивных элементов помещения (hall-door, balcony, floor, roof, thatch, chimney-piece, hearth).

Образ дома как жилого строения с принадлежащими ему хозяйственными постройками и огороженным пространством вокруг него занимает значительное место в языковой картине мира английской народной сказки. Это объясняется тем, что строение, в котором жил человек, являлось безопасным для него локусом в неопознанном и враждебном мире и представляло собой центральную часть пространства, занимающего место левого элемента в определяющей отношении человека к миру оппозиции *свой vs чужой*. Е.В. Филиппова справедливо отмечает, что в фольклорной картине мира образ дома рассматривается как свое замкнутое и защищенное пространство, «как место обитания субъекта, центра мироздания» [19, с. 38].

Важными конструктивными элементами дома следует считать окно и дверь, обозначаемые в сказочной картине мира лексемами window и door. Они ограничивают пространство дома и одновременно являются отверстиями, соединяющими «свой» и «чужой» миры. Сказочные тексты содержат примеры, когда существа иного мира стучатся в окна и двери, ожидая, когда человек пустит их внутрь [153, № 1; 154, № 15; 67, № 18], или сидят у порога, наводя ужас на человека [67, № 30]. Так, например, одной из проделок Коровчика (Коровьего оборотня) было звать под окном девушек голосами их возлюбленных:

Sometimes he would call them out of their beds by imitating the voice of their lovers at the window [67, № 33].

При помощи двери сам человек может попасть из «своего» мира в «чужой». Чайльд Роланд из одноименной сказки («Childe Rowland») проникает в Темную Башню короля эльфов, обойдя трижды против солнца зеленый холм и произнеся соответствующее заклинание. Только после этого в холме появляется дверь, пропустившая его в мир, недоступный смертным.

Now when he had gone round the third terrace saying: "Open fast, open fast, let me in at last," what should happen but that he should see a door in the hillside. And it opened and let him in. Then it closed behind him with a click, and Childe Rowland was left in the dark; for he had gotten at last to the Dark Tower of the King of Elfland [154, № 30].

Сходные функции в сказке выполняют ворота или отверстия в изгороди [153, № 43; 150, № 10; 67, № 33]; сама изгородь [154, № 10], представленные лексемами *hedge* и *gate*. Главенствующая функция двери как входа в иной мир находит отражение в языке сказки в соответствующем наборе ЛЕ, которые характеризуют данный референт как активный субъект (“it divided, and let her through”, “the hedge closed, and the thorns ran into her flesh”, “it opened and let him in”).

Материалы сказок свидетельствуют о том, что не все помещения в доме одинаково безопасны. Одним из опасных локусов в доме является кухня, поскольку именно в ней располагается печь, очаг, обозначаемый в сказочной картине мира ЛЕ *fire*, *fireplace*, *hearth*. Согласно сказочной традиции, в кухне можно было встретить существ иного мира, которые там обитали. Образ брауни – одного из домашних духов – непосредственным образом связан с этим помещением в доме, поскольку по ночам он наводил в кухне порядок (“it would clear away things for them, and make everything tidy in the kitchen”), а плащ в качестве вознаграждения за его услуги был оставлен людьми у камина (“So they made a cloak of Lincoln green, with a hood to it, and put it by the hearth”) [153, № 38].

В английской народной сказке ЛЕ *chimney* и *chimney-piece* характеризуют камин с дымоходной трубой как приспособление, через которое существа иного мира проникали в дом [150, № 4]; место, возле которого они жили, оберегая человеческое жилье [67, № 5]. В отдельных случаях сказка рисует образы сказочных существ в непосредственной связи с камином (очагом, огнем), сохраняя лишь элементы древнейших языческих представлений. Так, добрячки (*hyter sprites*) в антропоморфном облике появляются в сказке рядом ярко горящим в камине огнем, вокруг которого крепко заснули конюхи (“They was all fast asleep by the gurt vire. ...he feels the heat of the vire and next thing he knows is someone a-shaking him and there was the very smallest serving maid all in a sand-coloured gown” [67, № 10]).

Среди построек, находящихся на территории дома, наиболее опасными, по английским народным поверьям, могут считаться амбар, коровник, маслодельня, пивоварня, которые в языке сказки актуализированы существительными *barn*, *milk-house*, *cowshed*, *dairy*, *brewhouse* [150, № 17; 67, № 16, 33]. Именно в этих местах чаще всего можно было встретить мифологических существ (“a couple of liddle cheps about eighteen inches high or dereaway come into de barn without uppeneing de doors” [67, № 9]) или заметить знаки их присутствия, например, пустой кувшин и монетку в качестве платы за молоко (“Every neet th’ jug an’ th’ sixpenny bit clapt theirsens o’ th’ stooan as reglar as milkin’ toime ...” [67, № 24]).

В русской народной традиции наиболее опасной для человека хозяйственной постройкой является баня. Исследуемые материалы дают основание говорить о том, что перечисленные постройки в сознании народа принадлежат к так называемому медиаторному пространству (термин Е.В. Филипповой), являются своего рода промежуточным звеном между «своим» и

«чужим» мирами и испытывают на себе наибольшее влияние со стороны сверхъестественных существ. В этом отношении английская сказка очень близка по характеру восприятия собственного дома русской народной балладе, согласно которому медиаторное пространство находилось в границах «большого» дома (термин С.Е. Никитиной, Е.Ю. Кукушкиной), включающего «все постройки на огороженной территории, принадлежащей семье» [19, с. 39].

Особого внимания заслуживает тот факт, что в генетически более поздних по сравнению с английской народной сказкой фольклорных источниках – английских балладах – строения подобного рода уже не представляют опасности для человека. Будучи заключенными в границы «большого» дома, они, тем не менее, воспринимаются народным сознанием как элементы «своего» мира. Медиаторное пространство, как показывают результаты диссертационного исследования Е.В. Филипповой, смещается к границам «большого» дома и локализуется в крепостной стене (castlewall) [19, с. 128]. Все сказанное свидетельствует о том, что древние народные представления в наилучшей степени сохранены в хронологически более ранних фольклорных произведениях, а в произведениях более поздних жанров представлены частично.

Внутреннее убранство дома репрезентировано в английской народной сказке номинациями отдельных предметов мебели и их элементов (bed, cradle, table, settle, stool, chair, shelf, oven); приспособлений и изделий, используемых в быту (clock, candle, tallow-dip, taper, strap); предметов личного обихода (comb, comb-prong, bacco-pipe, spectacles), кухонной утвари (plate, jug, cup, teacup, pan), а также декоративных элементов и предметов роскоши (curtain, cushion, bolster).

Лексические единицы данных ТГ играют важнейшую роль, создавая описательный образ английского крестьянского дома и его внутреннего убранства в народной сказке:

On the wooden chimney-piece are a pair of brass candlesticks, and a brass pestal (sic!) and mortar, all very bright, a tinder box, and two white china dogs, with black ears and gilt collars, and various other small articles.

A settle is placed obliquely in front of the hearth, springing from the one corner of it, and acts as a partition, dividing the main portion of the room from the fire side [67, № 4].

Важнейшим символическим значением в английской сказке обладают названия предметов, предназначенных для приготовления пищи, хранения и переноски вещей (bag, snuff-box, salt-box, etc.).

С лексемой bag в сказке связаны эпизоды нахождения героя внутри сумки или мешка [153, № 22; 150, № 26; 154, № 38]; разрезания мешка, имитирующего распарывание собственного живота [153, № 19], а также ситуации похищения и перенесения героя в мешке сказочным существом [153, № 30], которые в совокупности представляют разные способы проникновения в мир иррациональный, являющиеся непременными атрибутами обряда инициации. В этой связи сходные функции в сказочном тексте выполняют лексемы corper, pot и oven, поскольку в котлах, горшках и печи добрые герои прятались от

угрожающей опасности, а их антагонисты находились во временном заточении или погибали [153, № 13, 14; 150, № 21; 154, № 11]. В отдельных случаях нахождение внутри предмета замещается в сказке заглядыванием в него или присутствием рядом с предметом при сохранении символического значения слова, его обозначающего. В сказке «Смышленная Кэт» («Kate Crackernuts») одна из героинь, заглянув в котел, приобретает частичный зооморфный облик (“off falls her own pretty head, and on jumps a sheep’s head”) [153, № 37]. Трансформация привычного облика есть один из признаков нахождения иницилируемого в ином мире, в мире мертвых с целью приобретения необходимых магических свойств и покровителя (тотемное животное, духа). Неслучайно переодевание героини как один из возможных способов изменения облика сопровождается выполнением ею обязанностей судомойки [153, № 11; 150, № 40; 154, № 16, 32; 67, № 19].

В отдельных случаях символическое значение временной смерти усиливается в тексте благодаря использованию ЛЕ *coffin*, характеризующейся близостью своего этимологического значения со значением ЛЕ *box* и выступающей по отношению к ней в роли стилистического средства. По данным этимологических словарей, английское существительное *coffin* заимствовано из латинского (лат. *sophinus basket*) через французский (ст.-фр. *cof(f)in little basket*) с сохранением значения латинского слова [155, с. 83]. Героиня сказки «Черри из Зеннора» узнает о магических свойствах шкатулки, издающей заунывные звуки, которые возвращают каменные изваяния к жизни [67, № 6]. Для обозначения шкатулки в сказке используются описательный оборот «a box, ‘like a coffin on six legs’», в котором ЛЕ *coffin* не просто указывает на ее внешнее сходство с гробом, но соотносит всю ситуацию с идеей смерти. Эффект усиливается благодаря использованию в том же контексте словосочетания *that shut-up room* (и позже *the enchanted chamber*), обозначающего запретную комнату, которая функционально соотносима с помещениями, предназначенными в архаических обществах для ритуальных целей.

В сказочных текстах, обладающих чертами сходства с былями и легендами, гроб является не просто символом временного, непостоянного пребывания в потустороннем мире, а предвестником реальной близкой кончины человека. Остаточные формы языческих представлений, вероятно, находят свое отражение в образах эльфов, несущих на плечах гроб [67, № 23].

Особо следует упомянуть предметы – места обитания сверхъестественных существ, обозначаемые в сказочной картине мира лексемами *bottle* и *snuff-box* [153, № 6, 17; 154, № 4, 19]. По мнению И.Б. Лутовиновой, табакерка генетически связана с кисетом и огнивом – «традиционными средствами вызова духов» [162, с. 80]. Возможно, тесная связь в сознании человека огня и растертых и высушенных листьев табака, предназначенных для курения, привела к переносу магических свойств огня на растение и, как следствие, на коробочку, в которой он хранится. Поскольку, как отмечает М.М. Маковский, огонь через свое значение «гореть» у архаических

народов был тесно связан со значением «потусторонний мир» [163, с. 67], табакерка воспринимается в сказке как объект мира иррационального.

Таким образом, несмотря на различные денотативно-сигнификативные компоненты в значениях лексем *bag, snuff-box, salt-box, copper, pot, oven, box, bottle* общность символического содержания позволяет рассматривать их в языковой картине мира английской сказки в качестве сказочных синонимов.

К номинациям одежды и украшений людей и сверхъестественных существ и действий, связанных с ними (110 ЛЕ), относятся обозначения предметов мужской и женской одежды (*jacket, shirt, petticoat*); военной формы и одежды воинов (*corselet, breastplate, gauntlet*); аксессуаров (*ribbon, waistbelt*); головных уборов и обуви (*bonnet, nightcap, slippers*) и каждодневно выполняемых действий (*comb, gown, dress, take off*).

Одежда обладала огромным символическим смыслом в языческом обществе, способствуя переходу из мира живых в мир мертвых. Тесная связь одежды с потусторонним миром проявляется, прежде всего, в том, что пребывание посвящаемого в состоянии временной смерти во время обряда инициации сопровождалось у многих древних народов изменением внешности, неумыванием, обмазыванием, пачканием, нанесением краски на тело [71, с. 134 – 135].

В английской народной сказке древнейшие представления о пребывании а ином мире воплотилось в образах неумытых героев; героев, по тем или иным причинам покинувших дом и изменивших свой внешний облик, переодетых в другую одежду, в шкуры животных или одежду из тростника [153, № 11; 150, № 13, 16, 30; 154, № 1, 32; 67, № 19]. Героиня сказки «Кошачья шкура» («*Catskin*») [150, № 40], противясь желанию отца выйти замуж за первого встречного, просит сшить себе четыре платья, взяв которые покидает родительский дом. Для их описания используются субстантивные словосочетания с предлогом *of* и ЛЕ *coat* в роли ядра; в качестве адъютанта выступают слова и сочетания *silver cloth, beaten gold, the feathers of all the birds of the air, catskin*, референты которых являются неперенными атрибутами потустороннего мира. В семантике последних двух языковых единиц сохраняются элементы тотемистических верований. Мифологическое значение одежды конкретизируются в сказках также благодаря эпитетам, предающим разнообразные оттенки желтого цвета или сияющего, искрящегося света (*shining robes, glittering jewels, golden crown, glass slippers*), а также оценочным прилагательным (*fine / grander / beautiful clothes, her bravest dress*).

Герои могут обладать свойством казаться невидимыми для других людей, что также можно рассматривать как одну из форм принадлежности к сверхъестественному миру [153, № 19; 154, № 6]. Умение становиться невидимкой не всегда является врожденной способностью героя; он получает ее вместе с предметом одежды (например, плащом), обладающим этим магическим свойством. Например, Джек – Победитель Великанов обманным путем получает у великана три предмета одежды (“the coat will keep you invisible, the cap will tell you all you want to know”, “the shoes are of extraordinary

swiftness”), приобретая с ними сверхъестественные способности [153, № 19]. Каждый предмет одежды приносил их владельцу свойства, непосредственно ассоциируемые с теми частями тела, к которым он прикасался (coat → invisible body; cap → head → wit and knowledge; shoes → swiftness of legs), что прекрасно иллюстрирует механизм контагиозной магии, в основе которой лежит закон соприкосновения. следует отметить, что приобретение человеком качественно новых характеристик, в конечном итоге, и являлось целью обряда инициации в бесписьменных обществах.

В сказках бытового характера сверхъестественные способности одежды переосмысляются, а герои, верящие в то, что одежда сможет изменить их естество, высмеиваются. Так, одному из деревенских дураков сказали, что он поумнеет, лишь надев одежду из глины, земли (coat o’ clay). Словосочетание coat o’ clay выступает в сказке в функции метафорической номинации смерти, поскольку нельзя волшебным образом получить то, чего не дано от рождения.

“...but where can I get the right sort of coat o’ clay, then, missis?”

“When thou’rt done with this world, and thy folk put thee in the ground,” said the wise woman. “That’s the only coat o’ clay as’ll make such as *thee* wise, lad. Born a fool, die a fool, and be a fool thy life long, and that’s the truth!” [150, № 16].

Волшебные свойства одежды (и в отдельных случаях драгоценностей) отчасти объясняются тем, что она получена в дар от сказочных существ (великанов, фей, тотемных животных), а значит, принесена в человеческий мир из мира потустороннего [153, № 19, 25; 150, № 5, 30; 154, № 8, 20]. Человек, в свою очередь, также мог подарить сверхъестественному существу отдельные предметы одежды: подарок освобождал существо от обязанностей, которые ему приходилось выполнять по дому, и он покидал человеческое жилище [153, № 38]. Данные факты свидетельствуют о роли одежды не только как средства связи между мирами, источника новых способностей, но и предмета жертвоприношения.

К названиям продуктов питания (102 ЛЕ), аккумулированных в сказочной картине мира, относится, в основном, названия хлебобулочных изделий (pie, apple-pie, bread, conger-pie) и видов мяса и мясных блюд (flitch, bacon, pork, ham, hare, goose, fowl). Большим схематизмом отличаются отраженные в языке сказки названия приправ и специй (salt, spice, cinnamon); овощей и зелени (cabbage, potato); крупяных и макаронных изделий (furmenty, oatmeal, bran); десерта (raisins, honey, mead). В состав ТГ «Напитки» (20 ЛЕ) входят, преимущественно, названия спиртных напитков разной крепости (70 %), к которым относятся ЛЕ rum, gin, brandy, whisky, beer, small-beer, etc.

Совокупность отобранных ЛЕ в ТГ «Пища» и «Напитки» дает яркую характеристику кулинарным традициям жителей Британских островов, демонстрирует наиболее распространенные блюда и напитки на столе англичан как в течение года, так и в определенные праздники:

Christmas fare would consist of new beer, and honey, primrose, elderberry and dandelion wines, with roast and boiled beef, hams, hares, geese and fowls, mince and apple pies, junkets, cinnamon cakes, cider cakes and Christmas cakes. Supper fare

consists of meat, pig's puddings, pork pies, or else of toasted cheese eaten with beer and toast [67, № 15].

Кроме способности аккумулировать в собственной семантике фоновую культурную информацию, ЛЕ – обозначения продуктов питания и напитков обладают ярко выраженным символическим значением. Анализ сказочных текстов свидетельствует о том, что любая пища и любой напиток в потустороннем мире обладает следующими качествами: отведав то, что принадлежит миру мертвых, человеку навечно суждено там остаться («bite no bit, and drink no drop, however hungry or thirsty you be») [154, № 30].

Поскольку еда приравнивалась язычниками к божеству (например, хлеб являлся олицетворением хлебного духа, а картофель – духа картофеля [164, с. 502 – 504]), то, естественно, в процессе еды происходило приобщение к сверхъестественному, что не могло не отразиться в сказочной картине мира: тексты содержат эпизоды, в которых герой принимает пищу в чужом для него мире [153, № 13, 22; 150, № 19; 154, № 2, 8, 38]. Кроме того, в английской народной сказке сохранились эпизоды, в которых волшебное (тотемное) животное дает человеку пищу [150, № 5, 30; 154, № 15]. Герой, в свою очередь, угощает пищей мифологических персонажей, что позволяет говорить о пище как жертвоприношении [153, № 23, 41; 150, № 36; 154, № 22, 40; 67, № 5, 8, 24]. В отдельных сказках обряд принесения пищи (молока) в качестве жертвы имеет более отчетливые и узнаваемые формы: для умиловливания чудовища крестьяне из ближних деревень каждый день приносили ему молоко, надоенное от семи (девяти) коров [153, № 33; 150, № 42; 154, № 12].

В большинстве случаев в качестве угощения как для человека, так и для сверхъестественных существ выступали хлеб и молоко (bread and milk); каша или пудинг (porridge / pudding) – как разновидность продуктов питания из зерна и сыр (cheese) – как замена молока. Таким образом, в сказочной картине мира наличествуют разнообразные номинации молочных продуктов и изделий, изготавливаемых из зерна, которые использовались в древности в качестве основных предметов жертвоприношения.

Обладая магическими свойствами, хлеб не мог не почитаться древними людьми в качестве оберега. Неслучайно, провожая главного героя в дальний путь, мать печет ему пирог [153, № 17, 23; 154, № 4, 34]; а съеденные героиней корочка хлеба и несколько горошин не позволяют действовать наложенным на нее злым чарам [153, № 37]. Другим важным оберегом можно назвать соль: герои используют ее, чтобы отвести от себя и дома беду (“When I went out at daybreak there were a vuzz-peg going widdershins round our cow and calf so I run vor salt-box and drowed a handvul at un”) [67, № 10].

К важнейшим лекарственным и магическим средствам (12 ЛЕ), сохраненным в сказочных текстах, следует отнести названия собственно лекарственных средств (pill, ointment, herbs) и амулетов, оберегов (wand, charm). Одним из средств, расширяющих возможности человека и позволяющих проникнуть за пределы ранее недоступные, является особая волшебная мазь, именуемая в сказках fairy ointment. Согласно народным поверьям, ее

применение позволяет увидеть сказочных существ, обычно невидимых человеческому глазу, или приобрести сверхъестественные способности. Она принадлежит мифологическим существам или людям, регулярно занимающимся магической практикой [153, № 40; 67, № 6, 26, 34], т.е. является предметом потустороннего мира. В этой связи на ее использование обычным неподготовленным человеком наложен запрет, за нарушение которого человек строго наказывается потерей зрения или сумасшествием. Вероятно, упоминание в сказках чудодейственной мази объясняется использованием в древности во время обряда посвящения разного рода втираний в кожу, способствующих переходу иницилируемого в мир иной, что сближает символическое значение ЛЕ – обозначений мази и предметов одежды в сказочном тексте.

Особый интерес представляют амулеты и обереги, распространенные среди английского крестьянства, упоминания о которых сохранились в текстах народных сказок. Одним из средств, оберегающих человека от губительного воздействия ведьм и существ «чужого» мира, считались большие стеклянные шары, обозначаемые лексемой *witch ball*. Их, как правило, вешали на окна, чтобы оградить дом от проникновения колдуньи внутрь и от ее «дурного» глаза [56, с. 394]. Английская сказка сохранила свидетельства значимости и повсеместности применения оберегов:

Folk wor gey skeered on un nat'rally, an' wouldna goo nigh un wi'outen a charm o' some sort, just a witches pink or a Bible-ball, or the loike o' that [67, № 32].

Как явствует из изложенного выше, повседневная жизнь и условия быта английского народа непосредственно связаны с домом, образ которого репрезентирован в 58,5 % всех ЛЕ данного ЛСП. Отдельные элементы жилищных построек; традиционные предметы одежды; основные продукты питания, являющиеся неперенным атрибутом на столе у человека на протяжении тысячелетий; лекарственные и стимулирующие средства характеризуются древнейшей мифопоэтической символикой, в разной степени сохранившейся в английских сказочных текстах и определяющей функционирование обозначающих их лексических единиц с разным предметно-понятийным содержанием в качестве синонимов.

Языковая характеристика производственной деятельности человека аккумулирована в ЛСП «Труд. Хозяйственная деятельность человека» в ТГ, характеризующих виды занятий человека, инструменты и материалы, используемые в хозяйственной деятельности, средства передвижения и продукты труда.

В ТГ «Занятия и род деятельности» (387 ЛЕ) наиболее подробно представлены именованя занятий ремесленников и работников-профессионалов, включая обозначения деятельности прачек (*mangle, wring, dry*); кухарок (*cook, baste, broil, roast*); пряж, швей, ткачей (*spin, sew, click-clack (at his loom), weave*); строителей (*build, erect, rebuild, plaster*); наемных работников (*pave, drain, delve*); специалистов художественных профессий (*encrust, grave, adorn, inlay*); дровосеков, охотников и рыбаков (*hunt, shoot, flay, bait, chop*).

Не менее значимыми для народного сознания являются деятельность, предполагающая управление и ведение военных действий, и деятельность крестьянина. Характеризуя область военных занятий, глаголы и существительные репрезентируют способы управления (govern, reign, crown); военные действия (wage, fire, fight, combat, battle), заканчивающиеся победой или поражением (prevail, overthrow, overcome vs yield, fail, forfeit). Область крестьянских занятий отражена в языке сказки посредством лексем, которые называют занятия и действия, связанные с подготовкой инструментов к работе (sharpen, waffle-waffle); культивированием земли (rake, hoe, weed, plough up); посадкой и сбором урожая (gather, pluck, plant, haymaking) и уходом за животными (fettle, herd, feed).

ЛЕ данной ТГ характеризуют также бытовую (milk, churn, scald, charm away, white-witch, witchery) и религиозную (pray, christen, intomb) сферы деятельности человека. Наиболее схематичное языковое оформление в сказочной картине мира получили области предпринимательской (sell, lease, rent) и криминальной (rob, roach, thieve) деятельности.

К обозначениям материалов, используемых в хозяйственной и профессиональной деятельности (34 ЛЕ), следует отнести названия пряжи, тканей и выделанных шкур животных (gauze, velvet, leather, flax); лесоматериалов, строительных и облицовочных материалов (spar, timber, bricks, alabaster); топлива и металлов (fuel, wood, firewood, steel, lead). Основными продуктами труда, закрепленными в словарном составе сказки (14 ЛЕ), являются продукты животноводства и земледелия (harvest, hay, sheepskin, lint); заготовленные корма для животных (chaff, fodder, feed).

Среди упомянутых в английских народных сказках названий приспособлений и инструментов, используемых в хозяйственной деятельности (97 ЛЕ), особое место занимают номинации орудий труда крестьян (scythe-blade, plough, hoe, spade, hayfork, flail); охотников (bugle, horn, bugle-horn); поваров (mallet, chopper, peel); кузнецов (anvil, horse-nail, crucible, nail, hoop, furnace); портных и швей (needle, thread, goose, ironing-board); прях и ткачих (spinning-wheel, spindle, distaff, tow-card, carder), т.е. людей профессионально занимающихся крестьянским трудом или каким-либо ремеслом (69 %).

В сказочной картине мира присутствуют также ЛЕ, обозначающие приспособления, которые применяются в повседневной хозяйственной деятельности (string, coil, hand-whip, chain). Специфические условия жизни английского народа и виды деятельности, предполагающие использование упряжных и верховых животных, обуславливают наличие в языке сказки названий предметов, составляющих лошадиную сбрую (halter, bridle, saddle, saddle-strap, spur, shoe). О важной роли воина-защитника и военного дела в социально-политической жизни английского этноса свидетельствует входящая в состав языковой картины мира народной сказки совокупность существительных (23 ЛЕ), обозначающих собирательное название оружия (armour / armor, weapon); виды оружия и его части (shaft, pommel, hilt, arrow, bow, blade, club, cudgel, dagger, pistol, glaive).

В языке сказки название одного из самых распространенных видов оружия, который использовали герои для борьбы с врагом из иного мира, передается ЛЕ sword [153, № 19; 150, № 36; 154, № 1, 8]. Тожественные функции выполняют в сказках также предметы, обозначаемые лексемами knife, dagger и blade [150, № 18; 154, № 18; 67, № 3], что, очевидно, обусловлено тем, что все перечисленные режущие предметы изготовлены из железа, символическая нагрузка которого будет рассмотрена ниже.

Таким образом, анализ перечисленных ТГ позволяет говорить о том, что наиболее подробной номенклатурой в сказочной картине мира обладают названия занятий ремесленников и работников-профессионалов, крестьян и воинов, а также инструментов и приспособлений, используемых в их деятельности, что свидетельствует о наибольшей значимости данных сфер профессиональной деятельности в жизни английского крестьянства.

Средства передвижения (36 ЛЕ) в английской народной сказке представлены названиями кораблей (craft, ship, man-of-war); наземных видов транспорта и перевозочных средств (go-cart, coach, coach-and-six) и составных частей средств передвижения и их содержимого (cargo, hold, oar, keel, mast).

В английских сказках более распространены случаи путешествия героев наземными видами транспорта (в карете, экипаже, повозке), что, безусловно, является отражением особенностей уклада жизни английского народа. В некоторых случаях механические средства передвижения наряду с животными, помогающими героям преодолеть огромные пространства, представляют собой сказочные символы, обусловленные особенностями культурно-исторического развития человека. Так, водные виды транспорта мыслились как перевозочные средства, соединяющие «свой» и «чужой» миры, перевозившие души умерших. Эта функция лодки (корабля) отражена в отдельных сказочных текстах (иногда в имплицитном виде) [153, № 33; 154, № 12]. Например, в сказке «Волшебная мазь» («The Magic Ointment») родители-эльфы, отдавая своего ребенка на воспитание смертной женщине, пообещали забрать его после их возвращения из-за моря (“we ... have come to ask you if you will take care of our boy till we return from over the sea” [67, № 34]). Отсутствие ЛЕ ship, непосредственно называющей корабль, компенсировано в тексте лексемой sea, которая имплицитно указывает на его наличие в сказке как средства передвижения по водной стихии, необходимого для перемещения мифологических существ из одного мира в другой.

Сходную функцию могут выполнять в сказке и наземные виды транспорта, обозначаемые ЛЕ coach, coach-and-four, coach-and-six и chariot [153, № 43; 150, № 5; 154, № 6]. В отдельных случаях идея путешествия в потусторонний мир ослабляется [153, № 31; 154, № 24]: герой приезжает из маленькой деревушки в Лондон. Описание бедственного положения сироты и наивной веры бедняков в то, что на улицах столицы сокровища лежат под ногами, делают повествование сказки более реалистичным. Несмотря на это, однако, элементы древнейших представлений сохранилось в сказочном тексте в

ЛЕ gold, характеризующей тротуары столицы (“even the streets, they said, were paved with gold”), поскольку золото есть неотъемлемая часть мира «чужого».

Таким образом, ЛЕ самых крупных ТГ называют явления и процессы, характеризующие наиболее важные сегменты действительности, связанные с хозяйственной деятельностью человека: виды труда; приспособления, инструменты и материалы, необходимые в хозяйственной и профессиональной деятельности; используемые человеком средства передвижения. Наиболее детальное описание в сказочных текстах посредством существительных и глаголов получают область крестьянского труда и деятельность отдельных групп специалистов (воинов, портных, пряж, кузнецов). Деятельность, связанная с осуществлением магической практики и целительства, несмотря на свою значимость для английского народа, нашла схематичное отражение в сказочной картине мира исключительно в названиях такого рода занятий. Наблюдаемый факт, вероятно, обусловлен строгой конфиденциальностью при передаче магических знаний и навыков, недоступностью этих видов деятельности для непосвященных и, как следствие, отсутствием полноценных представлений у древних людей об их содержании.

2.2 Номинация как способ этнической идентификации сказочного героя (отражение естественной среды обитания человека, основные этнические признаки, языковая репрезентация абстрактных понятий), запечатленной в языке английской народной сказки

Совокупность средств номинации природных условий, в которых протекало развитие и деятельность человека, зафиксирована в ЛСП «Естественно-географическая среда», которое содержит ТГ, обозначающие объекты физической географии, природные и физические явления, минералы и полезные ископаемые, представителей флоры.

Обозначения объектов физической географии и действий, свойственных объектам неживой природы (137 ЛЕ), формируют четкую оппозицию названий объектов, связанных с водными источниками, и объектов, создающих рельеф местности. Среди номинаций объектов гидрографии подробной номенклатурой отличаются названия болот (bog, bog-hole, marsh-land, bog-pool); рек и ручьев (river, flood, stream, brook). Остальные гидрографические объекты (озера, пруды, родники, каналы, моря) представлены в языке сказки единичными именованиями. Среди объектов физической географии, расположенных на суше, наиболее разнообразную языковую репрезентацию получили горы и горные вершины (the downs, cairn, rock); такие открытые пространства, как пустыни, пустоши и долины (meadow, moor, wilderness); овраги и расселины (cleft, abyss, hole).

В ТГ, содержащей названия объектов окультуренной природы (27 ЛЕ), сохраняется противопоставление обозначений водных и наземных объектов при значительном преобладании последних (77,8 %). Природа, подвергшаяся преобразовательной деятельности человека, представлена номинациями

искусственно созданных водных объектов (pond, mill-stream, horse-pond); насыпей, рвов (mill-dam, dam) и участков земли, окультуренных человеком (garden, park, wheat-land).

Анализ количественных и содержательных характеристик ТГ свидетельствует о наличии в языке английской народной сказки подробной номенклатуры названий природно-географические объектов, образованных естественным путем, и названий участков и объектов рельефа суши. Данный факт можно объяснить лучшим освоением наземного пространства народом и более активным использованием его в своей преобразовательной деятельности. Водное пространство, очевидно, было освоено хуже. Однако и в данной группе наиболее разнообразную номинацию получают некрупные гидрографические объекты (реки, ручьи, болота, родники), расположенные вблизи мест обитания человека.

Многие природно-географические объекты, обозначаемые в сказочных текстах лексическими единицами (ЛЕ) sea, stream, river, knoll, hill, mountain, forest, field, wood, тесно связаны с архаическими мифопоэтическими воззрениями народа. Как правило, они являются границей, разделяющей мир живых и мир мертвых. Согласно древним представлениям, горные цепи и водные пространства не дают человеку беспрепятственно проникнуть в потусторонний мир ("he had a big river to cross, and there was a whirlpool, and he could not get over the water" [153, № 7]), а сверхъестественным существам покинуть его ("an' I hurried on toward t' wood brig, for they say as how this Bargest cannot cross a water" [67, № 30]). Данный факт объясняет сочетаемость в текстах сказок названий объектов физической географии с обозначениями параметрических характеристик, в совокупности актуализирующих значение непреодолимости препятствия (a wide deep moat, a big rushing river, a great hill of grass). В отдельных случаях эта граница имплицирована, и ее отсутствие в тексте компенсируется упоминанием предмета, имеющего с ней устойчивые ассоциативные связи: например, воссоздание образа реки как границы между мирами возможно благодаря присутствию в сказке образа моста ("and she ran, and he ran, till they came to the "Bridge of one hair", and she got over, but he could't") [153, № 22].

Гидрографические объекты, лесные массивы, горы, холмы и пещеры являются непосредственными местами обитания сказочных существ (русалок, водяных духов, драконов, великанов, эльфов) [153, № 1, 21, 22, 37, 43; 150, № 18, 33, 36, 38; 154, № 8, 10, 12, 38, 40; 67, № 4, 8, 15, 32]. В лесах, горах и пещерах живут люди, занимающиеся колдовством, знахарством, предсказаниями, т.е. всем тем, что относится к области иррационального [150, № 27; 67, № 26, 29, 31]. В отдельных случаях в сказке говорится, что герои живут за морем, что также указывает на их принадлежность к миру сверхъестественному [153, № 29; 67, № 34].

В этой связи интересна мифологическая семантика лексемы pit «1. яма, ямка; впадина; углубление; 2. шахта; рудник; шахтный ствол» [94, с. 697]. В корпусе подвергнутых анализу сказочных текстов существительное обозначает

еще одно место обитания мифологических персонажей [153, № 1; 154, № 3; 67, № 18] и используется в роли ядра в словосочетании *an old chalk-pit*. Этимологически данная ЛЕ (д.-а. *pytt*) восходит к лат. *puteus pit, well*, имея соответствия во французском *puits well, shaft* [97, с. 396] и немецком *pfütze pool, puddle* [155, с. 355] языках, а, значит, самым непосредственным образом связана с обозначением водного объекта. Кроме того, д.-а. *pytt* также обозначало могилу [165, с. 282]. С течением времени данное значение не утратилось полностью, но в переосмысленной форме сохранилось до настоящего времени как «(братская) могила» и «преисподняя, ад» [94, с. 697]. Это позволяет говорить о сохранении в сказочных текстах в структуре ЛЕ *pit* исходного мифологического значения, обусловленного древнейшими представлениями о связи этого объекта рельефа с обрядом погребения и, следовательно, с загробным миром, с одной стороны, и водной стихией, разделяющей и в то же время связывающей разные миры, с другой стороны.

Идентичной мифологической символикой характеризуется в тексте сказки существительное *pot* «(диал.) 1. глубокая яма; 2. торфяная яма» [94, с. 742]. Место обитания йоркширского боггарта описывается следующим образом: “I heard the splash of the beck falling into what must be a pot, *and saw the black yawning hole open before me*”, “the abyss”, “the ugly well” [67, № 28]. Как видно из описания, атрибутами жилища мифологического существа являются непосредственная близость к воде и расположение на большой глубине от поверхности земли. При повторных номинациях яма, в которой обитал боггарт, называется *well, abyss* (гр. *ábussos bottomless* [97, с. 3]) и *hole* (возможна генетическая связь с и.-е. **kel- cover, hide*; в семантической структуре содержит семы *deep, hollowed out* и *hidden* [97, с. 284]), при этом в семантике каждой из ЛЕ сохраняется одна из отличительных характеристик его жилища.

Нахождение героя в лесу или за морем традиционно объясняется состоянием временной смерти, временного пребывания в потустороннем мире иницируемого во время обряда посвящения. В английской народной сказке элементы описания древнейшего обряда инициации сохранились в мотивах добровольного ухода или насильственного увода героя за пределы «своего» мира [153, № 7, 17, 25; 150, № 1]; благополучного возвращения героя из-за моря [153, № 33; 154, № 12]; пребывания героя в лесу с последующим вознаграждением [153, № 6; 154, № 19]. Связь водных источников с загробным миром прослеживается и в том, что король, у которого умерла жена, многие годы проводит у окна, глядя на море [150, № 13; 154, № 5].

Таким образом, ЛЕ, обозначающие природно-географические объекты, используются в английской народной сказке не только с целью воссоздания рельефных особенностей сказочного пространства, но и аккумулируют в своей семантике элементы архаических народных представлений о вселенной.

Языковая характеристика природных и климатических явлений (151 ЛЕ) включает номинации видов явлений и способов их проявлений: ветра (*wind, whirlwind, blow, sigh*); осадков (*shower, snowflake, snow-scad, melt, patter*); водной (*wave, flood-time, ebb*) и огненной (*fire, ingle, flame, blaze, burn*) стихий. ЛЕ

данной ТГ формируют такие оппозиции, как *свет* vs *тьма* (light, half-light, glimmer vs darkness, darklins, gloomy, dark); *тепло* vs *холод* (warmth, hot, warm vs cold, wintry, frosty); *слабый* vs *сильный* (calm, soft vs wild, turbulent); *погожий* vs *ненастный* (starry, clear, fine vs starless).

Отдельную ТГ (29 ЛЕ) составляют названия минералов и полезных ископаемых (gold, silver, marble, crystal, coal); драгоценных и полудрагоценных камней (pearl, diamond, ruby, carbuncle, topaz). Все металлы в той или иной степени обладают магическими свойствами и, следовательно, соотносимы с иным миром. Например, за добросовестный труд героиня сказки «Черный Бык Норроуэйский» («The Black Bull of Norrøway») получает пару железной обуви (iron shoon), позволившей ей подняться на стеклянную гору [154, № 15]. Среди названий металлов только у существительного gold мифологическая семантика мотивирована его внутренней формой: gold соотносимо с и.-е. основой ghel-, которая является производящей и для ЛЕ yellow [155, с. 197; 97, с. 258]. Следовательно, по отношению к ЛЕ yellow можно утверждать, что в данном случае в качестве признака номинации выступил цвет металла. Ассоциативные связи между способностью золота сиять и процессом горения, возможно, и обусловили представления о металле как принадлежности потустороннего мира.

По народным представлениям, железо и сталь могут выступать в сказке в качестве оберега:

...with his right hand he snatched a knife from his girdle and, flashing the bright steel before the mermaid's eyes, shouted...The sight of the bright steel which, folk say, has power against enchantments) *made the mermaid drop from his neck into the sea* [67, № 3].

Кроме того, сверхъестественные существа могут принимать образы металлов и камня, что сближает их мифологическую семантику. В сказке «Коровий оборотень» для именования разнообразных воплощений Коровчика используются словосочетания “a pot ... brimful of great gold coins”, “a pot of gold”, “a lump of silver”, “a great lump of iron”, “a big stone” [67, № 33]. Заколдованный эльфами Тамлейн принимал образы льда и раскаленного железа (frozen ice, red-hot iron / glaive) [150, № 32].

В приведенных примерах лексемы ice и stone выступают в качестве символических эквивалентов обозначений металлов. Идентичной символикой обладает и существительное crystal. С одной стороны, хрусталь представляет собой вид прозрачного камня (т.е. его физические характеристики совпадают с характеристиками камня и льда). С другой стороны, этимологический анализ ЛЕ crystal позволяет говорить о наличии в структуре ее лексического значения первоначального значения «лед», которое вместе с материальной формой было заимствовано с латинского языка (лат. crystallum ice и ст.-фр. crystal ice [155, с. 107; 97, с. 148]). В языке сказочных текстов, как правило, находят отражение физические свойства хрусталя, прежде всего, его прозрачность. Так, магическими свойствами обладают источники с чистой прозрачной водой (a crystal waterfall, a stream of water as clear as crystal) [150, № 40; 67, № 6].

Драгоценные и полудрагоценные камни наравне с золотом являются в

сказке важной характеристикой иного мира, принадлежностью мертвых [153, № 9] и составляют неизменный элемент декора сказочных дворцов и садов [153, № 21; 154, № 30; 67, № 3, 6]. Вероятно, это объясняется особенностями их добычи (со дна моря или из горных пород) и их способностью сверкать, искриться при солнечном свете и искусственном освещении. Свойство драгоценных камней отражать свет лежит в основе внутренней формы отдельных ЛЕ. Так, этимологически ЛЕ *emerald* может быть соотнесена с семитским глаголом *bāraq shine* и существительным **bāraqt gem* [97, с. 199]. Существительное *carbuncle* является производным от лат. *carbunculus, carbō coal* [97, с. 97] и представляет собой метафорическое именование на основе внешнего сходства с тлеющим огоньком. Кроме того, данное свойство проявляется благодаря сочетанию названий драгоценных камней с глаголами и прилагательными определенной семантики: “bright stones”, “a big, huge carbuncle, which kept shining round and round” [153, № 21]; “the roof sparkles of diamonds”, “gems of such brightness that their rays make our deep grottos ... as light as day”, “glistening gems” [67, № 3]; “flowers sparkling with diamonds” [67, № 6].

Таким образом, названия металлов, драгоценных камней и минералов характеризуются в сказочной картине мира сходным символическим значением. Характер залегания полезных ископаемых (на морском дне или под землей), трудности, возникающие при их добыче, наличие у них определенных физических характеристик (цвет, кристаллическая форма, преломляющая световые лучи) обусловили приписываемые им магические свойства.

Представления о растительном мире отражены в словарном составе английской сказки (134 ЛЕ) в названиях деревьев (*apple-tree, rowan-tree / rowan tree, aspen*); разных видов кустарников (*briar, broom, rose tree, honeysuckle*); диких и культурных цветковых и злаковых растений (*barley, tulip, lavender, dandelion*); овощей, фруктов и ягод (*pear, plum, pumpkin, cloudberry, blueberry*); орехов (*walnut, filbert*). Анализ лексем, входящих в состав данной ТГ, позволяет говорить о том, что подавляющее большинство растительных организмов, репрезентированных в словарном составе сказки, произрастают на территории Британских островов, и, следовательно, издавна были знакомы английскому народу. Обозначения экзотических растений, не характерных для британского ландшафта, представлены единичными ЛЕ (*orange-tree, ebony, walnut-tree*).

Символическое значение многих растений связано с языческими народными представлениями о присущих им магических свойствах. Почитание растений и их плодов (*apple-tree, orange-tree, aspen, rowan, acorn, apple, pear, plum, nut*) как символов бессмертия, волшебной силы, средств исцеления, эффективных оберегов нашло отражение в текстах целого ряда сказок [153, № 37, 38; 150, № 5, 21; 154, № 11, 12, 15]. Так, аромат цветущего апельсинового дерева является оберегом от ядовитых существ (“the shade of a flowering orange tree, whose fragrance hath this virtue in it, that no poisonous beast dare come within the compass of its branches” [154, № 1]).

Рябина в фольклорной традиции считается оберегом от злых чар и колдовства: именно поэтому корабль с обшивкой из древесины рябины был

неподвластен магическим заклинаниям колдуньи (“Then the imps went forth to meet Childe Wynd’s ship, but when they got near they found they had no power over the ship, for its keel was made of the rowan-tree” [153, № 33]). Тожественной мифологической символикой в сказочной картине мира обладает и осина (“I allus keep a lot o’ branches of the aspin tree under my bed to keep the Evil One off. That wood that’s the strongest charm you can get” [67, № 22]).

Цветки и плоды многих растений, согласно народным верованиям, в основе которых лежат языческие представления о смерти и воскресении богов плодородия, имеют непосредственную магическую связь с загробным миром, представляя собой, во многих случаях, воплощения душ умерших. Например, яблоки в одной из сказок обладают целебными свойствами (“the old king fell very sick one time and there was nothing at all could make him well but some golden apples from a far country” [150, № 28]), но найти их можно только в другом мире (a far country).

Названия деревьев и цветов, особенно с сильным ароматом, составляют в сказочной картине мира важную характеристику мира мертвых. Страна эльфов предстала перед взором Черри из Зеннора как удивительный сад (“Sweet briars and honeysuckles perfumed the air, and the reddest of ripe apples hung from the trees over the lane” [67, № 6]). На могиле старушки по ночам вырастали прекрасные благоухающие цветы, за которыми ухаживали пикси (“And though no-one was ever seen to plant a flower, somehow her favourites sprang up in the night – rosemary and gillyflowers, lavender and forget-me-nots, sweet scabious and rue” [67, № 2]).

В роли связующего звена между мирами в английской народной сказке выступают не только объекты физической географии, но и растительные организмы. Если географические объекты осуществляют связь миров по горизонтали, то растения соединяют верхний, потусторонний мир с миром людей, расположенным ниже, принимая на себя функции мирового дерева. Для их обозначения в сказке используются LE tree и beanstalk [153, № 7, 13; 154, № 14]. Характеристика размеров обозначаемого растения достигается как благодаря непосредственному употреблению с существительным зависимого от прилагательного big (a big beanstalk, a big ladder) или числительного (“a tree, seven miles high”), так и опосредованно путем многократного повторения глаголов и наречий, контекстуально связанных с существительным (“a big beanstalk which went up and up till it reached the sky”, “So Jack climbed, and he climbed and he climbed and he climbed and he climbed and he climbed and he climbed till at last he reached the sky”). Функцию оси Мироздания в тексте сказки может выполнять радуга, которая, как и любой другой сакральный объект, получает не прямое, а перифрастическое именование: the stairs without steps [150, № 33].

Анимистический взгляд древнего человека на окружающую природу запечатлен в текстах, в которых деревья являются местообитанием мифологических существ [150, № 22]. В таких случаях они наделяются чисто человеческими характеристиками: “it screamed like a woman”, “the two other trees lashed their branches in anger”, “the murdered tree”, “the crying of many leaves”,

“the two trees shuddered” [67, № 15]. Уничтожение дерева расценивается как преступление и влечет за собой суровое наказание; за сохранение и почитание деревьев герои получают вознаграждение. Неслучайно в одной из сказок в качестве священного дерева выступает дуб (a huge old oak), поскольку результаты этнографических исследований свидетельствуют о наличии культа деревьев у кельтов и германцев, проявляющегося в поклонении дубам [164, с. 122]. Следовательно, сказочные образы таких деревьев представляют собой реликтовые формы языческого поклонения древних германцев в особых священных рощах.

Анализ корпуса сказочных текстов позволяет говорить о том, что растительный мир, знакомый английскому народу, представлен в сказочной картине мира в номинациях растительных организмов разных видов. В языке сказки сохранились древнейшие представления о целебных и магических свойствах растений, которые мыслились как обладающие душой творения, воплощения душ умерших и связующие звенья между миром живых и мертвых.

В качестве ведущих характеристик этноса выступают единство территории и хозяйственной деятельности, а также стабильные особенности культуры [166, с. 179]. Языковая характеристика административно-территориального деления находит отражение в ЛСП «Государственные и административные реалии», лексические единицы которого распределены по ТГ, описывающим основные административно-территориальные единицы, населенные пункты, расположенные на их территории архитектурные и строительные объекты и соединяющие их пути сообщения.

Особенности административно-территориального членения пространства представлены названиями государств, различающихся географическим положением и типом правления (hot-country, kingdom, realm); отдельных административных территориальных единиц (country, district, part) и церковных приходов (parish). Среди обозначений населенных пунктов названия урбанизированных центров противопоставлены разнообразным номинациям сельской местности (town, market-town, capital vs village, hamlet, countryside). Названия путей сообщения внутри и между населенными пунктами (roadside, wayside, roadway, roundabout) представлены 58,3 % существительных данной ТГ, что, безусловно, свидетельствует о жесткой зависимости от путей сообщения хозяйственно-трудовой деятельности отдельных индивидов и стабильного экономического функционирования любого центра страны.

Облик любого из населенных пунктов создается в сказочной картине мира, в основном, посредством названий строений культового характера (church, chapel, cathedral); исправительных учреждений и орудий казни (scaffold, gallows-tree, jail); торговых заведений и мест торговли (fair, market, shop, inn) и образовательных учреждений (school, college).

Как показывает анализ элементов ЛСП, язык сказочных текстов воспроизводит достаточно четкую систему территориально-административного деления государства; содержит многообразные средства обозначения населенных пунктов разной величины и значимости в социально-политической

жизни общества, а также путей сообщения (шоссейных, проселочных дорог, улиц, переулков; окольных и прямых путей). К обозначениям внутригородских объектов и объектов, расположенных внутри сельских населенных пунктов, относятся названия сооружений, связанных с торговой деятельностью людей; предназначенных для удовлетворения их духовных потребностей и решения задач по формированию личности и коррективке ее поведения.

Важнейшие особенности культуры (народное искусство, обычаи, традиции, нормы поведения, верования), позволяющие рассматривать совокупность людей как единую этническую группу, представлены в ЛСП «Искусство и культура этноса». Данное ЛСП составляют существительные из ТГ, характеризующих различные формы народной культуры (народные песни, танцы, игры, праздники, обряды, языческие и религиозные представления).

Музыкальное творчество английского этноса представлено в сказочной картине мира обозначениями музыкальных инструментов (trumpet, harp, lute, bell, drum); музыки музыкальных произведений (tune, music, melody); танцев (dance, dancing, jig). Гипероним большинства ЛЕ, входящих в состав данной ТГ, существительное music этимологически связано с именами богинь – покровительниц изящных искусств, называемых в древнегреческой мифологии музами [97, с. 358]. Следовательно, уже в ее названии в скрытой форме присутствуют представления об иррациональном, происхождении музыки, ее сверхъестественном, неземном характере.

Анализ сказочных текстов свидетельствует о том, что музыка занимала значимое место в народных представлениях. В сказке ей присущи магические свойства, поскольку она всегда, так или иначе, связана с «чужим» миром. Издают мелодичные звуки, принадлежащие потустороннему миру, музыкальные инструменты (иногда сделанные из кости невинных жертв) [154, № 9, 13]; музыка преображает героев [154, № 5]; уводит людей в иной мир, откуда они не возвращаются [150, № 1]; разрушает злые чары [154, № 1].

По народным представлениям, музыкальными способностями обладают многие мифологические существа. Эльфы проводят ночное время в танцах под музыку своих музыкантов.

a) The prince entered a magnificent hall, brightly lighted up, and many beautiful fairies surrounded the prince and led him off to the dance. ... There she saw the prince dancing, and dancing, and dancing, till he could dance no longer and fell upon a couch [153, № 37].

b) The pixie babies are fast asleep, and there go the pixie folk themselves to dance in the meadow grass [67, № 2].

Отличительной чертой жителей подводного мира является необычайной красоты и гипнотического воздействия пение. Для обозначения голоса и пения русалки используются такие эпитеты, метафоры и сравнения, как “a sea-weedy sort of song, like the wailing of a woman or the crying of a child”, “her sea-weedy song”, “her sweet-sad song”, “flutelike melody”, “her plaintive tone”, “a more unearthly yell”, “melody of her voice”, “music of her voice” [67, № 3]. В основе использования отдельных эпитетов лежит явление метафорического переноса,

поэтому понимание характера коннотаций, сопутствующих денотативному значению прилагательных, возможно лишь при обращении к контексту. Например, вероятность наличия положительного коннотативного компонента в лексеме *unearthly* усиливается окружающими его прилагательными (“a fairer woman”; “the comely creature”; “her lovely head and swan-like neck”; “the beautiful creature”; “the fair one”). В результате у реципиента возникает представление о том, что крик, изданный таким прелестным созданием, не может быть ужасным или пугающим. Понимание значения прилагательного *sea-weedy* достигается благодаря глаголам – обозначениям эмоционального состояния героини (“he longed to comfort her”; “stayed her crying”; “what makes ‘ee grieve so”) и контекстуальному синониму *plaintive*.

Сверхъестественная природа музыки проявляется в том, что в сказках названия музыкальных инструментов могут сопровождаться эпитетом *magic* (the magic harp) или сочетаться с глаголами, характеризующими их как субъект действия (“the golden harp sang most beautifully”, “it began to sing by itself”, “the harp began singing again”). Эстетическое и магическое воздействие музыкальных звуков на людей уточняется посредством использования сравнений, а также положительно окрашенных прилагательных и наречий (“he would play so gaily on his little pipe, that she forgot all her troubles”, “play to her so merrily on his little pipe”, “played a few low notes that sounded like a bird singing far off in the woods”, “the tone was joyful and resonant, full of happy laughter and merry play”, “the most beautiful music”). Перечисленные волшебные свойства музыкальных произведений в фольклорном тексте, вероятно, могут быть объяснены изначальным ритуальным назначением музыки, которая представляла собой наряду с движением и словом неотъемлемый компонент языческого обряда.

Названия народных игр и развлечений (*games, wrestling, turn-the-trancher, blind-man’s-buff*), брачных ритуальных действий и пиршеств (*wedding-day, wedding, marriage-day*), погребальных обычаев (*funeral, burial*) и традиций, связанных с хозяйственной деятельностью (*market day / market-day, fair, pay-day*) и особенностями быта (*curfew*), репрезентируют типичные черты народной жизни. Например, развлечения рождественского вечера описываются в сказке следующим образом.

In the evening, fireside games, riddles, cards, and dancing took the place of the ordinary occupations of spinning and winding:

“Well, whad did’n ‘ee do, if theer wuz no dancing’! W’y, we played’n at turn-the-trancher an’ blind-man’s-buff till we wun tired, an’ then begun to tell ridlesses, an’ whad twix puzzlin’ to fine ‘em out, an’ then cryin’ the weds, we gotten to three o’clock i’ the mornin’” [67, № 15].

Среди обозначений предметов культового и культурного обихода особый интерес представляет лексема *cross*. Исследователи английского фольклора (M. Baker, J. Simpson, S. Roud) отмечают, что по народным представлениям крест является мощным средством защиты от злых сил и обеспечения благополучного окончания дел [56]. Этими свойствами и объясняется наличие знаков креста на столбах в доме, пороге, камне в камине, посуде, хлебобулочных изделиях. В

английской сказочной традиции сохранились случаи использования знака креста (например, лежащие крестообразно нож и вилка или ветки осины) с целью избавления от призраков (а) и наложения на них запрета общения с людьми (б).

a) Well, I set to work an' I bound they branches acrost an' acrost of her grave, I did. I fared to hear a sort of a whimperin' when I'd done, but I says: You ha' got to lar where you are now! [67, № 22].

b) ...she ollus afterwards crossed the knives and forks, to keep the ghost from telling what she had done [67, № 20].

В сказочных текстах упоминаются также каменные кресты, стоящие вдоль и на пересечении дорог. Согласно общепринятой точке зрения, они служили путешественникам и жителям деревень местом молитвы еще до появления приходских церквей, а также дорожными указательными столбами. В английских сказках, однако, у сооружений подобного рода в определенное время можно было встретить существ потустороннего мира [150, № 32; 67, № 1], что, вероятно, позволяет рассматривать их как локусы, соединяющие два мира.

Именования легендарных мест в сказочной картине мира организованы в оппозиции *свой vs чужой*. Данная оппозиция характеризуется обобщенным значением, и эксплицитную языковую репрезентацию в ней получают лишь правые, отрицательно маркированные члены (*fairyland, t' other place*). Маркеры «чужого» пространства формируют частную оппозицию *место вечного спасения vs место вечной гибели* (*heaven, good place vs hell, bad place, t' other place*), которую можно рассматривать как составляющую первой оппозиции. На форму языковой реализации частной оппозиции наложили отпечаток христианские воззрения народа, обусловившие распределение данных миров по вертикали. Следует отметить, что в семантике существительных данной ТГ и ЛЕ, принадлежащих к ЛСП «Естественно-географическая среда», сохраняются элементы народных представлений о структурных характеристиках Мироздания, мирах его составляющих, его горизонтальном и вертикальном членении.

Таким образом, большинство входящих в данное ЛСП существительных воссоздают картину английских народных праздников, обычаев и развлечений, репрезентируя такие важные для английского народа формы культуры, как народная музыка, музыкальные инструменты, танцы, игры, обычаи.

Совокупность абстрактных понятий, сложившихся у английского народа, репрезентирована ЛЕ разных частей речи, образующих ЛСП «Меры и деньги» и «Абстрактные понятия». Лексемы, входящие в состав первого ЛСП, характеризуют систему научных знаний английского народа, в частности, его пространственно-временные представления, метрическую и денежную системы, представления о количестве.

Представления о времени находят свое отражение в существительных, прилагательных и наречиях с темпоральным значением (185 ЛЕ). Сказочная картина мира содержит существительные, отражающие общепринятую систему исчисления времени: названия отрезков времени разной продолжительности (*hour, minute, century*); времен года (*winter, spring, summer-time, autumn*); дней

недели (Sunday, The Lord's Day (=Sunday), Monday, Wednesday); месяцев года (May, July, November); обозначения порядка следования отрезков времени (yesterday, tomorrow, back end). Группа названий частей суток составлена из ЛЕ – именовании светлой и темной половин суток (daytime, cockcrow, daylight, morn, midnight). Номинации переходных стадий от одной половины суток к другой создают оппозицию со значительным преобладанием лексем –обозначений сумерек (dawn, daybreak vs nightfall, dusk, twilight, gloaming, sunset), что объяснимо магическим характером свойств, приписываемых ночи.

Временная характеристика обозначаемого глаголом действия возможна через призму его соотнесенности с другим действием или отрезком времени в настоящем. Наречия времени, входящие в сказочную картину мира, обозначают факт предшествования действия определенному моменту или следования за ним (then, recently, first, after), одновременности (presently, nowadays). Характеризуемый отрезок времени может отличаться неопределенностью или, наоборот, известной конкретностью, что находит выражение в таких ЛЕ, как once, since, today, overnight, yesterday. Повторяемость действий или состояний обозначается как ЛЕ со значением многократного числа повторений (commonly, invariably, now and again, steadily), так и лексемами, передающими значение точного числа повторений (once, twice, thrice).

Анализ ЛЕ с темпоральным значением свидетельствует о хорошо сформированной системе представлений английского народа о времени, актуализированных в сказочной картине мира. Помимо обозначений общепринятой системы исчисления времени в языке английской народной сказки подробной номенклатурой отличаются именовании частей суток как наиболее доступной для непосредственного наблюдения единицы времени по сравнению с единицами большей продолжительности (месяцем, годом, веком). Темпоральные характеристики действия, как правило, отличаются неопределенностью, что проявляется в доминировании в языке сказки наречий со значением неопределенного времени и неопределенной частотности.

Система пространственных представлений нашла свое выражение в существительных, прилагательных и наречиях – обозначениях пространства, расстояния и взаимного расположения объектов (171 ЛЕ). Существительные в сказочной картине мира отражают наиболее обобщенные представления о пространстве и его пределах (course, direction, border, reach); представления о глубине, высоте, длине и ширине, центре и периферии (top, bottom, side, middle, depth).

Характеристика расстояния прилагательными и наречиями осуществляется в рамках противопоставленных пар *дальний vs ближний* (long, distant, far, afar vs close, nearest (= nearest), near, nearhand (= nearby)); *широкий vs узкий* (broad vs narrow); *глубокий vs мелкий* (deep, knee-deep, belt-high vs shoal). Прилагательные, характеризующие взаимное расположение предметов по отношению друг к другу, обозначают степень удаленности их друг от друга (lone, solitary, neighbouring, local); локализацию предмета по отношению к частям света (eastern, western, north); сторонам человеческого тела (left, right) и

по отношению к соседним предметам или их составным элементам. В последнем случае речь идет об обозначениях горизонтального (*back-turned, seaward, cross*) или вертикального (*upper, lower, bottom*) размещения объектов.

Направление движения характеризуется в языковой картине мира противопоставленными парами наречий со значениями *удаление vs приближение* (*thither, thitherward vs thence, hither*); *вперед vs назад* (*forward, forth vs backward, back*); *вверх vs вниз* (*heavenwards, uphill vs downstairs, down*); *по направлению к центру vs по направлению к внешней границе* (*homewards vs abroad*); *по часовой стрелке vs против часовой стрелки* (*widershins, contrary*), а также в соответствии со сторонами света (*east, west, north, south*).

Наречие *widdershins / widershins (withershins* – «диал. против движения солнца, против часовой стрелки (дурная примета)») обозначает в сказочных текстах способ передвижения, вследствие которого человек становится беззащитным перед мифологическими существами, находится в их власти и не имеет возможности вернуться в свой мир [153, № 21; 150, № 32]. Сходным символическим значением обладает в сказках и наречие *contrary (to run contrary)* [154, № 30].

Большинство прилагательных и наречий данной ТГ образуют базовую оппозицию *внутренний vs внешний*, коррелирующую с диадой *центр vs периферия*. В качестве ее правого члена могут функционировать ЛЕ со значением удаленности или изолированности в пространстве, локализации по отношению к частям света. Особое место среди них занимают сложные прилагательные, содержащие в своем составе лексему *back*. Очевидно, этимологически данный элемент, соотносимый с индоевропейским корнем **bhāk-* «в стороне, с другой стороны, на периферии» [165, с. 48], закреплён в мифологическом сознании с понятием «находящийся с наружной стороны границы», и, следовательно, относится к обозначениям периферийной области пространства.

Таким образом, пространственные представления закреплёны в сказочной картине мира в наборе лексем разных частей речи, организованных в систему оппозиций, воспроизводящих в языке структурные характеристики трехмерного пространства, базовыми из которых представляются противопоставления *внутренний vs внешний* и *центр vs периферия*.

Обозначения системы денежных единиц (26 ЛЕ) включают собирательные названия денег как важнейшего средства обращения (*money, cash*) и названия отдельных денежных знаков (*pound, piece, farthing, halfpenny*). Самой мелкой упоминаемой в сказках денежной единицей является фартинг, а самой крупной – соверен (золотая монета в один фунт стерлингов). В некоторых случаях прямое именование денежных единиц заменяется указанием на металл, из которого монеты отчеканены (*gold, gold piece, silver, silver-piece*).

Существующие метрические системы нашли слабое лексическое выражение в сказочной картине мира. Представления о длине и площади аккумулированы соответственно в обозначениях линейных мер (*inch, yard, foot*) и мер площади (*acre*). Меры жидкости представлены лексемами *pottle, peck,*

gallon, pint, а меры веса – ЛЕ hundred-weight, heavy, massive, leet / light.

Представления о количестве наилучшим образом репрезентированы в текстах сказок числительными (71 ЛЕ). Наиболее подробную номенклатуру в сказке получают числительные двух первых десятков, поскольку в сказочной картине мира отсутствуют лишь числительные thirteen и nineteen. Числительные первого десятка встечаются также в составе сложных существительных и прилагательных (one-eyed, sixpenny, twopence, four-horned), модифицируя их предметно-понятийное значение. Числительные, обозначающие сотни и тысячи, менее многочисленны (15,9 %) и кроме точного количества могут характеризоваться значением неопределенного большого количества, выполняя в сказке функцию усилителей экспрессивности содержания.

a) There's ma owd woman grummles if shoo's to come for ma to t' Horse and Jockey, and that's half a mile from my house. And mebbe tha's comed for me five thousand mile [67, № 27].

b) Had you a hundred thousand lives / Ye couldn't spare any a one [153, № 21].

В сказочных текстах отмечено употребление числительных, сохранивших свое функциональное назначение исключительно в отдельных подъязыках (например, профессиональном языке йоркширских пастухов):

As I munched, I caught the sound of a moorland shepherd counting his sheep in the time-honoured Yorkshire way,

“Yain, tain, eddero, peddero, pitts, tayter, later, overro, coverro, dix, yain-dix, tain-dix, eddero-dix, peddero-dix, bumfit, yain-o-bumfit, tain-o-bumfit, eddero-bumfit, peddero-bumfit, jiggit” [67, № 28].

Числительные помимо категориального значения могут обладать значением мифопоэтическим, в связи с чем представляется логичным уделить внимание особенностям проявления мифологической символики чисел в сказочных текстах.

Числительное two может усиливать мифологическую символику определяемого существительного за счет ослабления собственного индивидуального значения: у мифологических персонажей может быть две головы, и, следовательно, они обладают огромной магической силой [153, № 19, 23]. В подобных контекстах числительное two становится изофункциональным количественным числительным three и four, также служащим целям многократного усиления присущих персонажу свойств: three heads, four horns, four-horned [153, № 19, 23; 154, № 8].

Числительное three характеризуется наиболее четко выраженной мифологической атрибутикой. Обозначение магической силы и свойств, заключенных в символическом значении числа «три», имплицативно представлено в троичности желаний, исполнение которых обещано [150, № 22; 67, № 3]; выполняемых действий и трудных задач, решаемых героем [153, № 3, 11, 21, 33, 37; 150, № 29, 30, 40; 154, № 4, 22, 32, 34; 67, № 3]; временных отрезков [153, № 17; 150, № 3, 5; 154, № 11, 38]; предметов, получаемых в дар [153, № 3; 150, № 7; 154, № 6, 39]; существ «иного» мира [153, № 17; 154, № 4,

22].

Числительное *seven* используется в сказках, в основном, для обозначения хронологических отрезков, чаще лет [153, № 7, 29; 150, № 5, 7, 18, 21, 32, 42; 154, № 1, 6, 11, 33; 67, № 10]. Мифологическая символика отмечена также в обозначениях характеристик пространства (“Yonder is a lake seven miles long, seven miles broad, and seven miles deep”) [154, № 18] и, реже, точного количества объектов (“seven of the most beautiful steeds ever seen”) [153, № 19, 33; 154, № 1, 18]. Идентичным по своему символическому значению в сказочных текстах представляется числительное *nine*, которое также преимущественно маркирует отрезки времени (“once in nine years, some of his descendants find a grave in the sea”) [154, № 1, 4; 67, № 3] и в отдельных случаях в тождественных числу «семь» контекстах точное количество (“the milk that the nine kye of the byre had yielded”) [150, № 42].

Мифологическое значение числительного *twelve* реализуется в контекстах, передающих наступление магического времени суток – полночи [153, № 37; 150, № 13; 67, № 17, 23, 25]. Наряду с лексемой *twelve* в сказочных текстах встречаются числительное *eleven*, сигнализирующее приближение полуночи [67, № 30], и существительное *midnight*. В отдельных случаях число «двенадцать» служит для обозначения отрезков времени равных году (“for a twelvemonths and a day”, “for twelve months and a day”) [154, № 39].

С целью усиления символического значения числительных *three*, *seven*, *nine*, *twelve* наблюдается их повторное использование в узком контексте (*three times three*, *nine times nine*, *seven years and seven days*); использование в сочетании с существительным *day*, неопределенный артикль которого сохраняет остаточное значение «один» (*seven years and a day*, *twelve months and a day*) или наречием *twice* (*twice seven years*).

Особым возрастом героев в сказке является период достижения ими биологического созревания, выражаемый числительными *fifteen* и *sixteen*. Именно в этот период сказочные герои по разным причинам покидают родной дом, преодолевая на своем пути препятствия, встречаясь с мифологическими персонажами или меняя свой внешний облик [153, № 35; 154, № 16, 22; 67, № 6]. Возможно, в данном случае сохранились относительно точные указания возраста человека, по достижении которого он подвергался особому обряду, приводившему, в конечном итоге, к изменению его социального статуса, делавшего его полноценным членом общества.

Таким образом, наиболее ярко выраженной мифологической символикой обладают числительные первого и второго десятков, которые распространяют ее на обозначения отрезков времени, пространства, совокупности действий, событий или объектов. Числительные, обозначающие более крупные совокупности, используются в своем узуальном значении.

Обозначения совокупности единичных объектов и мер вещества (95 ЛЕ) включают в свой состав существительные, обозначающие неопределенное множество или некоторое количество (*number*, *variety*, *bit*, *plenty*); определенное количество (*pair*, *twain*, *score*, *brace*); отношения «часть – целое» (*drop*, *slice*, *part*,

whole) и форму существования вещества или материала (loaf, batch, link). Прилагательные и глаголы, принадлежащие к данной ТГ (47 ЛЕ), передают значения целого (separate, single, whole); избыточного количества (many, plentiful, a-brim, ample, overrun, swarm); недостаточного количества (few, scant, poor) и изменения количественных параметров в сторону их увеличения или уменьшения (increase, multiply, double vs lessen, decrease).

Ярким символическим значением, связанным с мифопоэтическим мировидением, обладает существительное half, олицетворяя «божественный оберег» [165, с. 160]. Данный факт объясняет предложение выбрать в дорогу половину испеченного хлеба с благословением или весь хлеб с проклятием, которое мать героя сказки делает сыну накануне его отлучки из дома (“yet small as it was, his mother asked him if he was willing to take the half of it with her blessing, telling him that, if he chose rather to take the whole, he would only get it with her curse” [153, № 23]). В случае правильного выбора магическая сила хлеба как оберега усиливается понятием половины и воздействием слова. Близкой мифологической символикой в идентичном сказочном контексте может выступать прилагательное small, соотносясь с понятием половины (“Then she asked him if he would rather take a small cake with her blessing to eat on his journey, or a large cake with her curse?” [154, № 4]). Соответственно, лексему big, характеризующуюся негативной мифологической символикой, можно рассматривать в данном контексте как контекстуальный синоним ЛЕ whole.

Итак, обозначения количественных параметров отличаются в сказочной картине мира разнообразной номенклатурой. Значение точного количества передается числительными и, в меньшей степени, существительными. Для обозначения неопределенного множества, достаточного или недостаточного количества в сказке используются существительные, прилагательные и глаголы. Существование в сказочной картине мира таких ЛЕ, как mouthful, bucketful, handful, свидетельствует о хорошо развитой общепринятой системы условных единиц измерения вещества.

Среди обозначений разнообразных физических свойств предметов объективной действительности особое место в картине мира английской сказки занимают номинации цветовых характеристик предметов (39 ЛЕ). Лексемы данной ТГ передают как однотонные цветообозначения (grey, green, red), так и сочетания цветов (spotted, piebald, parti-coloured). Обозначения цвета могут варьировать в зависимости от силы тона цветовой гаммы (coal-black, blood-red, faint green, blond).

В целом можно выделить следующие основные цвета, актуализированные прилагательными в сказочной картине мира: red, yellow, green, white, grey, black, brown, blue, среди которых наиболее детальную лексическую репрезентацию получили первые четыре цвета. Сохранение в семантике ЛЕ brown, red, yellow и gold единого признака, положенного в основу номинации, подтверждается данными этимологических словарей. Ранее уже отмечался факт происхождения ЛЕ gold и yellow от единой и.-е. основы *ghel- со значением «желтый». Одним из значений ЛЕ brown в древне- и среднеанглийском было *shining, glistening*

[97, с. 81]. Семантическая корреляция ЛЕ *red* и *gold* наблюдается в том, что в языках древнегерманских племен часто при описании цвета золота использовали эпитет *red* [97, с. 258]. Соответственно, оттенки коричневого (*brown, brownny*), красного (*red, blood-red, rose-red, rose*) и желтого (*amber-coloured, sand-coloured, yellow-silk*) цветов, к которым относится и цвет золота (*gold, golden, golden-coloured*), характеризуются единством мифологического значения, соотносимого с мифологической символикой яркого света, огня как воплощения потустороннего мира. В силу этого в языковой картине мира английской сказки перечисленные цветообозначения коррелируют с названиями предметов или жителей потустороннего мира (*golden hair / garter, ruddy and golden and glinting (about the castle), yellow silken hair, yellow-silk hair, red / rose-red shoes, brown sand-swallows, flaming wings, amber-coloured hair, burning / flaming wings*) [153, № 9, 15, 43; 150, № 3, 6, 23, 28, 32; 154, № 1, 5, 6, 14, 29, 30, 38, 41; 67, № 3, 9, 10, 18, 30].

Зеленый цвет, как отмечает М.М. Маковский, берет начало из красного цвета [165, с. 156]. И.Б. Лутовинова объясняет связь зеленого цвета с огнем и светом неспособностью древнего человека к четкому цветоразличению, что привело, в конечном счете, к слиянию в сознании людей зеленого цвета со значениями «светлый», «блестящий», «золотой» [162, с. 82]. Неспособностью различать желтый и зеленый цвета объясняется, на наш взгляд, и сосуществование значений *yellow* и *green* у и.-е. основ **ghel-*, **ghol-* [97, с. 581]. Сказочные материалы подтверждают наличие у прилагательных, обозначающих оттенки зеленого (*green, sea-green, greenish, faint green*), дополнительных сем «обладающий магическими свойствами», «принадлежащий потустороннему миру» (*a green robe, sea-green eyes, green eyes, a green mantle, a green forest / wood*) [153, № 21, 37; 150, № 1, 32; 67, № 3, 10].

Особенности функционирования в сказочных текстах прилагательных со значением «белый» (*white, milk-white, lily*) свидетельствуют о наличии особого мифопоэтического значения в их семантической структуре. Данные лексемы в сочетании с соответствующими существительными (*steed, bird*) в определенных контекстах (движение по водному пути, в кавалькаде эльфов, полеты в образе птицы) символизируют состояние перехода, который претерпевают герои сказок, своего рода, пограничное состояние, предполагающее через смерть новое рождение (*a milk-white swan / steed, white roses / dress / bird / wings*) [153, № 3, 9; 150, № 32].

Несмотря на относительно однообразную лексическую представительность в языке сказки (*black, coal-black*), черный цвет несет огромное символическое значение, встречаясь в сочетании с существительными *thing, horse, steed, book, dog, venom*, которые контекстуально соотносимы с миром сверхъестественных существ [153, № 1, 15, 40; 150, № 5, 23, 31, 32; 154, № 41]. Ряд исследователей возводит этимологию прилагательного *black* к и.-е. корню **bhleg-* со значением *burn*, которое сохраняется в лат. *flagrāre* и гр. *phlégein* [97, с. 65], что позволяет рассматривать данное прилагательное и его производные (*coal-black*) как контекстуальные синонимы лексем *yellow, red,*

gold, silvery, green.

Анализ семантики и особенностей функционирования цветообозначений в сказочных текстах дает основание говорить о значимости для народного сознания цветовых характеристик, лежащих в основе идентификации предметов действительности. Номинации основных цветов спектра и их оттенков обладают сходным мифологическим значением, обусловленным их внутренней формой, ассоциативными связями с другими цветообозначениями и символическим значением сочетающихся с ними существительных.

В состав ЛСП «Абстрактные понятия» входят ЛЕ, характеризующие наиболее отвлеченные понятия (философско-религиозные, логические, эстетические, нравственные понятия и категории), существовавшие в сознании английского народа.

Основные философские понятия (63 ЛЕ) представлены в языке сказки обозначениями таких понятий, как «смысл, значение» (*burden, contents*), «факт» (*proof, fact*), «способ» (*mode*), «цель» (*aim*), «условие» (*term, condition*). Отдельные ЛЕ, обозначающие базовые философские понятия и категории, организованы в бинарные оппозиции *причина vs следствие, результат* (*purpose, cause vs result*) и *сходство vs отличие* (*proximity, semblance, picture / picture vs difference*). Языковую репрезентацию получают члены эстетической категории *прекрасное vs безобразное* (*harmony, beauty vs ugliness*). Народные представления о нравственности воплощены в лексемах, эксплицирующих следующие понятия и оппозиции: «полезность, благо» (*use*), *добро vs зло* (*good vs ill, evil, harm, lumber / lumberment*), *правда vs ложь* (*truth*). В последнем случае языковое выражение получило лишь понятие правды.

Философско-религиозные взгляды реализованы в ЛЕ со значениями «судьба» (*lot, doom, portion*), «случайность, непредвиденный случай» (*chance, opportunity, suddenness*), «чудо» (*wonder, marvel*), «тайна» (*secret, mystery*). Вариативное обозначение в языке сказки получают члены оппозиции *удача vs неудача* (*luck, good luck, god-sent, god-speed, good fortune, success vs bad luck, ill-luck, mischance, ill chance, evil fortune, ill success*), что свидетельствует о значимости данных понятий в мировоззрении древнего человека.

Сказочная картина мира содержит ЛЕ, передающие значение опредмеченного признака; характеризующие отвлеченные признаки действия, качества или предмета, а также отношения между предметами, явлениями и понятиями. Наибольший интерес среди них вызывают обозначения степени выраженности свойства предмета, действия или качества (120 ЛЕ) и способа выполнения действия (179 ЛЕ).

Степень интенсивности выражения качеств и свойств объекта или понятия, обозначаемых именами прилагательными, в сказочной картине мира варьирует. В ходе анализа отмечены ЛЕ со значением слабой (*slight (shudder)*); умеренной (*genial (warmth)*); высокой (*glorious (sun)*) и максимальной (*prime (beef), superior (castle), prodigious (treasure)*) степеней выраженного признака. Прилагательные, предающие значения высокой и максимальной степеней концентрации признака, доминируют, составляя 75 % от общего количества

лексем группы. В текстах, как правило, наблюдается детализация таких качеств, как насыщенность цвета (shiny, shining, deep, brilliant-bright); интенсивность и сила проявления (violent, hearty, weighty, sound).

Степень выраженности признака действия или качества, актуализированная наречиями сказочных текстов, варьирует от низкой (a bit) до чрезмерной (utterly, greatly, exceedingly). В сказочной картине мира наличествует также наречия высокой (madly, mighty), умеренной (pretty, fairly), приблизительной (nearly, near-hand), оптимальной (enough), недостаточной (half, scarce, barely) и неопределенной (aught) степеней. В сказке наблюдается тенденция к интенсификации проявления качества или действия, что находит отражение в количественном превосходстве ЛЕ со значениями чрезмерной и высокой степеней (61,1 %) над остальными ЛЕ данной группы.

Способ выполнения действия в сказочном языке описывается с разных точек зрения. В сказке отмечено употребление наречий со значением темповых (speedily, nimbly vs slowly), физических (firmly, strongly), темпоральных (sharp, beforehand, precisely), акустических (kerflop vs noiselessly) характеристик действия. В ряде случаев в семантике наречий наблюдается лишь указание на способ, с помощью которого действие производится (so, thus vs somehow, anyhow vs how / no-how). Номинация способа выполнения действия может отражать также эмоциональное (heartily, fearfully) и физическое (breathlessly) состояния субъекта действия; особенности его волевой (willingly, deliberately vs unwillingly), нравственной (piously, guiltily) и интеллектуальной (thoughtfully vs unthinkingly) сфер.

Таким образом, отвлеченные понятия, закрепленные в языке сказки, представляют собой базовые эстетические, нравственные, философско-религиозные понятия и категории, регулирующие отношения между людьми, определяющие способ отношения человека к себе и окружающему миру, детерминирующие характер оценки происходящих событий, собственных и чужих поступков. Абстрактность мышления проявляется также в употреблении в сказочных текстах ЛЕ со значением опредмеченного признака, степени выраженности признака предмета и действия и способа протекания действия.

Вывод по второй главе

1. В основе номинации отдельных лиц и групп лиц лежат социальные характеристики человека, сфера его профессиональной активности. В качестве определяющих признаков номинации животных и мифологических персонажей выступают признаки биологического характера: возрастные характеристики, особенности внешнего вида и поведения. Биологические признаки сказочных героев эксплицированы в обозначениях частей тела, эмоционального состояния, интеллектуальных свойств и физической активности. Социальная составляющая, в большей степени характеризующая человека, репрезентирована в сказочных текстах посредством обозначений видов речевой деятельности, личностных качеств, областей межличностных отношений и

определяемых ими способов взаимодействия.

2. Особенности уклада жизни английского народа получают в языке сказки детальную репрезентацию посредством именований видов построек и особенностей их интерьера, предметов одежды, продуктов питания и напитков, что объясняется наличием у человека базовых потребностей в жилье, пище и одежде. Наиболее значимыми сферами профессиональной деятельности являются крестьянский труд, занятия ремеслом и военное дело, представленные в сказочной картине мира номинациями трудовых действий, приспособлений, инструментов, используемых в трудовой деятельности материалов и продуктов труда.

3. В картине мира английской сказки аккумулярованы названия участков суши и водных пространств, в разной степени претерпевших воздействие человека, природно-климатических условий, полезных ископаемых, диких и искусственно культивируемых растений. Вариативность названий каждой группы объектов напрямую зависит от характера их влияния на условия жизни английского этноса, их роли в хозяйственной деятельности человека и степени их освоения человеком.

4. Характеристика английского народа как единой этнической группы достигается благодаря наличию в сказочных текстах лексических единиц, воспроизводящих четкую систему территориально-административного деления государства, с одной стороны, и репрезентирующих основные формы культуры (музыку, танцы, игры, праздники, ритуальные действия, верования), с другой.

5. Система научных знаний английского народа находит отражение в языке сказки в совокупности номинаций единиц времени и пространства, метрической и денежной систем, обозначений количества, в лексической экспликации структурно организованных логических, этических, эстетических, философско-религиозных понятий и представлений, детерминирующих систему ценностей и правил поведения человека в обществе.

6. Несмотря на различное предметно-понятийное значение, лексические единицы, обладающие тождественной мифологической семантикой, находятся в сказочной картине мира в синонимических отношениях. Характер их символического значения обусловлен архаическими воззрениями людей на мироустройство и универсальные законы существования человека, проявлявшимися в форме аграрных, тотемистических культов, культов мертвых и связанных с ними правил, разрешениях и запретах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе анализа структурных и содержательных характеристик сказочной картины мира выделены шесть областей внеязыковой действительности, получивших разную степень репрезентации в языке сказки: 1. Биологическая и социальная природа человека, животных и мифологических персонажей; 2. Хозяйственная деятельность человека; 3. Уклад жизни; 4. Естественно-географическая среда; 5. Этническая самоидентификация английского народа; 6. Система научных знаний о мире и абстрактных понятий. Каждая область характеризуется несколькими параметрами языковой картины мира, поскольку актуализирована ЛЕ, которые принадлежат к разным частям речи.

Наиболее детальное описание в языке сказки как с точки зрения биологического строения, так и социального характера существования получает человек. Языковая характеристика социальной природы животных и мифологических существ, обладающих отдельными антропоморфическими чертами (речью, тождественными эмоциональной и интеллектуальной сферами, характером межличностных отношений, социальной иерархией и организацией общественного устройства), отличается в сказочной картине мира большим схематизмом.

Лексика, обозначающая биологическую природу сказочных героев, организована в бинарные оппозиции *жизнь vs смерть*, *бодрствование vs сон*, *здоровье vs болезнь*. Об активной позиции героев сказки, во многом обусловленной их физической активностью, свидетельствуют разнообразные именованья действий, предполагающих преобразующее или непреобразующее воздействие на предмет, и способов перемещения в пространстве.

В языковой картине мира достаточно подробно вербализованы интеллектуальная и эмоциональная сферы личности. Детализированное обозначение глаголами активной мыслительной деятельности персонажей сочетается в сказочных текстах с употреблением многочисленных прилагательных со значением отсутствия или недостаточного развития умственных способностей, которые служат одним из способов образной характеристики героев. В сказочной картине мира идентификация эмоционального состояния персонажей достигается, в основном, посредством номинаций негативных эмоциональных переживаний, к

которым относятся состояния страха, испуга, гнева, ярости, презрения, злобы, тревоги, вины, стыда и одиночества.

Социальная активность героев сказки проявляется, прежде всего, в характере взаимоотношений между ними, детерминированном ведущими способами межличностного воздействия (физическим, информационным и эмоциональным). Физический и эмоциональный виды воздействия получают языковое воплощение в названиях повреждений разной степени тяжести и действий, направленных на разрушение положительного эмоционального настроя личности. Основные способы информационного воздействия реализуются в обозначениях таких коммуникативных задач, как передача сообщения, убеждение, выражение просьб, приказов, обещаний, клятв.

Для сказочной картины мира свойственно преобладание номинаций отдельных лиц над именованиями групп или множеств лиц. В качестве основополагающих признаков номинации выступают сфера профессиональной деятельности лица, его социальный статус, индивидуализирующие его качества и способности. Большинство обозначений отдельных лиц составляют оппозицию *мужской vs женский*, асимметрия которой проявляется в доминировании номинаций лиц мужского пола. В основе разнообразных способов именований животных и сверхъестественных существ лежат их биологические характеристики: особенности внешнего облика, особенности поведения и функциональные характеристики.

Второй сектор внеязыковой действительности – повседневная бытовая и хозяйственная деятельность человека – эксплицирован в языковой картине мира английской сказки преимущественно существительными и глаголами. Значительное место в ней отводится обозначениям видов занятий ремесленников и работников-профессионалов, крестьян и военных лиц. В этой связи объяснима детальная словесная репрезентация в сказке приспособлений и инструментов, используемых в повседневном труде крестьянами и ремесленниками, а также собирательных названий оружия и его отдельных видов.

Отношения социума и природы, мира, искусственно созданного человеком, и естественной среды его обитания находят наиболее яркое языковой воплощение в обозначениях именами нарицательными и собственными административного членения занимаемой нацией территории и непосредственных составляющих уклада жизни англичанина (жилых и хозяйственных построек; предметов домашнего обихода и кухонной утвари; традиционных предметов одежды и основных продуктов питания), с одной стороны, и объектов физической географии, в основном, расположенных на суше, природно-климатических явлений и мира флоры, с другой.

Особым образом осуществляется в сказочной картине мира этническая самоидентификация английского народа. Помимо обозначений системы территориально-административной организации государства, в сказочной картине мира в рамках оппозиции *свой vs чужой* присутствуют номинации

своих и чужих общностей и групп на основе религиозных взглядов и ценностей, местожительства и принадлежности к определенному этносу (субэтносу).

Система научных знаний английского народа включает в себя, прежде всего, языковую характеристику метрической системы (обозначений линейных мер, мер площади, жидкости и веса) и пространственно-временных представлений. Представления о времени актуализированы преимущественно наречиями и существительными, которые обозначают отрезки времени различной (определенной и неопределенной) продолжительности, отличающиеся порядком следования друг за другом (времена года, месяцы, дни недели). Наиболее детальную языковую репрезентацию в сказочной картине мира получают единицы времени, доступные непосредственному наблюдению (сутки).

Языковая характеристика пространства осуществляется в двух плоскостях: горизонтальной и вертикальной, - в каждой из которых ЛЕ организованы в соотносимые между собой базовые оппозиции *свой vs чужой*, *внутренний vs внешний*, *центр vs периферия*. Частное описание пространства реализуется посредством идентификации места локализации объекта или направления движения и обозначается, в основном, прилагательными и наречиями. Горизонтальная градация пространства отражена в бинарных противопоставлениях *внутри vs снаружи*, *далеко vs близко*, *удаление vs приближение*, *вперед vs назад*, *по направлению к центру vs по направлению к внешней границе*, определяющих структурные характеристики сказочной картины мира, а также в соответствии со сторонами света. Вертикальная стратификация пространства реализуется в семантике ЛЕ, организованных в оппозиции *верх vs низ*, *высокий vs низкий*.

Система абстрактных понятий репрезентирована совокупностью обозначений эстетических, этических, философско-религиозных понятий и категорий; номинациями опредмеченных признаков, отвлеченных признаков действия, качества или предмета, а также разнообразных отношений между предметами, явлениями и понятиями.

Отдельные ЛЕ отличаются ярко выраженным национально-культурным компонентом значения и в той или иной степени характеризуют все перечисленные ареалы внеязыковой действительности (способы номинации лиц, особенности уклада жизни, особенности государственного устройства и территориального деления) и обозначают предметы и явления, принадлежащим к разным хронологическим периодам.

Единицы лексического уровня, характеризующиеся мифологической семантикой, в большинстве случаев относятся к классу существительных (нарицательных и собственных). Данный факт объясняется, прежде всего, принципиальным свойством существительного называть предметы и явления внешнего мира, непосредственно воспринимаемые различными органами чувств. Не являясь синонимами по своему денотативно-сигнификативному значению, ЛЕ,

обладающие мифологическим значением, в тождественных контекстах становятся изофункциональными по своей мифологической символике, т.е. находятся в синонимических отношениях.

Прилагательные и глаголы также характеризуются в сказочной картине мира символическим значением, которое в ряде случаев непосредственным образом соотносится с мифологическим значением определяемого существительного (*squinty eyes*); существительного, связанного с ними деривационными (*head – two-headed*) или логическими отношениями (*eye – blind, to blind; food – to bite, to scoff, etc.*), а также выводится из символики отдельных обрядовых действий, лежащих в основе сказочных действий.

Мифологическая лексика отражает в сказочной картине мира те предметы и явления с присущими им качествами, которые, относясь ко всем областям внешнего мира, по древнейшим народным представлениям, обладали особыми магическими свойствами. К числу таких объектов и их признаков принадлежат части тела, элементы построек, виды хозяйственных построек, предметы домашнего обихода, одежда, продукты питания, объекты рельефа, растения и животные, металлы и драгоценные камни, системы цветообозначений и чисел, величина, протяженность, оптические, акустические и обонятельные характеристики объектов, положение в пространстве, направление движения.

Комплекс мифологических представлений, аккумулированных в лексиконе английской народной сказки, обусловлен особенностями архаического мышления, проявляющимися в наделении слова (произнесенного или начертанного) сакральными свойствами; перенесении свойств целого на его составные части; анимистических и тотемистических верованиях, которые нашли отражение в антропонимическом воплощении сил природы, культе поклонения деревьям, аграрном культе и связанном с ними культе поклонения ночному светилу, культе предков и которые воплотились в целом ряде ритуальных действий и запретов (обряде посвящения, брачных ритуалах и табу, табу на личные имена).

Выявление и анализ мифологической символики ЛЕ в сказочной картине мира, осуществленные в данной работе, стали возможными благодаря обращению к иным жанрам устного народного творчества (балладам, легендам, приметам), а также к результатам исследований по этнографии, фольклористике, лингвофольклористике, этнолингвистике, этимологии, проведенных на материале германских и славянских языков.

Полученные результаты исследования и сделанные выводы могут быть использованы при изучении языковой картины мира, заключенной в произведениях других фольклорных жанров. Перспективным представляется сравнительно-сопоставительный анализ совокупности представлений о мире, аккумулированных в лексико-фразеологическом составе сказок других народов, населяющих Британские острова, с целью выявления их основных черт сходства и различия, обуславливающих национально-культурную специфику каждой из картин мира.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира / Ин-т славяноведения и балканистики. Отв. ред. В.Н. Топоров. – М.: Наука, 1990. – 207 с.
2. Маковский М.М. «Картина мира» и миры образов (лингвокультурологические этюды) // Вопросы языкознания. 1992. - № 6. – С. 36 – 53.
3. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции (опыт этнолингвистического исследования): Автореф. дис. . д-ра филол. наук. – М., 1998а. – 31 с.
4. Иванов Вяч. Вс. Нечет и чет. Асимметрия мозга и динамика знаковых систем. В кн.: Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. – М.: Школа русской культуры, 1998а. – С. 381 – 603.
5. Толстой Н.И. Этногенетический аспект исследований древней славянской духовной культуры. В кн.: Толстой Н.И. Избранные труды. Очерки по славянскому языкознанию. – М.: Языки русской культуры. – Т. 3. – 1999а. – С. 31 – 39.
6. Гура А.В. Демонологические свойства животных в славянских мифологических представлениях // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. – М.: Изд-во «Индрик», 2000. – С. 303 – 313.
7. Усачева В.В. Мифологические представления славян о происхождении растений // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. – М.: Изд-во «Индрик», 2000. – С. 259 – 302.
8. Карпова Е.А. Древнеанглийская пространственная лексика как отражение древнеанглийской поэтической модели мира (опыт лингвокультурологического анализа): Автореф. дис. канд. филол. наук. – Иваново, 2002. – 19 с.
9. Топорова Т.В. Древнегерманские представления об ином мире // Представления о смерти и локализация Иного мира у древних кельтов и германцев / Отв. ред. Т.А. Михайлова. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С. 340 – 433.
10. Павленко А.Н. Лингвистическое пространственно-временное состояние в картине мира носителей современного немецкого языка: Автореф. дис. . канд. филол. наук. – Белгород, 2003. – 19 с.
11. Павлюченкова Т.А. Прилагательные со значением цвета в языке русских былин: Автореф. дис. . канд. филол. наук. – М., 1984. – 15 с.
12. Никулина Т.Е. Цветовые прилагательные в языке различных жанров русского фольклора: Автореф. дис. . канд. филол. наук. – М., 1989. – 16 с.

13. Гуляев Ю.А. Лексика английских народных песен // Семантические корреляции на лексическом и синтаксическом уровнях: Межвуз. сб. науч. трудов. – Саранск: Мордовск. ГУ, 1990. – С. 39 – 44.
14. Петренко О.А., Хроленко А.Т. Орнитонимы в песенном фольклоре русского и английского этносов // Этническое и языковое самосознание: Материалы конференции (Москва, 13-15 декабря 1995 г.). – М.: Ин-т народов России, 1995. – С. 117 – 118.
15. Петренко О.А. Народно-поэтическая лексика в этническом аспекте (на материале русского и английского фольклора): Дис. . канд. филол. наук. – Курск, 1996а. – 158 с.
16. Гулянков Е.В. Этническое своеобразие русской народно-песенной лексики (в сопоставлении с лексикой французских народных песен): Дис. . канд. филол. наук. – Курск, 2000. – 255 с.
17. Соборная И.С. Этнокультурные особенности сказочного дискурса: лингвориторический аспект (на материале русских, польских и немецких сказок): Автореф. . дис. канд. филол. наук. – Сочи, 2004. – 19 с.
18. Петрова И.А. Парадигматические отношения имен собственных и способы ономастической номинации героев в фольклорном тексте: Автореф. дис. . канд. филол. наук. – Волгоград, 2001. – 16 с.
19. Филиппова Е.В. «Дом» как фрагмент фольклорной картины мира (на материале английских и русских народных баллад): Дис. . канд. филол. наук. – Саратов, 2001. – 191 с.
20. Комлева Г.А. Пространственно-временные представления русской народной волшебной сказки в аспекте эволюции: Автореф. дис. . канд. филол. наук. – СПб., 1997. – 19с.
21. Тройская О.Н. Языковая картина мира немецкой народной сказки: Дис. . д-ра филол. наук. – СПб, 1998а. – 440 с.
22. Воронцова Т.И. Картина мира в тексте английской баллады (когнитивная основа и языковая репрезентация): Автореф. дис. . д-ра филол. наук. – СПб, 2003. – 35 с.
23. Толстая С.М. К проблеме комплексного изучения фольклора // Фольклор: Песенное наследие. – М.: Наука, 1991. С. 31 – 33.
24. Белик А.А. Культурология. Антропологические теории культур. – М.: Российский гос. гуманитар. ун-т, 1998. – 241 с.
25. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
26. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации / Под ред. А.П. Садохина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 352 с.
27. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 624 с.

28. Смирнов Ю.И. Язык, фольклор и культура // Язык культура – этнос / Арутюнов С.А., Багдасаров А.Р., Белоусов В.Н. и др. – М.: Наука, 1994. – С. 99 – 104.
29. Dundes A. What is Folklore? // Alan Dundes The Study of Folklore. – Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, Inc., 1965a. P. 1 – 3.
30. Dundes A. The American Concept of Folklore // Analytic Essays in Folklore. – the Hague Paris: Mouton, 1975. – P. 3 – 16.
31. Evans I.H. Brewer's Dictionary of Phrase and Fable. – New York: Harper Collins Publisher, 1989. – 1220 p.
32. Beckson K., Ganz A. Literary Terms: A Dictionary. – New York: The Noonday Press, 1994. – 308 p.
33. The Oxford Dictionary of Phrase and Fable / Ed. by Elizabeth Knowles. – Oxford: Oxford University Press, 2000. 1223 p.
34. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН.; Российский фонд культуры. 3-е изд., стереотип. – М.: АЗЪ, 1996. – 928 с.
35. Cuddon J.A. A Dictionary of Literary Terms and Literary Theory. – Cambridge: Basil Blackwell Inc., 1993. 1051 p.
36. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. – Т. 2: П – Я. – 1088 с. – (Б-ка словарей рус. яз.)
37. Уртминцева М.Г. Словарь русской литературы. – Нижний Новгород: «Три богатыря» и «Братья славяне», 1997. – 560 с.
38. Utley F.L. Folk Literature: An Operational Definition // Alan Dundes The Study of Folklore. – Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, Inc., 1965. – P. 7 – 24.
39. Holman H.C. A Handbook to Literature. – Indianapolis: Bobbs – Merrill Educational Publishing, 1980. – 537 p.
40. Holman H.C., Harmon W. A Handbook to Literature. – New York: Macmillan Publishing Company, 1992. – 615 p.
41. Dorson R.M. American Folklore. – Chicago – London: The University of Chicago, 1977. – 338 p.
42. Кравцов Н.И. Славянский фольклор. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 262 с.
43. Померанцева Э.В. О русском фольклоре. – М.: Наука, 1977. – 119 с.
44. Пропп В.Я. О фольклоре и фольклористике // Фольклор. Литература. История. – М.: Лабиринт, 2002а. – С. 172 – 188.
45. Bascom W.R. Four Functions of Folklore // Alan Dundes The Study of Folklore. – Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, Inc., 1965. – P. 279 – 298.
46. Кольцова И.Н. Социокультурные функции сказки: Дис. . канд. культурол. наук. – Нижний Новгород, 2000. – 203 с.
47. Зубко Г.В. Миф в мировосприятии человека и в духовной культуре человечества // Мир психологии. 2003. – № 3. – С. 24 – 42.
48. Филиппов Ю.В., Кольцова И.Н. Сказка в процессе социализации детей (сказочные и мифологические персонажи и ситуации в воспитательном

- процессе и структура его организации) // Мир психологии. 2003. – № 3. – С. 160 – 174.
49. Degh L. *American Folklore and the Mass Media*. – Bloomington – Indianapolis: Indiana University Press, 1994. – 218 p.
50. Венгранович М.А. Фольклорный текст и мифологическое сознание // Вопросы филологии. 2002. – № 2. – С. 77 – 85.
51. Аникин В.П. Теория фольклора. Курс лекций. 2-е изд., доп. – М.: КДУ, 2004. – 432 с.
52. The New Encyclopaedia Britannica: Электронная энциклопедия. АBBYY, 2003.
53. The Encyclopedia Americana. – Danbury, Connecticut: Grolier Inc., 1999. – Vol. 11. – 857 p.
54. Пропп В.Я. Русская сказка. – М.: Лабиринт, 2000. – 416 с.
55. Словарь литературоведческих терминов / Под ред. Л.И. Тимофеева и С.В. Тураева. – М.: Просвещение, 1974. – 509 с.
56. Simpson J., Roud S. *A Dictionary of English Folklore*. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 412 p.
57. Мелетинский Е.М. Миф и историческая поэтика фольклора // Фольклор: поэтическая система. – М., 1977. – <http://www.ruthenia.ru/folklore/meletinsky4.htm>
58. Боров Ю.Б. Эстетика. В 2-х т. 5-е изд., допол. – Смоленск: Русич. – Т. 2. – 1976. – 640 с.
59. Мелетинский Е.М. Первобытные истоки словесного искусства В кн.: Мелетинский Е.М. Избранные статьи. Воспоминания / Отв. ред. Е.С. Новик. – М.: РГГУ, 1998б. – С. 52 – 110.
60. Мелетинский Е.М. Сказка-анекдот в системе фольклорных жанров В кн.: Мелетинский Е.М. Избранные статьи. Воспоминания / Отв. ред. Е.С. Новик. – М.: РГГУ, 1998в. – С. 318 – 333.
61. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М.: Восточная литература, 2000. – 407 с.
62. Пашинина Д.П. Миф как основание и феномен культуры (миф – совокупность базисных бессознательных, коллективных представлений) // Мир психологии. 2003. – № 3. – С. 57 – 62.
63. Lüthi M. *Aspects of the Marchen and the Legend // Folklore Genres / Ed. by Dan Ben-Amos*. – Austin & London: University of Texas Press, 1976. – P. 17 – 34.
64. Пропп В.Я. Поэтика фольклора. – М.: Лабиринт, 1998. – 352 с.
65. Скороходько С.А. Жанровое и национальное своеобразие текста и перевод реалий: (на материале волшебной сказки): Автореф. . дис. канд. филол. наук. – Одесса, 1991. – 16 с.
66. Бараг Л.Г. Состояние восточнославянской устной сказочной традиции и современные народные сказочники // Традиции и современность в фольклоре. – М.: Наука, 1988. – С. 113 – 135.

67. Народные сказки Британских островов. Сборник / Сост. Дж. Риордан. – М.: Радуга, 1987. – 368 с.
68. Dundes A. The Search for Origins // Alan Dundes The Study of Folklore. – Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, Inc., 19656. P. 53 – 56.
69. Degh L. Folk Narrative // Folklore and Folklife: An Introduction / Ed. by Richard M.Dorson. – Chicago – London: The University of Chicago Press, 1972. – P. 53 – 83.
70. Афанасьев А.Н. Происхождение мифа, метод и средства его изучения // Дерево жизни: Избранные статьи. – М.: Современник, 1982. – С. 21 - 37.
71. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 365 с.
72. Афанасьев А.Н. Мифы, поверья и суеверия славян. В 3-х т. М.: Изд-во Эксмо; - СПб.: Terra Fantastica. – Т. 1. – 2002. – 800 с.
73. Пропп В.Я. А.Н. Афанасьев и его «Народные русские сказки» // Фольклор. Литература. История. – М.: Лабиринт, 20026. – С. 250 – 268.
74. Sydow C.W. Folktale Studies and Philology: Some Points of View // Alan Dundes The Study of Folklore. – Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, Inc., 1965. – P. 219 – 242.
75. Dorson R.M. Concepts of Folklore and Folklife Studies // Folklore and Folklife: An Introduction / Ed. by Richard M.Dorson. – Chicago – London: The University of Chicago Press, 1972. – P. 1 – 50.
76. Desmonde W.H. Jack and the Beanstalk // Alan Dundes The Study of Folklore. – Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, Inc., 1965. – P. 107 – 109.
77. Wolfenstein M. Jack and the Beanstalk: An American Version // Alan Dundes The Study of Folklore. – Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, Inc., 1965. – P. 110 – 113.
78. Bettelheim B. The Uses of Enchantment: The Meaning and Importance of Fairy Tales. Harmondsworth, Middlesex: Penguin Books Ltd., 1979. – 328 p.
79. Майкова А.Н. Архетипы и архетипические образы (на примере сказки о Царевне-лягушке и мифа о Гильгамеше) // Филологические науки. 1999. – № 4. – С. 20 – 29.
80. Шульц С.А. Проблемы герменевтики в фольклористике (по поводу теорий В.Я. Проппа и К.Г. Юнга о волшебной сказке) // Русская литература. – 2004. № 4. – С. 193 – 197.
81. Островский А.Б. Этнологический структурализм Клода Леви-Строса. В кн.: Леви-Строс К. Первобытное мышление. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 1999. – С. 3 – 14.
82. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2003. - 144 с.
83. Баевский В.С. Опыт количественного исследования мифообрядовых истоков волшебной сказки // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Сб. науч. трудов под ред. Б.Н.Путилова. – Л.: Наука, 1984. – С. 11 – 83.

84. Белая Г. В. Лингвострановедческий и аксиологический аспекты французской фольклорной сказки // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. – № 2. – С. 32 – 41.
85. Тудоровская Е.А. О структуре волшебной сказки // Русская народная проза. Русский фольклор. – Л.: Наука. – Т. 13. – 1972. – С. 148 – 159.
86. Алпатова В.С. Атрибутика персонажей британской народной волшебной сказки: (семасиологическое исследование): Автореф. дис. . канд. филол. наук. – Одесса, 1990. – 16 с.
87. Добровольская В.Е. Предметные реалии русской волшебной сказки: Дис. . канд. филол. наук. – М., 1995. – 249 с.
88. Гулянкова Т.И. Средства и способы контактной и дистантной связности фольклорного текста (на материале русской народной волшебной сказки): Дис. . канд. филол. наук. – Курск, 1996. – 228 с.
89. Сухбаатарын Монхтуяа Номинация персонажей русских и монгольских волшебных сказок: Дис. . канд. филол. наук. – М., 2001. – 222 с.
90. Мамонова Ю.В. Когнитивно-дискурсивные особенности лексики английской бытовой сказки: Автореф. дис. . канд. филол. наук. – М., 2004. – 21 с.
91. Кэ Ян Лингвостилистический и лингвострановедческий анализ русских народных волшебных сказок: Дис. . канд. филол. наук. – Казань, 1995. – 160 с.
92. Кузнецова Н.И. Имена прилагательные, определяющие возраст и внешность человека в русских народных сказках: Автореф. дис. . канд. филол. наук. – М., 1997. – 16 с.
93. Ласкавцева Е.Ю. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой народной сказки: Дис. . канд. филол. наук. – Краснодар, 2001. – 145 с.
94. Новый Большой англо-русский словарь: В 3 т. / Ю.Д. Апресян, Э.М. Медникова, А.В. Петрова и др.; Под общ. рук. Ю.Д. Апресяна и Э.М. Медниковой. – М.: Русский язык, 2001. – Т. 1: А – F. – 832 е.; Т. 2: G – Q. – 832 е.; Т. 3: R – Z. – 832 с.
95. Briggs K. A Dictionary of Fairies: Hobgoblins, Brownies, Bogies and Other Supernatural Creatures. Harmondsworth: Penguin Books, 1977. – 481 p.
96. Folk Tales of England / Ed. by K.M. Briggs and R.L. Tongue. – London: Routledge and Kegan Paul Limited Broadway House, 1964. – 174 p.
97. Ayto J. Dictionary of Word Origins. – London: Bloomsbury Publishing Pic., 2001. – 583 p.
98. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2 е изд., стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.
99. Герд А.С. Введение в этнолингвистику. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. – 488 с.
100. Толстой Н.И. Неравномерность развития звеньев языковой и мифологической системы в этнолингвистическом аспекте. В кн.: Толстой

- Н.И. Избранные труды. Очерки по славянскому языкознанию. – М.: Языки русской культуры. – Т. 3. – 1996. – С. 40 – 47.
101. Толстой Н.И. О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос). Сб. науч. трудов. – Л.: Наука, 1983. – С. 181 – 190.
 102. Толстой Н.И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин. В кн.: Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Изд-во «Индрик», 1995. – С. 27 – 40.
 103. Толстая С.М. Этнолингвистика: современное состояние и перспективы // Оппозиция устности / книжности в «низовой» словесности и традиции «наивной литературы». – М.: ИВГИ РГГУ, 2000. – www.ruthenia.ru/folklore/Tolstaja.html
 104. Маковский М.М. Язык Миф - Культура. Символы жизни и жизнь символов. – М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова, 1996. – 330 с.
 105. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Серебренников Б.А., Кубрякова Е.С., Постовалова В.И. и др. – М.: Наука, 1988. – С. 8 – 69.
 106. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Культура и ее этнопсихолингвистическая ценность // Этнопсихолингвистика / Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю., Крюков А.Н. и др. Отв. ред. Ю.А. Сорокин. – М.: Наука, 1988. – С. 5 – 18.
 107. Ортега-и-Гассет Х. Нищета и блеск перевода. В кн.: Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? – М.: Наука, 1991. – С. 336 – 352.
 108. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. – № 1. – С. 37 – 67.
 109. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Курс лекций. – М.: Академия, 1998. – 432 с.
 110. Гречко В.А. Теория языкознания. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та. – Ч. 2. – 1998. – 307 с.
 111. Урысон Е.В. Языковая картина мира vs. обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. 1998. – № 2.1. С. 3 – 21.
 112. Инчина Ю.А. Национально-культурная специфика фразеологизмов с зоонимным компонентом в триязычной ситуации (на материале русского, английского и немецкого языков): Автореф. дис. . канд. филол. наук. – М., 2002. – 22 с.
 113. Питана С.А. Концепты мифологического мышления как составляющая концептосферы национальной картины мира: Автореф. дис. . д-ра филол. наук. – Уфа, 2002а. – 40 с.
 114. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.

115. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 398 с.
116. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии / Под ред. В.Д. Бондалетова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 184 с.
117. Толстой Н.И. Язык и культура. В кн.: Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Изд-во «Индрик», 1995а. – С. 15 – 26.
118. Толстой Н.И. Язык словесность – культура – самосознание. – В кн.: Толстой Н.И. Избранные труды. Славянская литературно-языковая ситуация. – М.: Языки русской культуры. – Т. 2. – 1998. – С. 10 – 21.
119. Петренко О.А. Этнический менталитет и язык фольклора. – Курск: Изд-во КГПУ, 1996б. – 118 с.
120. Игошкина С.Ю. Актуальные проблемы изучения фольклорной картины мира // Лингвофольклористика 4: Сб. науч. статей. – Курск: Изд-во КГПУ, 2000. – С. 83 – 89.
121. Хренов Н.А. Картина мира как система архетипов // Этническое и языковое самосознание: Материалы конференции (Москва, 13-15 декабря 1995 г.). – М.: Ин-т народов России, 1995. – С. 159 – 160.
122. Новиков В.С. Фольклор: проблема этнической психологии // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: Материалы международной научно-практической конференции в 2 т. – Бийск: НИЦ БиГПИ. – Т. 2. – 1998. – С. 65 – 70.
123. Томахин Г.Д. Лексика с культурным компонентом значения // Иностр. языки в школе. 1980. – № 6. – С. 47 – 50.
124. Хроленко А.Т., Бондалетов В.Д. Теория языка / А.Т. Хроленко, В.Д. Бондалетов. Под ред. В.Д. Бондалетова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 512 с.
125. Томахин Г.Д. Реалии в языке и культуре // Иностр. языки в школе. 1997. – № 3. – С. 13 – 18.
126. Веденина Л.Г. Теория межкультурной коммуникации и значение слова // Иностр. языки в школе. 2000. – № 5. – С. 72 – 76.
127. Конецкая В.П. Лексико-семантические характеристики языковых реалий. // Рум А.Р.У. Великобритания: Лингвострановедческий словарь. 2-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2000. – С. 532 – 538.
128. Шамо́в А.Н. Культурный компонент в структуре значения слова // Лингвистические основы межкультурной коммуникации в сфере европейских языков. – Н.Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. – Ч. 2. – 2002. – С. 33 – 35.
129. Ощепкова В.В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. – М., СПб.: ГЛОССА, КАРО, 2004. – 336 с.
130. Уфимцева А.А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики / Под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 240 с.

131. Васильев Л.М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. -1971. – № 5. – С. 105 – 113.
132. Долгих Н.Г. Теория семантического поля на современном этапе развития семасиологии // Вопросы языкознания. 1973. – № 1. – С. 89 – 98.
133. Щур Г.С. Теории поля в лингвистике. – М.: Наука, 1974. – 255 с.
134. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. – М.: Просвещение, 1975. – 271 с.
135. Кезина С.В. Семантическое поле как система // Филологические науки. -2004. – №4. – С. 79 – 86.
136. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 688 с.
137. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 224 с.
138. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1959. – 351 с.
139. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь / Лит. ред. М.Д. Литвинова. – М.: Русский язык, 1984. – 944 с.
140. Рум А.Р.У. Великобритания: Лингвострановедческий словарь. 2-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 2000. – 560 с.
141. Gillian E. Hobgoblin and Sweet Puck. Fairy Names and Nature. – London: Geoffrey Bles, 1974. – 229 p.
142. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе / Под ред. Вл. Россельса. – М.: Международные отношения, 1980. – 352 с.
143. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Изд-во института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
144. Томахин Г.Д. Лингвострановедение: что это такое? // Иностр. языки в школе. 1996. – № 6. – С. 22 – 27.
145. Деева И.М. Опыт семантической классификации группы высокочастотных прилагательных современного английского языка // Некоторые проблемы слова и предложения в современном английском языке. – Горький: ГГПИ им. А.М. Горького, 1976. – С. 47 – 62.
146. Кверк Р., Гринбаум С., Лич Дж., Свартвик Я. Грамматика современного английского языка для университетов / Под ред. И.П. Верховской. – М.: Высшая школа, 1982. – 391 с.
147. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A Comprehensive Grammar of the English Language. – London, N.Y.: Longman, 1992. – 1779 p.
148. Alexander L.G. Longman English Grammar. – London, N.Y.: Longman, 1996. – 374 p.
149. Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка. – М.: Высшая школа, 2000. – 381 с.
150. More English Fairy Tales / Retold by Joseph Jacobs. – London: David Nutt, 1894. – www.sacred-texts.com/neu/eng/mefit/mefitOO.htm

151. Хроленко А.Т. Своеобразие фольклорного слова // Проблемы текстологии фольклора. Русский фольклор. Т. 26. – Л.: Наука, 1991б. – С. 122 – 133.
152. Хроленко А.Т. Эпическая картина мира и семантическая структура фольклорного слова // Семантика языковых единиц: Ч. 1. Памяти А.Ф. Лосева: Лексическая семантика: Доклады 4-й международной научной конференции. – М.: МГОПИ, 1994. – С. 143 – 146.
153. English Fairy Tales / Retold by Joseph Jacobs. – London: David Nutt, 1890. – wvm.sacred-texts.com/neu/eng/eft/eft00.htm
154. English Fairy Tales / Retold by Flora Annie Steel. – London: Macmillan and Co. Ltd, 1927. – 37 p.
155. Hoad T.F. The Concise Oxford Dictionary of English Etymology. – Oxford, New York: Oxford University Press, 1996. – 552 p.
156. Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman Group UK Ltd., 2000. – 1568 p.
157. Королев К.М. Энциклопедия сверхъестественных существ. – М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2002. – 448 с.
158. Мифология. Энциклопедия / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. – 736 с.
159. Lingvo 9.0: Электронный словарь. АBBYY, 2001.
160. Пропп В.Я. А.И. Никифоров и его «Севернорусские сказки» // Фольклор. Литература. История. – М.: Лабиринт, 2002г. – С. 296 – 328.
161. Маковский М.М. Английская этимология. – М.: Высшая школа, 1986. – 151 с.
162. Лутовинова И.Б. О происхождении некоторых постоянных эпитетов и слов-символов в английской народной сказке // Стилистика как общелингвистическая дисциплина. Сб. науч. трудов. – Калинин: Изд-во КГУ, 1989. – С. 67 – 89.
163. Маковский М.М. Семиотика языческих культов (мифопоэтические этюды) // Вопросы языкознания. 2002. – № 6. – С. 55 – 81.
164. Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь: Исследования магии и религии. – М.: Изд-во АСТ, 1998. – 784 с.
165. Маковский М.М. Историко-этимологический словарь английского языка. – М.: Издательский дом «Диалог», 2000. – 416 с.
166. Исаев М.И. Словарь этнолингвистических понятий и терминов. 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 200 с.

Список сказок из сборника Дж. Джейкобса «Английские народные сказки» («English Fairy Tales» 1890)

1. Tom Tit Tot
2. The Three Sillies
3. The Rose-Tree
4. The Old Woman and Her Pig
5. How Jack Went to Seek his Fortune
6. Mr Vinegar
7. Nix Nought Nothing
8. Jack Hannaford
9. Binnorie
10. Mouse and Mouser
11. Cap O'Rushes
12. Teeny-Tiny
13. Jack and the Beanstalk
14. The Story of the Three Little Pigs
15. The Master and His Pupil
16. Titty Mouse and Tatty Mouse
17. Jack and His Golden Snuff-Box
18. The Story of the Three Bears
19. Jack the Giant-Killer
20. Henny-Penny
21. Childe Rowland
22. Molly Whuppie
23. The Red Ettin
24. The Golden Arm
25. The History of Tom Thumb
26. Mr Fox
27. Lazy Jack
28. Johnny-Cake
29. Earl Mar's Daughter
30. Mr Miacca
31. Whittington and His Cat
32. The Strange Visitor
33. The Laidly Worm of Spindleston Heugh
34. The Cat and the Mouse
35. The Fish and the Ring
36. The Magpie's Nest
37. Kate Crackernuts
38. The Cauld Lad of Hilton
39. The Ass, the Table and the Stick
40. Fairy Ointment

41. The Well of the World's End
42. Master of all Masters
43. The Three Heads of the Well

Список сказок из сборника Дж. Джейкобса «Английские народные сказки» («More English Fairy Tales» 1894)

1. The Pied Piper
2. Hereafterthis
3. The Golden Ball
4. My Own Self
5. Black Bull of Norroway
6. Yallery Brown
7. Three Feathers
8. Sir Gammer Vans
9. Tom Hickathrift
10. The Hedley Kow
11. Gobborn Seer
12. Lawkamercyme
13. Tattercoats
14. The Wee Bannock
15. Johnny Gloke
16. Coat o'Clay
17. The Three Cows
18. The Blinded Giant
19. Scrapefoot
20. The Pedlar of Swaffham
21. The Old Witch
22. The Three Wishes
23. The Buried Moon
24. A Son of Adam
25. The Children in the Wood
26. The Hobyahs
27. A Pottle o'Brains
28. The King of England and his Three Sons
29. King John and the Abbot of Canterbury
30. Rushen Coatie
31. The King o'the Cats
32. Tamlane
33. The Stars in the Sky
34. News!
35. Paddock, Mouse and Ratton
36. The Little Bull-Calf
37. The Wee, Wee Mannie

38. Habetrot and Scantlie Mab
39. Old Mother Wiggle-Waggle
40. Catskin
41. Stupid's Cries
42. The Lambton Worm
43. The Wise Men of Gotham
44. Princess of Canterbury

Список сказок из сборника Ф.А. Стил «Английские народные сказки»
(«English Fairy Tales» 1927)

1. St George of Merrie England
2. The Story of the Three Bears
3. Tom-Tit-Tot
4. The Golden Snuff-Box
5. Tattercoats
6. The Three Feathers
7. Lazy Jack
8. Jack the Giant Killer
9. The Three Sillies
10. The Golden Ball
11. The Two Sisters
12. The Laidly Worm
13. Titty Mouse and Tatty Mouse
14. Jack and the Beanstalk
15. The Black Bull of Norroway
16. Catskin
17. The Three Little Pigs
18. Nix Naught Nothing
19. Mr and Mrs Vinegar
20. The True History of Sir Thomas Thumb
21. Henny-Penny
22. The Three Heads of the Well
23. Mr Fox
24. Dick Whittington and His Cat
25. The Old Woman and Her Pig
26. The Wee Bannock
27. How Jack Went Out to Seek His Fortune
28. The Bogey-Beast
29. Little Red Riding-Hood
30. Childe Rowland
31. The Wise Men of Gotham
32. Caporushes
33. The Babes in the Wood

34. The Red Ettin
35. The Fish and the Ring
36. Lawkamercyme
37. Master of all Masters
38. Molly Whuppie and the Double-Faced Giant
39. The Ass, the Table and the Stick
40. The Well of the World's End
41. The Rose Tree

Список сказок из сборника Дж. Риордана «Народные сказки Британских островов» («Folk-Tales of the British Isles» 1987)

1. Skillywidden
2. The Tulip Pixies
3. Lutey and the Merrymaid
4. Jan Co
5. Jacky-my-Lantern
6. Cherry of Zennor
7. The Three Sillies
8. The Knucker of Lyminster
9. The Sweating Fairies
10. The Hyter Sprites
11. The Mare's Egg
12. The Clicking Toad
13. Tops or Butts?
14. The Wise Men of Gotham
15. The Green Ladies of One Tree Hill
16. The Boogies an' the Salt-Box
17. Ghosts in the Fen
18. Tom Tit Tot
19. Cap o' Rushes
20. Mary Who Were Afeared O'Nothing
21. A Cure for a Fairy
22. How Oud Polly Gorst Cum Agin
23. The Fairy Funeral
24. Old Nancy and the Silver Token
25. The Headless Woman
26. The Lancashire Witches
27. The Flaycrow
28. The Boggart of Hellen Pot
29. A Pottle o' Brains
30. The Bargest of Grassington
31. Mother Shipton
32. Tiddy Mun

- 33. The Hedley Kow
- 34. The Magic Ointment